

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «ИСЧЕЗНУВШИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

ПОГРЕБЕННЫЕ ЦАРСТВА КИТАЯ

**ПОГРЕБЕННЫЕ
ЦАРСТВА
КИТАЯ**

**ПОГРЕБЕННЫЕ
ЦАРСТВА
КИТАЯ**

КТЕРРА

МОСКВА
ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ
1998

УДК 931
ББК 63.3(5)
П43

Перевод с английского
А. ЧЕКМАРЕВА

Погребенные царства Китая / Пер. с англ. А. Чекмарева. —
П43 М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 1998. — 168 с.: ил. — (Энциклопедия «Исчезнувшие цивилизации»).

ISBN 5-300-01737-X

Книга рассказывает о древних китайских царствах, существовавших на территории современного Китая. Авторы описывают сенсационные открытия археологов, проливших свет на историю государств, первое из которых возникло еще во II тысячелетии до н. э.

УДК 931
ББК 63.3(5)

ПОГРЕБЕННЫЕ ЦАРСТВА КИТАЯ

Редактор *В. Акатова*
Художественный редактор *И. Лопатина*
Технический редактор *Г. Шитоева*
Корректор *И. Сахарук*

ЛР № 030129 от 23.10.96 г.
Подписано в печать 03.03.98 г.
Гарнитура Академическая. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 21,94. Цена 52 р.
Цена для членов клуба 45 р.

ТЕРРА—Книжный клуб.
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

Оригинал-макет подготовлен ТОО «Макет». 141700, Московская обл.,
г. Долгопрудный, ул. Первомайская, 21.

ISBN 5-300-01737-X

Authorized Russian edition © 1998 TERRA—Book Club. Original
edition © 1993 Time-Life Books BV. All rights reserved.

No part of this book may be reproduced in any form, by any
electronic or mechanical means, including information storage and
retrieval devices or systems, without prior written permission from
the publisher, except that brief passages may be quoted for review.

Time-Life Books is a trademark of Time Warner Inc.

© ТЕРРА—Книжный клуб, 1998

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЭПОХА ШАН: НАРОД, СПАСЕННЫЙ ОТ ЗАБВЕНИЯ

7

Почитание предков 35

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВОСТОЧНАЯ ЧЖОУ — ЭПОХА ПРОТИВОРЕЧИЙ

43

“Капсула времени” китайской пустыни 72

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЦИНЬ — РАЗ В ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ПОКОЛЕНИЙ

83

Похороненная армия 105

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ДИНАСТИЯ ХАНЬ. ПЛОТЬ НА КОСТЯХ ИСТОРИИ

115

Женщина из прошлого 145

Библиография 161
Предметный указатель 164

ЭПОХА ШАН: НАРОД, СПАСЕННЫЙ ОТ ЗАБВЕНИЯ

Долина реки Хуанхэ — широкая и ровная, весной ее плодородные земли покрываются зеленью всходов, а летом высыхают под палящими лучами солнца Северного Китая. На южном берегу реки раскинулся Аньян. Через этот современный провинциальный город проходит железная дорога, но едва ли его можно считать местом, куда устремляются путешественники со всего света. И тем не менее сюда ежегодно приезжают сотни гостей с единственной целью: увидеть остатки одной из великих цивилизаций древнего Китая, насчитывающей более трех тысячелетий истории, столицу династии Шан, расположенную менее чем в двух милях к северо-западу от Аньяна.

Некогда почти все связанное с Шан подвергалось сомнению: и имя, которое в древних текстах традиционно относилось к династии бронзового века, и местонахождение ее столицы, и даже цивилизация, созданная во времена ее правления. В письменных источниках указывалось, что цари династии Шан правили более шести с половиной веков, с начала XVII до середины XI в. до н. э., и что в начале ее правления цари меняли столицу 5 раз, прежде чем 19-й император обосновался в Ине, вблизи Аньяна. Почти три тысячелетия местность вокруг Аньяна носила название Развалины Иня. В наше время благодаря этим развалинам она признана одной из самых значительных с точки зрения активного ведения археологических раскопок и является наиболее разработанным археологами местом в мире.

Вот уже полвека, считая с конца двадцатых годов, в районе Аньяна почти непрерывно ведутся раскопки. Когда весной 1976 года

Впечатляющий образец искусства древних камнерезов.

Это нефритовое изображение длиннохвостой птицы феникс было найдено в гробнице супруги одного из царей династии Шан, правившего в XIII веке до н. э. По всей вероятности, оно использовалось в качестве украшения.

ок. 5000 г. до н. э.

ЭПОХА НЕОЛИТА

ок. 2550 г. до н. э. —
строительство пирами-
ды Хеопса в Гизе

ок. 2000 г. до н. э. —
сооружение Стоун-
хенджа

ок. 1700—1050 гг. до н. э.
ЭПОХА ДИНАСТИИ
ШАН

ок. 1600 г. до н. э. —
Крито-микенская
культура Греции

ок. 1200 г. до н. э. —
зарождение культуры
ольмек в Мексике

ж. 1050—771 гг. до н. э.
ЭПОХА ДИНАСТИИ
ЗАПАДНАЯ ЧЖОУ

ок. 900 г. до н. э. —
образование нубийского
царства Куш

771—221 гг. до н. э.
ЭПОХА ДИНАСТИИ
ВОСТОЧНАЯ ЧЖОУ

753 г. до н. э. —
дата основания Рима,
согласно легенде

221—206 гг. до н. э.
ЭПОХА ДИНАСТИИ
ЦИНЬ

218 г. до н. э. —
начало Второй Пуниче-
ской войны между Ри-
мом и Карфагеном

206 г. до н. э.—220 г. н. э.
ЭПОХА ДИНАСТИИ
ХАНЬ

ок. 30 г. н. э. —
распятие Христа

бригада археологов из Аньяна прибыла на место для дальнейших исследований, некоторые из них сомневались в том, что можно раскопать что-то значительное. Местность повсюду пестрела засыпанными траншеями и колодцами, между которыми были беспорядочно навалены кучи земли. Чжэн Чжэньсян, руководитель раскопок, дала задание своей бригаде начать работы на участке земли, несколько возвышающемся над окружающими полями. За прошедшую зиму местные крестьяне не раз находили там предметы, относящиеся к эпохе Шан. В разгаре сезона раскопок у археологов прибавилось энтузиазма: они неожиданно натолкнулись на развалины каких-то построек. Среди них оказались фундаменты примерно дюжины домов, восемьдесят ям для хранения овощей и более десятка гробниц. Гробницы были построены ниже уровня пола, по древней китайской традиции, когда стены и дно утрамбовывались, и мягкая почва превращалась в твердую поверхность внутри гробницы.

Наибольшую сенсацию произвело вскрытие гробницы, помеченной в регистрационном журнале раскопок номером 5. По мере продвижения ко дну гробницы, находящемуся на глубине 24 футов, археологи все больше убеждались, что гробница № 5 — необычное захоронение. Раскопанная и обработанная в тот сезон тщательнее, чем все другие, она могла оказаться не только царской могилой, но и единственной досконально исследованной из них, относящейся к династии Шан, нетронутой грабителями, опустошавшими эту местность в течение трех тысячелетий.

Среди необыкновенного множества разнообразных предметов, найденных в гробнице, были 440 изделий из бронзы, 590 из нефрита, 560 из кости, большинство вырезаны из слоновых бивней. К этому следует добавить несколько фрагментов керамических изделий и около 7000 раковин каури с берегов Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей, которые, вероятно, собирали и использовали в виде денег. В два с лишним раза больше бронзовых изделий было извлечено из одной этой гробницы, чем из всех могил, раскопанных археологами в Аньяне в течение предшествовавших десятилетий: зеркала, церемониальные сосуды, колокольчики и оружие, выполненные с большим мастерством и украшенные причудливым орнаментом. Искусно декорированная кухонная подставка из бронзы со следами копоти на ножках и три котелка явились первым набором подобного рода, найденным в Китае во время раскопок. Среди изделий из нефрита были ритуальные предметы и украшения, включающие изящные фигурки людей и животных: извивающихся драконов, крадущихся медведей и трубящих слонов.

Археологов не удивило, что среди раскопанного в гробнице были останки 16 человек — мужчин, женщин и детей — и шести собак, принесенных в дар обитателю гробницы. Человеческие жертвоприношения были обычным делом во времена Шан.

Роскошь погребальных предметов в гробнице № 5 указывала на то, что в ней захоронен человек, который занимал высокое положение в царском доме Шан. От его тела ничего не осталось: оно разложилось за три тысячи лет. Но когда надписи на предметах, найденных в гробнице, были расшифрованы, сразу же стало ясно, кто был погребен в этой могиле.

Ее имя, написанное на костях животных и черепаших панцирях, найденных в Аньяне, было Фу Хао. Про эту женщину было известно то, что она являлась одной из любимых и самых влиятельных жен У Дина, царя из династии Шан, правившего в XIII веке до нашей эры. Считается, что У Дин правил 59 лет и в течение всего

этого времени отдал много сил и энергии организации и руководству военными походами. По меньшей мере двумя из этих походов руководила его супруга Фу Хао, по праву являвшаяся генералом. Как гласят надписи, обнаруженные в других местах, эта неординарная женщина командовала армией из 13 000 человек в сражениях против племен Цян, живших к западу от царства Шан и считавшихся его исконным врагом, и возглавляла набег на государство Ту Фан, расположенное на северо-западе. Фу Хао была хозяйкой крупного земельного владения, расположенного за пределами столицы, и официально участвовала в некоторых придворных церемониях, посвященных духам и предкам Шан, что входило в обязанности только самых почетных представителей царского рода. Говорят, что сердце У Дина было разбито, когда он узнал о смерти Фу Хао. Традиция утверждает, что он выплакал реки слез на ее похоронах и она часто являлась ему в снах.

В течение тысячелетий таинственная Шан волновала воображение китайских любителей древности, была предметом спекуляций и фантазий. Китайский философ Конфуций, живший в VI в. до н. э., говорил в отношении Шан: "Как можно говорить о их церемониях? Нет ни документов, ни знающих людей". Еще больше был скептицизм историков начала XX века. Они считали легендой древние письмены, помещавшие Шан в середине трех династических эпох, почитаемых как "Золотой век" древнего Китая. Двумя другими династиями были

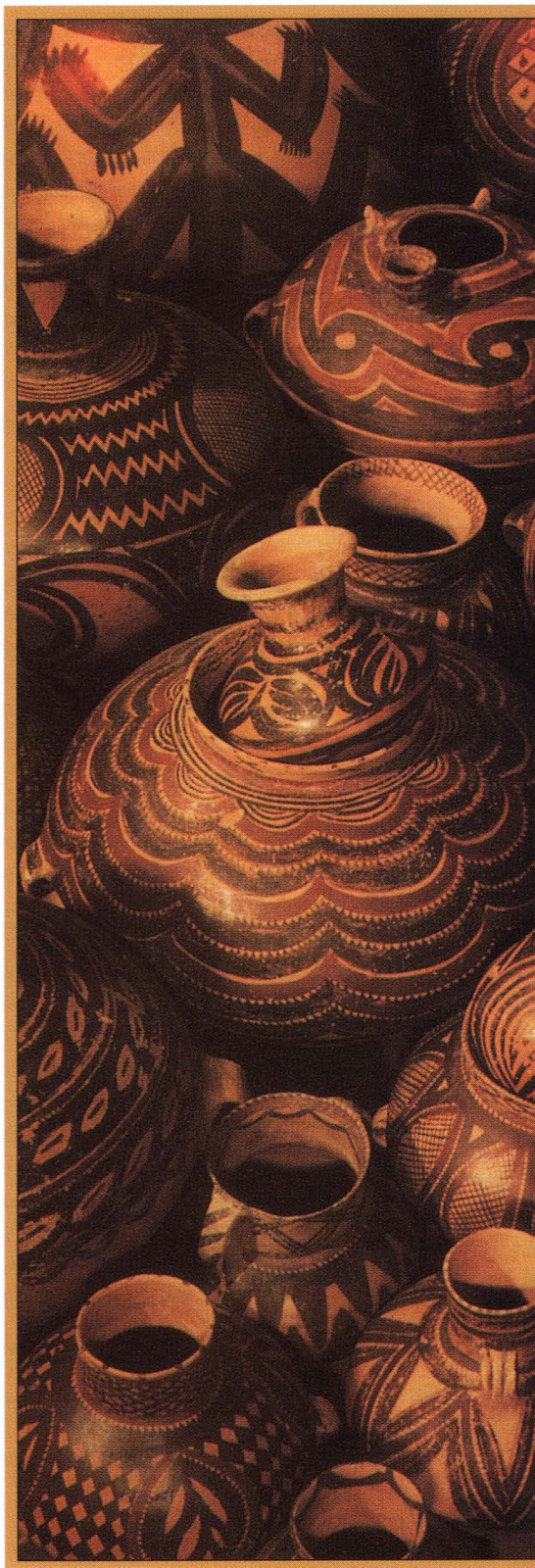
Карта современного Китая включает 22 провинции, три муниципалитета и пять автономных районов. И хотя административное деление древнего Китая, о котором идет речь в этой книге, было иное, современные административно-территориальные границы и названия административно-территориальных единиц, обозначенные на карте, помогут читателю определить места археологических раскопок, упоминаемые в тексте.

Ся, предшествовавшая Шан, и Чжоу, следовавшая за Шан. Пренебрегая первыми двумя, многие историки и археологи считали, что история Китая начинается с династии Чжоу.

Причиной такого широко распространенного скептицизма было отсутствие памятников и предметов, относящихся к династиям Ся и Шан. До наших дней не сохранились храмы и дворцы этих династий, что и неудивительно, так как каждая последующая династия разрушала здания предыдущей и выстраивала свои на их руинах. Что касается династии Шан, то архивы династии были разворованы после захвата ее столицы победоносными Чжоу примерно в середине II века до нашей эры, а уцелевшие документы поглотило время. И до тех пор, пока археологи, стремясь заглянуть в далекое прошлое Китая, не начали вести серьезные раскопки на его территории, древняя история этой страны имела неясные очертания.

С увеличением открытий детали истории стали проступать четче. В настоящее время исследованы фактически тысячи различных мест на территории Китая. Еще несколько лет назад книгу, охватывающую древнюю историю Китая, охватывающую так широко, как та, которую вы сейчас держите в руках, издать было бы очень трудно. Эта книга богата иллюстрациями и охватывает пяти тысячелетний период времени, начиная с эпохи неолита около 5000 лет назад и до 220 года нашей эры — года падения могущественной династии Хань. Благодаря многочисленным новым находкам книга освещает эпоху династии Шан, дает возможность подробно познакомиться с эпохой династии Западная Чжоу — временем развития культуры династии Шан в более утонченных формах, с эпохой Восточной Чжоу — периодом расцвета философии, реформ и постоянных войн, с короткой эпохой Цинь, когда правил первый император, который путем завоевания объединил и централизовал большую часть той территории, на которой расположен современный Китай, и со славной эпохой династии Хань — периодом расцвета утонченных вкусов и образованности, явившихся плодами как своего времени, так и наследием прошлых поколений.

Работа археологов в Китае может считаться удачной лишь по той простой причине, что в далекие времена в Китае в могилу вместе с телом покойного клали предметы его повседневной жизни. Даже самый бедный получал пару монет, для того чтобы оплатить вход в потусторонний мир или занять там особое положение. Две причины подталкивали людей к подобным действиям. Самой главной была та, что древние верили в продолжение жизни предков в ином мире, в таком царстве, двери которого могут открыться только для тех, кто при жизни продолжает проявлять к ушедшим прародителям должное уважение. После эпохи Шан была распространена вера в то, что родственники должны получать средства для спокойной жизни в потустороннем мире, только так, считали живые, можно надеяться в дальнейшем на их совет и благоволение.

Раскрашенные урны, принадлежащие одной из самых ранних неолитических культур Китая — Яншао, покрыты характерным орнаментом из волнистых и переплетающихся сеткой линий. Эта культура существовала в центральном и северо-западном регионах Китая более трех тысяч лет, примерно до начала второго тысячелетия до н. э.

Огромное историческое наследие Китая, погребенное под землей, долгое время находилось под защитой, отчасти из-за грозного табу, связанного с почитанием предков, что удерживало людей от посягательства на покой умерших, лежащих в могилах. Однако среди людей всегда

находятся более дерзкие, не боящиеся прогневить духов, посягнув на сокровища, хранящиеся в гробницах.

Грабители могил вряд ли были почитателями памятников древности. Например, когда в 281 году нашей эры грабители проникли в гробницу царя, похороненного в III в. до н. э., они обнаружили коллекцию бамбуковых пластинок с надписями, которая для археологов могла оказаться бесценной. Эти пластинки традиционно использовались для регистрации событий и фактов; связанные друг с другом шелковыми лентами, они образовывали длинные тексты и могли сворачиваться рулонами. Грабители охапками брали несвязанные пластинки и поджигали их как факелы, чтобы освещать разворовываемую гробницу в поисках более ценной добычи. Таким образом, драгоценные записи, которые могли бы раскрыть многие тайны прошлого, были потеряны для будущих поколений, за несколько минут превратившись в золу. Пластинки, которые избежали этой участи, вскоре после того были обнаружены и стали частью исторического документа, ставшего известным под названием “Бамбуковые анналы”. Вместе с другой информацией в них содержалась неизвестная до того времени хронологическая цепочка правивших царей династии Шан.

Имелись еще два документа, связанные с династией Шан. Один из них — это “Книга свидетельств”, сборник текстов, прославляющих великие деяния царей эпохи раннего Чжоу, где описывается завоевание народа Шан победоносными Чжоу. Вторая — памятник I в. до н. э., “Исторические записки”, автором которых является Сыма Цянь, выдающийся историк при дворе императоров династии Хань, давший обширное описание прошлого Китая со времен легендарных до тех дней, свидетелем которых был он сам. Из материала, относящегося к династии Шан: нескольких документов, изображающих в общих чертах генеалогию царей и указывающих на некоторые события, Сыма Цянь извлек все, что мог. Он указал порядок смены правителей династии Шан и составил текст, который вместе с “Бамбуковыми анналами” в течение последующей тысячи лет был основным источником знаний о династии и эпохе Шан.

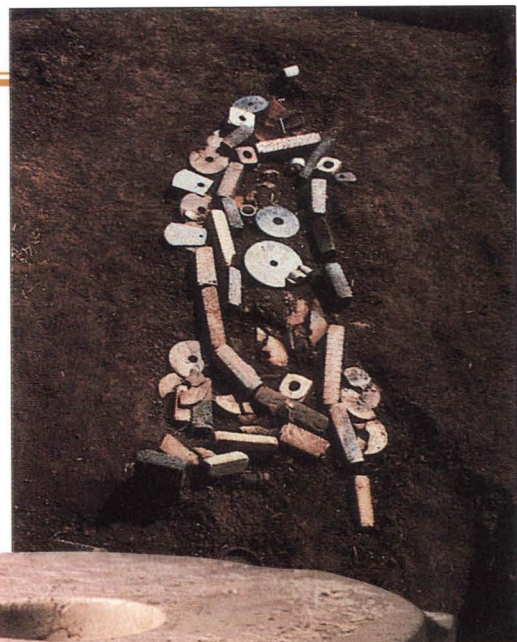
Во времена династии Сун (960—1279) ученые отправлялись в места, указанные в древних текстах, и собирали бронзовые сосуды эпох Шан и Чжоу, использовавшиеся в ритуалах поклонения предкам и захороненные вместе с умершими. Большинство из этих сосудов выкапывалось крестьянами и грабителями могил, а затем переходило в руки торговцев или знатоков истории. Кроме описывания и толкования надписей, имев-

шихся на сосудах, ученые отмечали места обнаружения находок, включая указания на расположение поблизости старинных храмов и различных памятников, и давали топографическую картину региона. Составляли каталоги с описанием всего, что смогли узнать о найденных предметах. Эти каталоги даже в настоящее время считаются очень важным историческим материалом. Император Хуэйцзун, принадлежавший к упомянутой династии Сун и правивший в XII в., был настолько захвачен коллекционированием и изучением реликвий прежних цивилизаций, что посвящал этому все свое время. Согласно оценке одного из современников монарха, в императорских тайниках число раритетов достигло 10 000. Для императора его занятие имело большое значение, так как он использовал надписи на бронзовых сосудах, связанные с древними ритуалами, в качестве инструкций от своих предков; они рассматривались как прямое послание из прошлого, неизгладимо запечатленное в металле и потому не несущее ошибок, допускаемых переписчиком и искажающих правду, передаваемую из поколения в поколение.

По мере угасания эпохи Сун монгольские орды начали совершать на Китай опустошительные набеги, и изучение бронзовых сосудов прекратилось. Во второй половине XVIII века вновь пробуждается интерес к академическому изучению надписей и исторических текстов. Век спустя, когда прошлое Китая еще дремало под землей, возникает еще один мощный импульс к поиску и изучению памятников материальной культуры древнего Китая, но в этот раз среди гостей из отдаленных стран.

В конце XIX века некоторые исследователи с Запада начинают предпринимать рискованные экспедиции вдоль древнего Шелкового пути, по которому две тысячи лет назад драгоценные ткани и другие товары, вызывающие вожделение ценителей прекрасного и бандитов, начинали свой путь под благословением и покровительством императора из Чаньяна, располагавшегося недалеко от современного Сианя в провинции Шэньси, и проходили через оазисы Средней Азии в Персию и дальше к Риму (стр. 118—119). На западе китайской провинции Ганьсу великие пустыни Гоби и Такла-Макан покрыли песками несколько оставленных поселений. Европейские охотники за сокровищами древних цивилизаций надеялись найти остатки древней китайской культуры в этих бесплодных пустынных землях, лежащих за границей современного Китая. И в этом они не ошиблись.

Среди первых оставивших след в этих заброшенных местах был шведский путешественник Свен Хедин, который между 1895 и

Неолитическое захоронение приблизительно середины III тысячелетия до н. э. (фото слева) предоставляет ключ к исследованию одной из самых ранних нефритовых культур Китая, Лянчжу. Захороненные останки были покрыты изделиями из нефрита — “би” в форме диска и квадратными “цун”, — которым, по всей вероятности, отводилась роль покровительственных сил. О том, что нефрит играл ритуальную роль в захоронениях неолита, можно судить по преобладанию изделий из него в могилах той эпохи. “Цун” культуры Лянчжу (фото внизу слева) имеет гладко отполированную поверхность с изображением фигуры в головном уборе из перьев, держащую находящееся под ней пучглазое чудовище.

1926 годом пересекал пустыни Средней Азии. В самом центре пустыни Такла-Макан он обнаружил в оазисе Лоулань древнее поселение, возникшее в эпоху неолита и процветавшее благодаря проходившему через оазис Великому шелковому пути со второго века до нашей эры до третьего столетия нашей эры, когда оно прекратило свое существование (стр. 72—81). Следом за Хедином шел немецкий исследователь Альберт фон Ле Кок. Они вернулись из своих экспедиций с верблюдами, нагруженными древними документами и предметами материальной культуры и с репутацией авантюристов.

За этими яркими личностями следовал английский востоковед Орел Стейн, который с 1899 по 1915 год занимался в Средней Азии раскопками в оазисах разрушенных городов и пограничных фортов в поисках манускриптов. Стейн упорно работал под палящим летним солнцем и в трескучие морозы, когда чернила застывали на ручке. И наконец в

1907 году в Дуньхуане, древнем городе в глубине пустыни, ему удалось обнаружить то, что Запад встретил как величайшее открытие, а Китай объявил грабежом национального наследия.

В этом поселении в оазисе, где в Средние века процветала буддийская община, еще жили люди. В скале, изрезанной гrotтами и пещерами и называвшейся Пещерами Тысячи Будд, Стейну показали тайник с древними бумажными шелковыми свитками, некоторые из которых датировались пятым веком нашей эры. Путем обмана и подкупа Стейн уговорил хранителя этого драгоценного тайника позволить ему взять отобранные свитки — в общей сложности 29 полных ящиков — в Дели, а затем он отправил их в Лондон в Британский музей. Многие из оставшихся в хранилище свитков были похищены французским востоковедом Полем Пелльо и теми, кто шел следом за ними.

Воодушевленные впечатляющей находкой Орела Стейна, археологи и авантюристы ринулись в Китай в надежде обнаружить то, что могло оказаться сопоставимым по значению и ценности со свитками из пещер. Успех им был обеспечен во многом благодаря обстоятельствам, сложившимся в ходе политических событий, охвативших страну. К концу XIX века ключевые регионы Китая были разделены между европейцами, Россией и Японией в связи с открывшимися экономическими

РАСКОПКИ В ЭПИЦЕНТРЕ ОПАСНОСТИ

Археологи, привлеченные в Китай в 20-х и 30-х годах сообщениями о находках доисторических стоянок человека, столкнулись со сложными условиями работы в связи с происходившей в стране гражданской войной. Самое яркое описание той атмосферы, в какой проходила работа ученых, дал американский археолог Карл Уайтинг Бишоп, сотрудник Художественной галереи Фрир в Вашингтоне.

Бишоп, руководя экспедициями в северных и центральных районах Китая с 1923 по 1934 год, сумел, несмотря на сложные обстоятельства, собрать материал об эпохе неолита и династии Хань. Особый интерес вызывают его многочисленные дневниковые записи и фотографии, ярко изображающие этот бурный период китайской истории.

Бишоп родился в 1881 году в Токио в семье миссионеров. В возрасте шестнадцати лет приехал в США получить высшее образование и подрабатывал на жизнь в антропологической мастерской Колумбийского университета. С 1914 по 1918 год он помощник хранителя Отдела Восточных искусств Музея Пенсиль-

ванского университета. Свою первую поездку в Китай в качестве археолога он осуществил в 1915 году. В 1918 году Бишоп призывают в ряды Военно-морского флота США, и он несет свою службу в качестве помощника атташе ВМФ США в Китае до 1920 года. В 1922 году он становится членом правления Художественной галереи Фрир и на следующий год совершает первую из двух самых важных экспедиций в Китай.

Работа Бишопа была сконцентрирована у Вачжасе в провинции Шэньси на одном из главных мест археологических раскопок эпохи неолита, в районе шириной в одну милю и длиной в семь миль, где, по сообщениям крестьян, в почве попадались в большом количестве глиняные черепки. Ведя раскопки в короткие сезоны между суровыми зимами и жаркими днями лета, его бригада археологов извлекала из-под земли и тщательно описала расписные и простые гончарные изделия, орудия из камня и кости, человеческие черепа, обнажила остатки круг-

лых ямных жилых построек, датируемых специалистами XXV—XX веками до нашей эры.

Та тщательность, с которой бригада археологов Бишоп проводила раскопки у Вачжасе, контрастируют с небрежностью, увиденной Бишопом на неконтролируемых раскопках мест захоронения династии Чжоу в провинции Хэнань, где копатели переломали и растащили несчетное множество бронзовых сосудов и других предметов, найденных в могилах, и не сделали ни единой записи.

Политическая круговерть сильно осложнила задачу Бишопа. Меняется власть, и разрешение на производство работ, выданное прежним правительством, становится недействительным. Угроза тифа, банд дезертировавших солдат и мародерствующих разбойничьих шаек, "известных своими грабежами и зверствами", как отмечает Бишоп, гонят рабочих с мест раскопок. Других отпугивают местные суеверия. Бишоп пишет: "Никто не хочет оставаться у кургана на ночь, заявляя, что там бродят духи".

Встревоженное нестабильной политической ситуацией, руководство Художественной галереи Фрир наконец в 1934 году отзывает Бишоп в США. До самой смерти, последовавшей в 1942 году, Бишоп уделял все свое время обустройству в стенах галереи огромной коллекции, посвященной Китаю.

Кажется, что пропасть отделяет Карла Уайтинга Бишоп, стоящего рядом с двумя местными чиновниками в Юане, в провинции Шэньси, в 1925 году от надвигающихся массовых беспорядков (Бишоп на фото крайний справа).

Совместными усилиями китайские рабочие выносят землю из шурфа, проложенного для раскопок в Юхэ Чжэнь, провинции Хэнань, в мае 1924 года. Из раскопанной здесь гробницы времен династии Восточная Хань Бишоп, охраняемый солдатами от бандитов, извлекал кирпичи и керамические сосуды, датированные I и II веками нашей эры.

Фотография 1931 года. Запряженные мулами повозки перевозят бережно упакованные находки в Юньцзин, расположенный в тридцати километрах от Ваньчуаня. Ряд находок был затем отправлен в коллекцию Художественной галереи Фрир в Вашингтон для научного изучения.

Экспонаты, приготовленные к показу на выставке предметов эпохи неолита, проведенной в 1931 году в провинции Шэньси, разложены на полу местной библиотеки. Иероглиф, изображенный на стене, может быть переведен как "Поступайте с честью и достоинством".

перспективами. Это привело к Боксерскому восстанию против иностранцев, вспыхнувшему в Китае в 1900 году и подавленному с помощью военного вмешательства ряда держав. В последующее десятилетие националистически настроенные круги направляли стремление китайцев к независимости в революционное русло, что в 1911 году привело к упразднению монархии и образованию самоуправляющейся республики.

Новое правительство, пытаясь ускорить финансовое развитие страны, пускается на осуществление дорогостоящего проекта по строительству железных дорог. Финансирование и планы строительства находились в основном в руках иностранных компаний и их технических специалистов. В этой связи одна из линий шла на запад от Лояна в провинции Хэнань к Сианю в провинции Шэньси, проходя через места богатейших захоронений древних императорских семей и обнажая скрытые в земле великолепные изделия из бронзы, нефрита и керамики. Иностранные инженеры стали отправлять находки в Европу, и вскоре на них появилась мода, был создан рынок. Тем временем местные грабители могил, поддержанные торговцами и коллекционерами, отправлялись во все известные места древних погребений, обшаривали их и продавали свои находки на антикварных рынках Шанхая и Пекина. Международная торговля артефактами древнего Китая стала настолько выгодной, что массовые подделки начали появляться на рынках, а затем и в музеях мира, где, по всей видимости, некоторые остаются нераспознанными и в наши дни.

Иностранные технические специалисты, работавшие на строительстве железных дорог, повышали интерес к китайской археологии, после того как превращали в деньги и культурные сокровища то, что оказывалось на поверхности земли. Й. Гуннар Андерссон, шведский геолог, занимался разведкой полезных ископаемых с санкции китайского правительства. Это был человек крепкого телосложения, с твердым характером. Он много ездил по стране, изучая геофизическую структуру земли. В 1921 году благодаря этому он совершил два выдающихся открытия. В Чжоукоудяне, в двадцати шести милях к юго-западу от Пекина, он обнаружил окаменевшие кости животных, которых, как он предположил, убили охотники. Он выдвинул идею о том, что это место может содержать останки древнего человека. Через 8 лет китайский палеонтолог Пэй Вэнь Чун, поверивший в его идею, обнаружил в этом месте ископаемые останки человека возрастом в 500 тысяч лет, которого называли синантроп (стр. 18—19). Вторая впечатляющая находка Андерссона была сделана в Яншаоцуне, к югу от Хуанхэ, в провинции Хэнань. Там он идентифицировал найденные артефакты как относящиеся к первой раскопанной на территории Китая неолитической культуре. Названная в честь места, где она впервые была обнаружена, культура Яншао (ок. 5000—ок. 2000 гг. до н. э.) связывается с расписанными горшками, обнаруженными там и в сотнях других мест в долинах рек

НЕДОСТУПНОЕ ВЗОРУ

Бронзовые сосуды из китайских гробниц, которые страстно желали приобрести коллекционеры из-за изящных форм и необычной отделки, часто продавались дорожке благодаря тонкому слою зеленой патины, образовавшейся в течение веков. Большой спрос на эти сосуды сделал их объектом мошенничества, и в течение многих столетий грабители могил доставали их из захоронений, уничтожая следы древних эпох.

Для того чтобы удовлетворить спрос на эти изделия, увеличившийся в XX веке, фальсификаторы изготавливали «древние» сосуды, используя методы искусственного нанесения слоя патины, что придает изделиям вид предметов старины. Другие умельцы восстанавливали сильно поврежденные коррозией или механическим воздействием сосуды и сбывали их в «отремонтированном» виде.

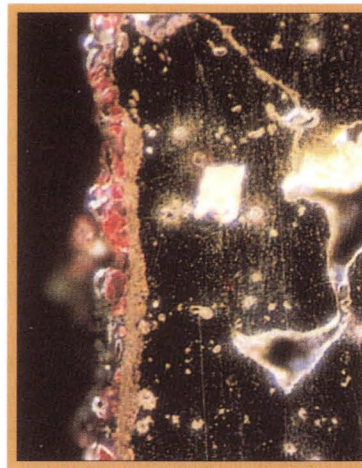
Годами ловкие торговцы наживали состояния на неспособности коллекционеров определить подделку или отличить древнюю часть сосуда от «свежих заплат». Жертвой подобного мошенничества становились даже музеи. В настоящее время это удастся выявить при помощи современной техники.

К примеру, при проверке под микроскопом фальшивая патина обычно определяется по неестественной структуре частиц, их морфологии. Тесты на физический и химический состав вещества, радиоуглеродное и термолюминесцентное датирование, а также рентгенография вносят свой вклад в определение

подлинности артефактов. Но острота ума и зрения еще не утратили свое значение.

Доказательством тому служит случай с одним служащим галереи Фрир в Вашингтоне, которому удалось подметить, что один из экспонатов галереи, сосуд бледно-зеленого цвета, в точности напоминает виденный им ранее на фотографии сосуд с гладкой черной поверхностью. Короткое обследование показало, что это действительно тот самый сосуд и что его покрыли искусственным слоем патины, перед тем как сбить на мировом рынке за кругленькую сумму.

Красные и оранжевые частицы на микрофотографии указывают на искусственную патины. Естественная патина взрывается в бронзу, а не только покрывает ее поверхность, как это имеет место в данном случае.

Этот бронзовый сосуд из коллекции Музея искусств Принстонского университета выглядел хорошо сохранившимся предметом старины, пока проверка не выявила участки свеженатопленной меди, покрытой сургучом и припоем. Сильно проржавевший оригинальный сосуд был залатан во многих местах, покрыт смесью песка и шеллака, сформировавшей твердую корку, и искусственно состарен поддельной патиной, что можно видеть на неочищенной половине.

Рентгеновские лучи проясняют то, что к этому винному кубку с помощью мягкого свинцового припоя присоединены две отломанные ножки. Покрытие, напоминающее естественную патины, скрыло следы ремонта.

Хуанхэ и Вэй от провинции Ганьсу до провинции Шаньдун. Через десять лет китайские археологи открывают вторую неолитическую культуру, Лоншань (ок. 2500—ок. 1700 гг. до н. э.), в провинции Шаньдун в деревне, давшей свое имя названию неолитической культуры. Находки Андерссона подняли завесу над ранее неизвестным периодом в прошлом Китая и взбудоражили мир науки. Андерссон, демонстрируя эффективность работы в поле для изучения прошлого Китая, способствовал созданию такого настроения умов среди самих китайцев, которое вызвало большой скачок в развитии археологических исследований.

К 1930 году группа обученных на западе китайских археологов при содействии их правительства смогла затормозить быстро развивавшуюся предпринимательскую деятельность иностранных экспедиций. В 1930 году Орел Стейн, который к тому времени уже вывез множество артефактов, натолкнулся на препятствие, когда его среднеазиатская экспедиция попыталась покинуть страну с еще одной богатой коллекцией памятников древности. Ограничения на вывоз товаров из Китая без надлежащей проверки и разрешения сыграли свою роль. После длительного разбирательства Стейн вынужден был оставить свои сокровища в Китае.

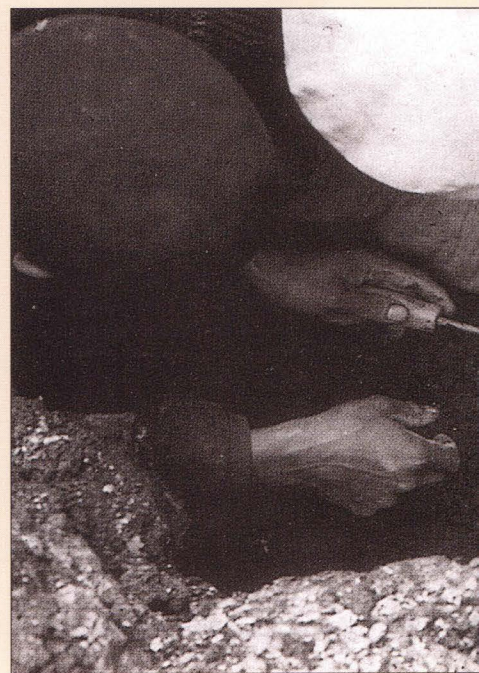
Несмотря на то что с годами законы ужесточались и по большей части действовали эффективно, Китай и поныне прикладывает огромные усилия, чтобы перекрыть каналы, через которые уходят за рубеж ценные предметы материальной культуры. Даже угроза смертной казни не стала препятствием к ограблению за последние два года 40 тысяч гробниц. Ограблению подвергаются также и музеи, испытывающие недостаток средств для организации надежной охраны. В особенности это касается мелких экспозиций в деревнях, где часто демонстрируются предметы, найденные в окрестностях. Воры даже получают заказы на определенный артефакт, а “клиент” иногда лично ожидает доставки похищенного предмета на судне поблизости от китайских берегов.

Пока европейцы растаскивали манускрипты и артефакты из пустынь Средней Азии, в конце XIX века китайский ученый, с глубоким уважением относившийся к прошлому своей страны, сделал открытие, которое взволновало мир науки и начало привлекать внимание все больших кругов заинтересованных лиц. А началось все в один из дней 1899 года, когда Ван Ижун, сотрудник Императорской Академии Ханьлинь в Пекине, страдал от приступа малярии. Посетивший его в это время другой ученый, Лю Теюнь, обратил внимание на то, что его коллега лечит себя снадобьем, содержащим в качестве одного из компонентов “разложившийся панцирь черепахи”. Но что больше всего привлекло внимание Лю, так это то, что куски панциря,

СЛУЧАЙ С ИСЧЕЗНОВЕНИЕМ КОСТЕЙ

В 20-х и 30-х годах нашего века в мире с напряжением ждали сообщений о том, насколько далеко в глубь времен уходят корни великой китайской цивилизации. Раскопки в пещерах Чжоукоудяня вблизи Пекина позволили извлечь из земли окаменевшие останки более чем сорока человекоподобных существ (фото внизу). Кости, которым насчитывалось около полумиллиона лет, по мнению специалистов, принадлежали *гомо эректусу*, предшественнику *гомо сапиенса*. Начало Японско-Китайской войны положило конец раскопкам. В этих условиях китайские официальные лица обратились в посольство США с просьбой переправить ископаемые останки древних людей, названных синантропами, за границу на хранение.

Упакованный в ящики ценный груз под охраной девяти военных моряков был отправлен поездом

для погрузки на пароход. Но в это время началась вторая мировая война, и моряки были арестованы.

Груз костей исчез до того, как попасть на судно. Хотя существуют и другие версии. По одной из них, кости были погружены на борт лихтера, который затонул, переправляя груз на океанский пароход. По другой — кости были захвачены еще на поезде и перемолоты в медицинских целях. В 50-х годах Китай обвинил США в укрывательстве окаменелостей в Музее Естественных наук в Нью-Йорке. “Окаменелости” оказались гипсовыми слепками.

В последующие годы находилось немало охотников утверждать, что им известна судьба костей. Одна американка заявила, что она унаследовала окаменелости от своего мужа-моряка и согласилась на тайную встречу наверху нью-йоркского Эмпайр Стейт Билдинг. Но после назначения цены в полмиллиона долларов за кости, она, испугавшись вида двух туристов с кинокамерами, занервничала и спешно удалилась, не предъявив никаких веских доказательств того, что она действительно хранит те самые кости.

которые Ван размалывал для своего лекарства, были покрыты нечеткими изображениями знаков, напоминавших китайские письмена, но были настолько древними, что не поддавались расшифровке. Сам Ван занимался изучением надписей на бронзовых изделиях, и тут он, к своему изумлению, видит, что знаки имеют близкое сходство со знаками на изучаемых им сосудах.

Заинтересовавшись своим открытием, Ван и Лю посетили аптекаря, у которого Ван приобрел ингредиент для своей микстуры, и он объяснил ученым, что такие панцири черепах находят где-то в провинции Хэнань. Торговцы хранили в секрете информацию о том, откуда к ним поступали эти товары, но можно было предположить, что этим местом являются окрестности города Аньяна. Время от времени местные крестьяне, по-видимому, находили в земле древние панцири и кости и продавали их аптекарям как “кости дракона”. Аптекари размалывали “кости” в порошок, надеясь, что он может обладать если не магическим, то по меньшей мере благотворным действием, так как дракон считался в китайском фольклоре животным, приносящим удачу. Лю прошел по всем аптекам города и скупил по возможности все достойное внимания.

Ван начал собирать через торговцев кости и панцири, на которых были изображены знаки. Но в 1900 году печальное известие о военной оккупации западными странами Пекина, последовавшей за Боксерским восстанием, нанесло неизлечимую рану обостренному чувству национального достоинства ученого, и он покончил жизнь самоубийством. Лю унаследовал коллекцию своего коллеги и друга и расширил ее. В 1903 году он опубликовал литографии, сделанные с надписей, изображенных более чем на тысяче фрагментов костей и панцирей черепах.

Публикация Лю привлекла внимание известного китайского ученого Сунь Ижана, который использовал свои знания в изучении надписей на древних бронзовых сосудах для расшифровки смысла надписей на костях и панцирях черепах. “Кости дракона”, согласно заявлению Суня в одной из публикаций 1917 года, были в действительности гадательными костями, по которым цари династии Шан пытались узнать свое будущее, и надписи были посланиями к духам монарших прорицателей и ответами, которые они надеялись получить. Неожиданное соприкосновение Суня с посланиями древней династии Шан переполнило его благоговением, и он выразил свои чувства такими словами: “Неожиданно, на склоне дней своих, я могу видеть эти чудесные старинные знаки древних надписей”.

Взросший научный интерес к собиранию и изучению гадательных костей увеличил число копателей, состоящих из крестьян окрестностей Аньяна, теперь уже нанятых торгов-

Так называемая гадательная кость покрыта знаками послания одного из правителей династии Шан, интересующегося предсказаниями относительно предстоящей охоты (фото сверху справа). Обожженные места на обратной стороне кости (фото слева сверху) указывают, куда прикладывалось нагретое острие. Его прикладывали к предварительно просверленным углублениям, и образовавшиеся трещины интерпретировались прорицателем как ответ.

цами антиквариатом. В это время ученые продолжали работу с ранее полученным Лю материалом. Один из этих ученых, Ло Чжэньйюй, как считают, закрывшийся от посторонних в своей комнате на 40 дней, смог разложить содержание надписей на их основные составляющие, такие, как антропонимы и топонимы. Ло Чжэньйюй разгадал также и способ определения предсказания. Послание писали на кости, обычно воловьей лопатке или на черепашьем панцире, а с другой стороны сверлили маленькое овальной формы углубление. Прикладывая к углублению острие нагретого предмета оракулы получали трещины на противоположной стороне кости или панциря. По форме излома предсказатель “читал” ответ на послание. Иногда оракул писал лишь послание, временами добавлялся ответ, порой записывалось подтверждение со ссылкой на результат.

Только царь мог заниматься гаданием. В своих посланиях он спрашивал о вероятности исполнения его желания, о болезнях, предстоящем рождении наследника и даже о зубной боли. Но чаще гадания посвящались жертвоприношениям, войнам, путешествиям, охоте, погоде и урожаю — делам, имеющим общественное значение, а не личным проблемам правителя. Практика использования гадательных костей, вероятно, берет свое начало в желании получить покровительство предков царя. Хотя, по-видимому, смысл формы излома часто приходилось толковать придворному предсказателю, иногда прорицал и сам царь. Анализ имен прорицателей показывает, что за время правления царей династии Шан у них на службе побывало не менее ста двадцати оракулов.

Благодаря находкам гадательных костей царя У Дина стало возможным определить масштабы деятельности Фу Хао, в том числе ее участие в войнах. Надпись на одной кости гласит: “Царь собрал свои войска и будет вести войну в этом году против Ту Фана вместе с Фу Хао, которой он поручил командование. Может ли он надеяться на покровительство?”

Торговцы антиквариатом упорно хранили в секрете информацию об источниках получения гадательных костей. Но Ло Чжэньйюй продолжал их поиски. Сопоставляя факты и ведя тщательные поиски, Ло смог указать точное место, откуда выкапывали кости: деревню Сяотунь вблизи Аньяна, район, который уже давно называли Руины Иня.

Талантливый молодой помощник Ло, Ван Говэй, внес весомый вклад в решение проблемы. Ван смог реконструировать генеалогию царей Шан, используя надписи на гадательных костях. В своей научной работе, опубликованной в 1917 году, он дал список царей почти идентичный списку, составленному двумя тысячами лет ранее Сымом Цянем, что можно считать убедительным доказательством того, что этот признанный историк дал действительно точное описание особенностей китайской культуры той эпохи, которая предшествовала династии Чжоу. “Китайская археология потрясена до основания этим поразительным открытием”, — заявил на научном совещании в Пекине в октябре 1926 года ведущий китайский ученый Лян Цичао. Дальнейшее изучение гадательных костей, продолжал он, будет способствовать освещению “многих великих исторических событий, записанных в старинных книгах и имеющих для нас неясный смысл и потому рассматриваемых как сказки и мифы”.

Первое научное заведение Китая, Китайская академия (Академия Синика), была основана двумя годами позже и в качестве одной из приоритетных задач выдвинула тщательное исследование гадательных костей. В Аньян Академией был направлен исследователь Дун Цзобинь, который получил инструкции определить точное место, являющееся источником гадательных костей. По его сообщениям на землях всех крестьянских хозяйств вдоль берегов реки Хуанхэ встречаются гадательные кости, и каждая деревенская семья имеет у себя некоторое количество.

В своих заметках Дун писал, что через два дня после приезда в Аньян он нанял “маленького мальчика”, чтобы тот показал ему то, что не хотели показывать взрослые, и “малыш указал на песчаный холм и заявил, что гадательные кости выкапывают из него”. Восточный склон этого широкого холма, расположенного к северу от деревни Сяотунь, берет свое начало у речного берега; вершина его покрыта желтой травой. Когда Дун исследовал местность, то слова мальчика нашли подтверждение. Дун писал: “После тщательного обследования западной стороны песчаного холма вблизи хлопкового поля я обнаружил десять недавно вырытых и снова засыпанных ям”.

Дун, которому помогали работники с местных ферм и шесть его коллег, раскапывал холм всю осень. Когда Дун и его команда закончили сезон раскопок, они вернулись, привезя с собой 784 кости с надписями и возросшую уверенность в том, что там можно найти что-то еще более важное. И в “Бамбуковых анналах”, и в “Исторических записках” Сыма Цяня были предположения, что в этом районе находилась столица Шан. И даже отсутствие доказательств в древних манускриптах не могло заставить Дуна отказаться от предположения, что такая масса гадательных костей находится не у престола властителей династии Шан. Свой доклад он закончил словами: “Раскопки со стороны специалистов национальных научных учреждений должны быть предприняты безотлагательно”, чем ускорил следующие шаги археологов.

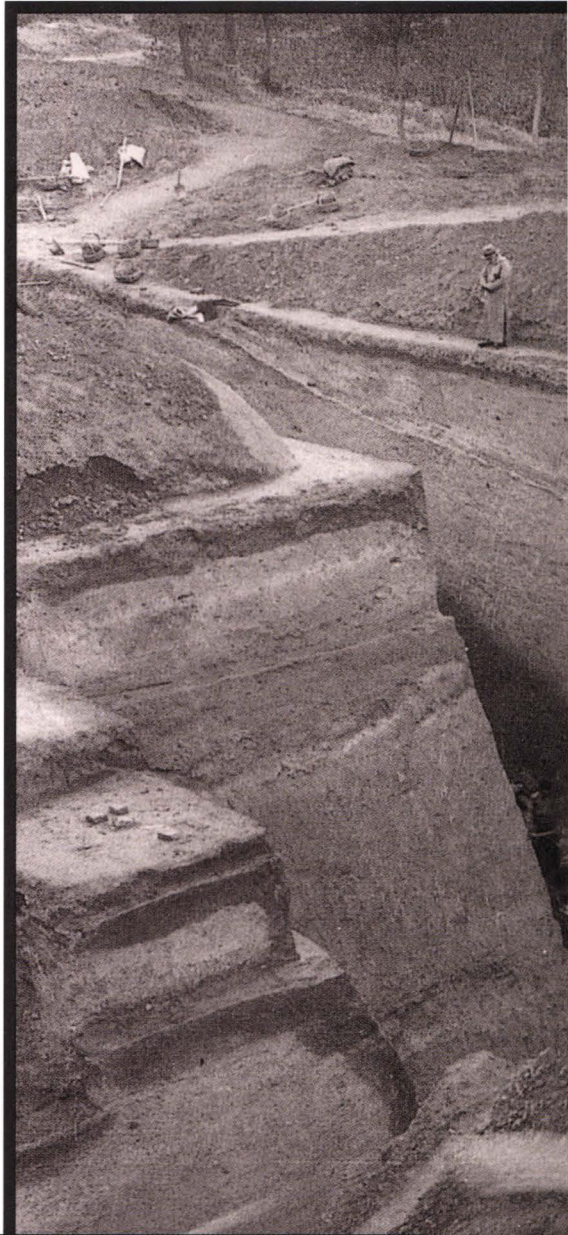
Затем Дун Цзобинь перенес свое внимание на работу по расшифровке и анализу гадательных костей, дело, в котором ему предстояло стать ведущим специалистом. В последующие годы лично ему предстояло собрать 28 574 гадательные кости из почти 100 тысяч, раскопанных в районе Аньяна.

Вскоре после раскопок Дун Цзобиня, в декабре 1928 года, Институт истории и филологии Китайской академии организует отдел археологии под руководством Ли Цзи, тридцатитрехлетнего антрополога, обучавшегося в Гарвардском университете, который берет в свои руки руководство раскопками в Аньяне. В весенний и осенний сезоны 1929 года Ли снарядил в Аньян две экспедиции, которые финансировались из фондов Художественной галереи Фрир Смитсоновского института города Вашингтона и использовали в своей работе археологические методы, которые в настоящее время широко применяются во всем мире. Перед началом своих первых главных раскопок Ли провел топографическую разведку местности совместно с членами своей команды, состоявшей из шестнадцати человек и включавшей в свой состав некоторых будущих ведущих археологов Китая. К лету 1930 года раскопки шли полным ходом.

При раскопках в Аньяне возникал, однако, ряд проблем. Зимы бывали настолько холодными, а летом стояла такая жара, что раскопки можно было вести только весной и осенью, в сезоны ветров. Об этих ветрах писал американец Херрли Глесснер Крил, посетивший раскопки, проводившиеся командой Ли в Аньяне: “Слой летящей желтой пыли настолько густой, что едва можно разглядеть что-либо на расстоянии в 10 футов. Без защитных очков не обойтись. В защитных очках, под порывами ветра, способными сбросить любого на дно тридцатифутовой ямы, наблюдать за работой многих людей и в то же время делать короткие записи научного характера — занятие для археолога не из легких”.

Бандиты, которыми становились обедневшие крестьяне из окрестных районов, были еще одной опасной проблемой. Некоторые из них наживались не столько на гадательных костях, добытых из-под земли, сколько благодаря продаже прекрасных бронзовых сосудов династии Шан, похищенных из гробниц. Один из таких бронзовых сосудов продавался в Пекине торговцем антиквариата, по словам Крила, за 50 тысяч долларов, сумму, по меркам 1935 года, большую. Крил обратил внимание на то, что для крестьянина “богатство приносит опасность, а не счастье”. Быстро ставшие зажиточными, крестьяне, разбогатевшие на сбыте антиквариата, как он пишет, “не смеют выходить за порог своего дома в дневное время, боясь, что их похитят и будут требовать огромный выкуп”.

Полиция и солдаты, охраняющие места раскопок, только увеличивают возмущение местных жителей, видящих себя лишенными археологами того, что принадлежит им по праву.

Фотография, сделанная в 1930 году, показывает место раскопок гробницы одного из царей династии Шан (фото сверху). Китайские археологи, работавшие на месте раскопок, нашли остатки принесенных в жертву людей и животных под слоем земли на пандусах, а на дне гробницы — изделия из кости, камня, панциря черепахи, оленьего рога, зубов животных и бронзы. В том месте, где располагался царский гроб, были обнаружены изделия из глины.

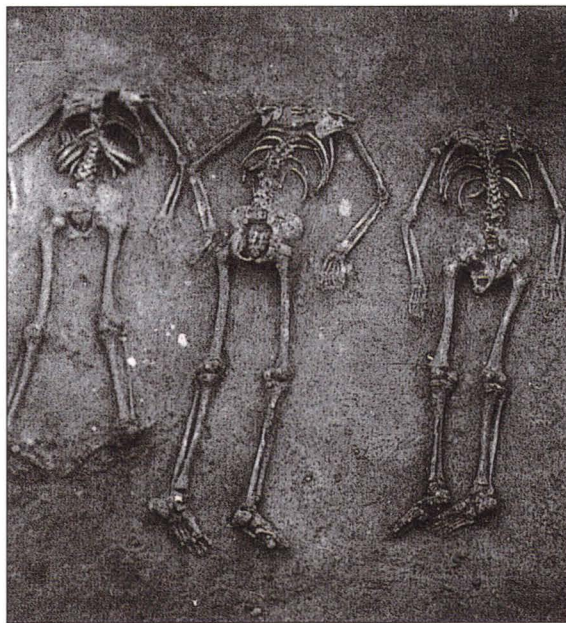
Крила предупреждали о существовании некоего тайного общества, которое, по слухам, было создано для осуществления убийства руководителя раскопок. Помимо этого, археологи столкнулись с яростной оппозицией, составленной из уважаемых китайцев, противников любых раскопок, которые могут потревожить прах мертвых независимо от того, насколько древним является захоронение. Одно высокопоставленное официальное лицо в правительстве Китая, сообщает с недовольством Крил, распространило через телеграф послание “с решительным протестом против научных раскопок древних гробниц”.

Несмотря на трудности, археологи продолжали упорно работать, и в сезон раскопок 1931 года, когда начали вскрывать фундамент трех главных комплексов построек, их ждала удача. Самый северный из них впоследствии назвали комплексом строений царского рода. Он располагался на берегу протекавшей здесь реки и состоял из пятнадцати крупных построек прямоугольной и квадратной формы. Их основаниями были участки утрамбованной земли толщиной до десяти футов. Ряды валунов, воздвигнутые на утрамбованной почве, предполагали, что здесь были установлены деревянные столбы, поддерживавшие потолочные балки. Поражал размер некоторых сооружений. Одно строение имело в длину 280 футов, а в ширину — почти 50 и должно было, возвышаясь на равнинном ландшафте Аньяна, внушать ощущение могущества. Рядом с остатками фундамента этих сооружений были разбросаны остатки более скромных строений — маленьких круглых или квадратных ям в земле, в которых, вероятно, жили рабочие и слуги.

После нескольких сезонов раскопок археологи столкнулись с тем, что заставило их испытать страх: в земле лежало множество скелетов — свидетельство человеческих жертвоприношений. Согласно записям Ли Цзи, тогда ученые впервые обнаружили “неоспоримые подтверждения этого варварского обычая”.

Самые важные раскопки начались осенью 1934 года на другом берегу реки к северо-западу от главного места раскопок в Аньяне. Раскопками в это время руководил Лян Сыюн, один из членов левой команды Ли Цзи. Зная, что грабители могил за последнее время там крупно поживились, Лян решает перенести основную работу в это место — “важное решение”, напишет Ли Цзи по поводу этой перемены. Четыре огромные гробницы были раскопаны за сезон 1934 года. За следующие 3 года были обнаружены еще шесть, не считая более тысячи мелких захоронений. Все 10 крупных гробниц оказались царскими.

Гробницы различались размерами, но все были глубокие и прямоугольной формы с входами через наклонные плоскости с северных и южных сторон. У некоторых имелось четыре входа через крестообразно расположенные пандусы со ступеньками. Хотя самое ценное из гробниц было уже похищено, сами гробницы оставались

Злобное лицо, украшающее бронзовый топор эпохи Шан (изображение сверху), соответствует предназначению этого орудия. Найденный у входа в гробницу в Шаньтуне, этот топор был одним из двух, использованных для отрубания голов сорока восьми принесенным в жертву людям. Подобный ритуал имел место в одной из гробниц в Аньяне, где были раскопаны скелеты шести обезглавленных человек, изображенные на фото сверху.

нетронутыми и предоставили археологам возможность детально изучить захоронения.

Когда умирал каждый из великих царей, похороненных в этих гробницах, вырывали огромную яму: самая крупная была почти 58 футов в длину, 52 фута в ширину в устье и 39 футов в глубину. Земля из таких ям выносилась по ступеням пандусов, вырезанным по бокам ямы. На дне выкапывали яму меньшего размера. По краям ее делали борта из утрамбованной земли и встраивали внутри деревянную камеру примерно в восемь футов высотой. Гроб с телом ца-

ря устанавливали внутри и окружали его атрибутами царского погребения. Камеру затем покрывали крышей из досок с искусной резьбой и росписью и засыпали землей. Сооружение таких массивных гробниц было бы невозможно без привлечения многочисленной, вероятно мобилизованной, рабочей силы.

По мере расчистки царских погребений археологи находили останки принесенных в жертву людей и животных. Благодаря этому они могли представить, что происходило после того, как царя проводили в мир иной. К примеру, в 11-й и последней царской гробнице, раскопанной недалеко от деревни Угуань в 1950 году, в гробах, зарытых на пандусах, ведущих к царской могиле, была обнаружена сорок одна жертва: 24 женских скелета на западной стороне и 17 мужских на восточной. Затем были принесены в жертву 8 собак — по четыре для охраны нижних концов каждого пандуса. В трех ямах, расположенных выше каждого пандуса, было погребено 16 лошадей, парами запряженных в колеснице, между каждой парой лежали по два вооруженных возницы. После того как на гробнице уплотнили землю, принесли в жертву еще животных — в основном обезьян и оленей — и несколько человек. Было найдено 34 черепа, принадлежавших мужчинам, положенных лицами к центру гробницы. На южной стороне места царского захоронения было найдено 17 общих могил, содержащих 160 обезглавленных скелетов, чьи черепа не были обнаружены. Среди них могли быть те, чьи черепа лежали внутри царской гробницы. Захоронение такого рода было не единственным,

в других могилах, по мере расширения масштаба раскопок, были обнаружены группы черепов и обезглавленных скелетов.

В течение десятилетий ученые считали основной причиной принесения в жертву такого огромного числа людей — намного превышающего число слуг и спутников жизни — обеспечить царя достаточно большой компанией в загробной жизни. Надписи на гадательных костях рассказали, что принесение в жертву людей и животных происходило не только по случаю погребения царя. Многие из аньянских надписей указывают, что в жертву приносились захваченные на войне враги. Люди и различные животные, даже слоны и носороги, приносились в жертву духам предков, а также горным и речным духам. Однажды в ходе подобного ритуала в жертву было принесено более тысячи человек.

Чтобы понять значение жертвоприношений в Китае, необходимо понять ту роль, которую древние китайцы отводили царю и духам его предков. Современные ученые убеждают, что древние верили в то, что духи царя выступают посредниками между обществом Шан и верховным божеством, называвшимся Ди, или Шанди. Сила этих духов предков, а значит и их способность действовать от имени царства, особенно для гарантии военной победы, зависела от жертвоприношений, которые часто бывали бескровными, такими, как вино, о чем можно судить по множеству ритуальных сосудов, обнаруженных в захоронениях (стр. 30—31). Но духов питали также плотью и кровью жертв. Таким образом, в интересах сообщества умерший царь, перешедший в связи со смертью в разряд духов предков, должен был взять с собой принесенных в жертву людей.

Работавших в Аньяне ждала награда равная той, которую мечтает получить каждый археолог. Судьбе было угодно, чтобы награда оказалась в руках заслужившего ее в последний день сезона раскопок 1936 года. В шурфе у деревни Сяотунь, имевшем регистрационный номер Н127, в 4 часа дня 12 июня, согласно вахтенному журналу команды археологов, внезапно появились многочисленные черепаховые панцири. “Когда в 5 часов 30 минут мы закончили рабочий день, за полтора часа было раскопано и очищено только половина квадратного метра поверхности, покрывавшей плотно уложенные черепаховые панцири”. На следующий день фронт работ был несколько расширен в надежде, что будет достаточно времени, чтобы раскопать и очистить содержимое “удивительного архива”, как эту находку называли в вахтенном журнале.

Вскоре, однако, стало ясно, что извлечь панцири по одному будет делом долгим, так как, сложенные штабелем, они за три тысячи лет нахождения в земле спрессовались в твердую массу. И ее следует раскопать целиком. Не прекращая работы в течение четырех суток, полевая команда наконец отделила более чем трехтонный блок панцирей от почвы.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ СПОСОБ ЛИТЬЯ

Для производства изделий из бронзы, в особенности таких изящных, как изделия эпохи Шан, необходимо высокое техническое мастерство. Способ литья, которым пользовались ремесленники Шан, позволил им изготавливать всевозможные изделия из бронзы, начиная с маленьких церемониальных сосудов и кончая изделиями весом около тонны. Называемый литьем в сборные формы, этот способ давал возможность точно воплотить художественный замысел автора и отлить изделие с тонкими стенками, обеспечивая тем самым экономии дорогого в то время металла.

Форма могла состоять из множества деталей; показанный здесь набор демонстрирует сам метод литья. Работа начиналась с изготовления модели в форме вазы, на которую наносился рисунок. Модель обмазывалась слоем

Ушло несколько месяцев кропотливой работы на разделение и осмотр панцирей. В итоге количество письменных памятников, хранившихся в яме Н127, составило 17 096 единиц, из которых все, кроме восьми, были черепашьими панцирями. Предположили, что большая часть архива была захоронена во времена правления У Дина, и все находки настолько хорошо сохранились, что на ряде панцирей еще оставалась ярко-красная краска, которой первоначально наносилась надпись на панцире, а затем по ней производилась гравировка. Кроме огромного объема информации, содержащейся на панцирях, для Ли Цзи находка архива была “одним из тех кульминационных моментов, которые дает нам духовное удовлетворение, превосходящее все остальное”.

Радость открытия вскоре была омрачена: в 1937 году в Северный Китай вторглись японцы, и работы в Аньяне были остановлены. В последующие годы, принесшие китайцам неисчислимые страдания, многие археологи из Академии Синика нашли убежище в отдаленных районах на западе Китая, спасаясь там со своими записями и фотографиями. Там, не взирая на лишения и болезни, они продолжали изучать и описывать многие находки, которые они сделали за годы раскопок в Аньяне.

1. Боковые сегменты формы
2. Сердцевина формы
3. Основание формы
4. Сборная форма в разрезе
5. Бронзовый сосуд

глины, создающим наружные детали формы. Этот слой снимали и разрезали на две части. После того как в края разрезанной наружной части формы вдевались трехгранные штифты для обеспечения плотной фиксации, оба сегмента обжигали и устанавливали так, чтобы внутреннюю полость можно было заполнить и создать тем самым сердцевину формы, с которой

затем снимали слой определенной толщины для образования пространства между ним и сегментами. Затем изготавливали основание формы, проделывали в нем отверстие для заливки металла и отверстие для выхода воздуха. Потом форма собиралась. Между деталями вставляли прокладки для обеспечения равномерной толщины будущего отлитого сосуда. Собранную

форму обмазывали глиной и переворачивали вверх дном (см. пункт 4), так чтобы в нее можно было заливать расплавленную бронзу. Менее чем через час, когда металл остывал, форму отделяли, и появлялся сосуд. Затем удалялась сердцевина и поверхность подвергалась окончательной обработке абразивным материалом, в результате чего бронза приобретала ровную и гладкую поверхность.

УДИВИТЕЛЬНЫЕ НАХОДКИ, РАЗДВИГАЮЩИЕ ГРАНИЦЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ ШАН

Почва Китая кажется повсюду засеянной прошлым, и неожиданные открытия, часто имеющие огромную важность для науки, продолжают происходить. Одно из них имело место в июле 1986 года; когда добывали сырье для производства кирпичей в провинции Сычуань за более чем шестьсот миль от столицы Шан в Аньяне, рабочие извлекли из грунта древние изделия из нефрита и тем самым положили начало одной из самых неожиданных находок десятилетия. Археологи, прибывшие на место, известное под названием Сэньсиндуй, начали раскопки и отрыли прямоугольную яму, вмещавшую около трехсот изделий из золота, бронзы, нефрита и камня, датированных XIII—XII вв. до н. э. — временем культуры Шан в Аньяне. Многие из находок, включая отлитые из бронзы в натуральную величину головы с поразительно угловатыми чертами лица, никогда ранее не встречались. 13 слоновых бивней и множество поломанных и обгоревших костей животных, найденных там же, привели исследователей к заключению, что яма была связана с какой-то церемонией жертвоприношения.

Во второй, вскрытой рядом, яме, устроенной позже первой на поколение, археологов ждало оби-

лие еще более странных предметов: ветвистое бронзовое “дерево-дух” и украшения, по-видимому, предназначенные для этого дерева; 41 бронзовая голова различных размеров, более шестидесяти обуглившихся бивней слонов и, самое неожиданное, — фигура человека, отлитая из бронзы, высотой в восемь с половиной футов, стоящая на высоком пьедестале (см. слева). Эта яма, как и первая, размещалась за пределами земляной городской стены, возведенной на век или ранее сооружения ям и окружавшей остатки различных строений.

Пока исследователи размышляли над тем, что побудило к созданию этих жертвенных ям и кому были предназначены эти жертвы, находки кое-что прояснили; ученые во многом недооценивали размеры и многообразие цивилизации эпохи Шан. Сэньсиндуй, расположенный вдали от Аньяна и имевший свои культурные особенности, сам по себе был крупным городом, поддерживавшим связи с далекими соседями на севере и востоке, чему свидетельствуют сходные мотивы, изображенные на церемониальных бронзовых сосудах, найденных в Сэньсиндуге и Аньяне. Общепринятое представление о том, что Аньян был единственным центром цивилизации, окруженной миром варваров, должно быть пересмотрено. Есть мнения, что другие крупные центры культуры, современные эпохе Шан, доныне погребенные, уже ждут открытия.

Непохожая на найденные до нее другие скульптуры эпохи Шан, эта почти десятифутовая статуя из жертвенной ямы в Сэньсиндуге, выражает своей позой, одеянием и тем, что она установлена на пьедестале, символ власти.

Три бронзовые головы, изображенные сверху, размером от 5 до 18 дюймов, имеют подчеркнuto угловатые лица и одеты в разные головные уборы. Некоторые ученые полагают, что головы были отлиты и погребены в качестве ритуальной замены обезглавливания.

В ходе раскопок второй жертвенной ямы в Саньсиндуэ (слева сверху) были обнаружены слоновьи бивни вперемешку с бронзовыми изделиями и обломками так называемого дерева-духа. На другом снимке (справа сверху) археологи, прилагая усилия, раскапывают огромную бронзовую маску. Рука, выступающая из-под маски, принадлежит бронзовой статуе, изображенной на предшествующей странице. Выпученные глаза и причудливые, стилизованные черты лица характеризуют бронзовую маску справа. Она имеет размеры около двух футов в высоту и более четырех футов в ширину.

Окончание войны не принесло долгожданной стабильности. Когда коммунисты зажали в тиски послевоенный Китай, некоторые из ветеранов довоенных раскопок в Аньяне вновь должны были искать убежище. Дун Цзобинь и Ли Цзи перебрались на Тайвань, где Ли Цзи основал в Тайваньском университете археологический факультет и продолжил изучение аньянских находок, публикуя получаемые результаты. В континентальном Китае страсть к раскопкам перешла, таким образом, к новому поколению китайских археологов, которые, несмотря на смену идеологии и руководства, остались верными наследниками научных традиций, заложенных Ли Цзи и его коллегами более двадцати лет назад.

С образованием Китайской Народной Республики в 1949 году археология совершила грандиозный скачок в эру блеска и успехов. 24 мая 1950 года новое законодательство взяло под охрану предметы древней культуры и памятники старины, был запрещен экспорт предметов искусства, представляющих историческую ценность, и упорядочена археологическая деятельность по всей стране. При коммунистах археологию стали считать делом государственным, а ее изучение, до того почти не практиковавшееся в Китае, стало учебным курсом в некоторых китайских университетах. Теперь археология Китая обра-

Как напоминание о богатых церемониях прошлого стоит набор из 12 ритуальных винных сосудов (фото внизу), датированных концом XI в. до н. э., временем завоевания царства Шан племенем Чжоу. По сообщениям, найденным в 1901 году в одной из гробниц, набор принадлежал до 1911 года вице-императору Дуань Фану (слева на фото сверху справа), а потом был перевезен в Метрополитен музей Нью-Йорка. Некоторые из сосудов (см. фото внизу), простояв длительное время на жертвенном столе, оставили на нем следы коррозии, принимая во внимание формы этих следов, сосуды стало возможным разместить в их первоначальном положении.

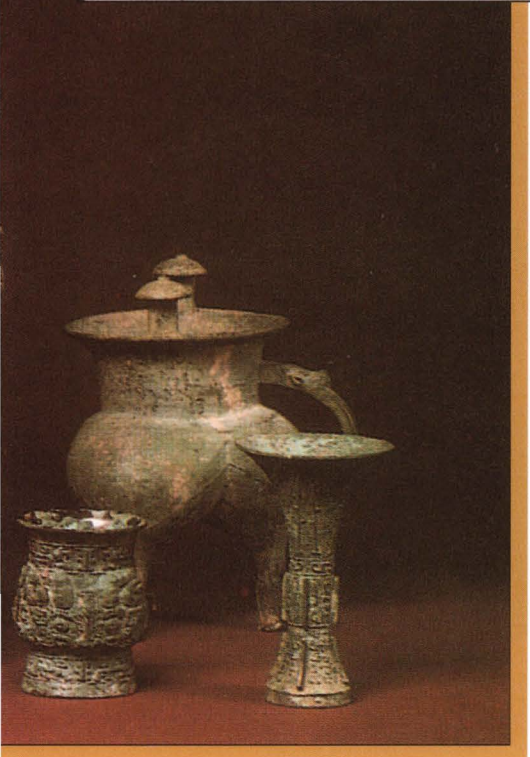
тила свой взор к тому, что оставили после себя бедные и незнатные слои населения древнего мира, не ограничиваясь изучением только наследия богатых. За массовым подъемом крупномасштабного строительства объектов сельского хозяйства и промышленности, развернувшегося по всей стране и приведшего к обнаружению множества новых захоронений, последовал небывалый рост числа находок.

Раскопки в Аньяне были возобновлены в 1950 году и продолжаются до настоящего времени. Одновременно с изучением важных и впечатляющих находок, таких, как гробница Фу Хао, которая была обнаружена в 1976 году, новое поколение археологов ведет тщательную работу, просеивая каждую порцию грунта в поисках мельчайших частиц, свидетелей прошлого, на площади более девяти квадратных миль в районе Аньяна. Масса археологического материала, обнаруженного в этом месте раскопок, формирует основную базу современных знаний об эпохе Шан.

В Шан было развито сельское хозяйство, в качестве основной зерновой культуры выращивали просо, обрабатывая землю орудиями, изготовленными из дерева и кости. Развитыми были ремесла и искусство. В Шан была создана техника обработки металла, которая нашла широкое применение в будущем. Изготовление изделий из бронзы — используя древесный уголь в качестве топлива и разливая расплавленную бронзу в глиняные формы для получения ритуальных предметов и оружия — стало основой промышленной деятельности (стр. 26—27). В Шан

обрабатывали нефрит, создавая из этого твердого материала прекрасные изделия, и, как свидетельствуют остатки отпечатков шелковых тканей на бронзовых сосудах Шан, в царстве, по-видимому, научились выращивать шелкопряда и прясть из него волокно. В Шан наблюдали за небом и вели календарь, месяцы которого соответствовали фазам луны, а годы — положению солнца. Но еще важнее было изобретенное в Шан письмо, сохранившееся на гадательных костях и бронзовых изделиях. Оно представляло из себя логограммы, символы, обозначающие целые слова и послужившие основой для создания современной китайской письменности.

Цари Шан часто считали необходимым для себя отправляться на войну для покорения государств, угрожавших их границам. В гадательных костях имеются ключевые сведения о военной стратегии и вооружении. В них говорится о том, что пехота и лучники вместе составляли соединения, включающие подразделения левого фланга, правого фланга и центра, каждое из которых состояло из ста воинов. Жертвенные захоронения колесниц с возницами указывают на то, что использовались соединения, состоящие из пяти подразделений, каждое из которых состояло из пяти колесниц. Комплекты вооружения были найдены вместе с колесницами. Каждый комплект обязательно включал лук, изготов-

Доказательством того, что обработка железа началась в Китае на век раньше, чем предполагали первоначально, является железный меч из Саньмэнься. Лезвие меча имеет в длину более фута, а его бронзовая рукоятка инкрустирована бирюзой и жадеитом.

ленный из воловьих рогов и сухожилий, высотой в рост человека, из которого, по-видимому, стреляли оперенными деревянными в полдины лука стрелами с наконечниками из заостренного камня, кости, рога, куска черепашьего панциря или бронзы. В дополнение войны имели небольшой бронзовый нож, точильный камень, бронзовую алебарду с деревянной рукояткой длиной около метра и деревянный щит, обтянутый кожей и украшенный изображением тигра.

У археологов возник вопрос: как в XIII в. до н. э. эта культура бронзового века могла так стремительно развиваться. Частичный ответ на этот вопрос был получен, когда в 50-х годах были обнаружены два главных места, представляющих интерес для археологов, культурный слой которых был старше аньянского и указывал на то, что корни цивилизации Шан лежат очень глубоко. Одним из археологических объектов стал город, имевший стену, вблизи Чжэнчжоу в провинции Хэнань. В ходе широкомасштабных раскопок некоторые ученые пришли к выводу, что это был Ао, ранняя столица государства Шан. Можно было предполагать, что отсюда цари перебрались в Аньян. В семидесяти милях к западу, возле современного Яньши, в некоторых местах была обнаружена еще более древняя культура, известная как Эрлитоу. Находка в 1976 году того, что могло быть дворцом, относящимся к культуре Эрлитоу, привела некоторых ученых к заключению, что это бывший город Бо, первая из пяти столиц Шан, известных из древних надписей. Так как многие элементы культуры, обнаруженные в Эрлитоу и Чжэнчжоу, были схожи с найденными в Аньяне, ученые сделали заключение, что Эрлитоу, Чжэнчжоу и Аньян представляют соответственно раннюю, среднюю и позднюю стадии цивилизации Шан.

Используя радиоуглеродный метод датирования определили, что самый ранний слой культуры Эрлитоу относится к концу третьего и началу второго тысячелетия до н. э., к тому времени, которое, согласно традиционной хронологии, соотносится с династией Ся. Начало династии Шан обычно относили на несколько веков позже, примерно к XVII в. до н. э. Начались дебаты — не относится ли ранний период Эрлитоу к династии Ся, самой древней из трех династий бронзового века, описанных древними китайскими авторами. Эпоха династии Ся, которая, согласно древним авторам, охватывает период с XXII по XVIII вв. до н. э., остается настолько же загадочной для современного взгляда, как и эпоха династии Шан для ученых конца прошлого века. Разговоры о том, существовала ли на самом деле династия Ся или нет, могут продолжаться до тех пор, пока письменные свидетельства той эпохи — если в эпоху Ся существовала письменность — не наберутся в достаточном количестве.

Если династия Ся действительно существовала, то ее эпоха частично совпадала с эпохой Шан, как это было с Чжоу — могущественным соседом династии Шан на западе, который в культуре во многом

Искусно обработанные куски нефрита, выложенные в форме маски, были найдены при раскопках гробницы в Саньмэнься в 1990—1991 гг. Они являются деталями обряда погребения конца эпохи Западная Чжоу. Куски нефрита, очевидно, были пришиты к шелковой ткани, закрывавшей лицо покойного; такое соединение явилось предвестником отделанных нефритом одеяний, которые носили в Китае во времена более поздних династий.

соответствовал Шан и, несомненно, сосуществовал с ней по крайней мере в поздний период этой эпохи. В середине XI в. до н. э. Чжоу стала достаточно сильной, чтобы захватить территории Шан, разграбить столицу в Аньяне и основать новую династию. Затем победители zaloжили для себя новую столицу вблизи Сианя в провинции Шэньси. Так как она была расположена на западе, то ранний этап правления Чжоу принято называть эпохой Западной Чжоу в отличие от позднего этапа, Восточной Чжоу, когда столица Чжоу была перенесена на восток, в Лоян. Цари династии Западная Чжоу стали хозяевами обширной территории Китая: от Внутренней Монголии на севере до реки Янцзы на юге, от Ганьсу на западе до берега моря на востоке.

Искусства и ремесла, созданные во времена династии Шан, получили дальнейшее развитие во времена Западной Чжоу. В земледелии появилась новая культура, соевые бобы, урожай были повышены благодаря введению севооборота, когда некоторые поля остаются под паром и восстанавливают свое плодородие. Относясь к ритуальным церемониям с тем же почтением, что и их предшественники, правители Чжоу продолжали развивать литейное дело, изготавливая церемониальные сосуды. От эпохи Западная Чжоу до нашего времени дошло много бронзовых изделий и гадательных костей с письменами. Надписи на бронзе отличаются объемом информации, богатством исторического содержания; причиной тому привычка царей отмечать на бронзовых сосудах приказы, отдаваемые чиновникам, и свои военные предприятия. Умение выплавлять бронзу, по-видимому, подсказало способ плавления железной руды и изготовления изделий из железа, образцы которого были недавно найдены у Саньмэнься в провинции Хэнань (стр. 33).

Самым главным достижением правителей Западной Чжоу было укрепление и усовершенствование сложной административной системы, которая регулировала сбор и расходы военных и экономических ресурсов, системы, благодаря которой все последующие режимы находятся перед Западной Чжоу в долгу. Цари этой династии, оправдывая свои завоевания, создали идеологическую платформу для китайского государства на тысячелетия вперед, и этой идеологией объясняются как свержения правителей, так и их добросовестность. Основой этой идеологии был постулат о священном покровительстве высшего божества власть предержащим, что позволяло им править только до тех пор, пока они оставались добродетельными. Если они обманывали ожидания своего народа, то этот "мандат небес" упразднялся восстанием внутри страны или военным вторжением извне.

При царях династии Шан процветали металлургия, сельское хозяйство, оружейное дело, искусство, письменность и другие элементы китайской культуры. К тому времени, когда правители династии Западная Чжоу в 771 г. до н. э. перенесли свою столицу на восток, в Лоян, была уже заложена твердая основа для следующей яркой фазы развития китайской цивилизации.

ПОЧИТАНИЕ ПРЕДКОВ

Бронзовые ритуальные сосуды являются одними из величайших сокровищ древнего Китая. Извлеченные в настоящее время из могил и гробниц, они 3000 лет назад использовались в семейных церемониях почитания предков. В течение почти шестисот пятидесятилетнего периода эпохи Шан, времени, когда искусство изготовления таких сосудов достигло небывалых высот, только наделенные властью и богатством могли обладать этими предметами, созданными искусными мастерами.

Хотя мастера по обработке металла эпохи Шан традиционно использовали основные формы, перенятые большей частью от обычных глиняных сосудов эпохи неолита, ремесленники поздней эпохи Шан научились повышать эстетическое достоинство своих изделий благодаря использованию сложных мотивов. Демонстрацией их мастерства служит изображенный выше *пань* — таз с причудливым орнаментом. Когда участники церемонии погружались в таз, чтобы совершить ритуальное омовение, они взглядом встречались с крупными, слегка вы-

пуклыми глазами свернувшегося кольцом на дне таза дракона, который был виден сквозь воду.

Среди ученых идут споры о том, служили ли существа, изображенные на искусно изготовленных бронзовых сосудах, просто декорацией или они имели какое-то специальное назначение. Согласно одной теории, животные, изображенные на сосудах, рассматривались как существа, способные помочь шаманам в их стремлениях установить контакт с умершим.

После завоевания Шан Чжоу характерный для династии Шан орнамент на бронзовых сосудах начал изменяться. Ремесленники стали производить сосуды с надписями знаменующими, успехи на поле брани или на охоте чаще, чем только с обращениями к именам предков. К концу эпохи Западная Чжоу появились совершенно иные сюжеты декоративных элементов, гарантируя таким образом сохранение уникальности самых прекрасных сосудов эпохи Поздняя Шан и в то же время обретая свое собственное бессмертие.

ОБРЯДЫ КРАСОТЫ И ТАИНЫ

“Всякий обычай и ритуал нужно соблюдать, каждая улыбка и каждое слово уместно”. Эти слова, принадлежащие поэту эпохи Чжоу, относящиеся к ритуалу поклонения предкам, подходят и к эпохе Шан. Бронзовые сосуды для пищи и вина играли важную роль в этих ритуалах во времена обеих династий. Как сообщают старые тексты, члены семьи вставали на колени на циновках перед расставленными в определенном порядке сосудами, число которых соответствовало возрасту и рангу каждого из членов семьи. Особые сосуды предназначались для жертвоприношения зерна и других продуктов питания.

Атмосфера церемонии, вероятно, зависела от количества сосудов и от пищи. Маска *тао-те*, видимая на фоне этих двух страниц, являлась основным мотивом многих бронзовых сосудов. Характерное для этой маски изображение пары крупных глаз передает взгляд какого-то фантастического зверя.

Таинственное человеческое лицо, изображенное на каждой из четырех сторон сосуда, известного под названием “дин”, отличает этот сосуд от более многочисленных с изображением масок тао-те и фигурами животных. Сосуд дин, по-видимому, использовался для приготовления мяса.

Головы животных в верхней части ручки этого сосуда "гу" держат в своей пасти птиц. Тело каждой птицы изогнуто в форме ручки, а ноги и хвост выступают внизу ручек в форме прямоугольников. Необычно подробная надпись внутри чаши указывает на то, что она является жертвенным даром супруге четвертого по счету от конца царя из Аньяна.

Приваренные ножки сосуда изображают трех драконов с когтистыми лапами и угрожающе изогнутыми спинными гребнями, держащими чашу этого сосуда дин в раскрытых пастьях. Каждую ручку украшает изображение тигра, а маски тао-те, одна из которых видна, окружают чашу.

СПИРТ И СПИРИТИЗМ

Есть много свидетельств тому, что в государстве Шан употребляли алкогольные напитки, приготавливали с ними пищу и использовали их в церемониях. Под вино, для приготовления которого использовали просо и другие зерновые, шла более разнообразная ритуальная посуда, чем под пищу. В целом сосуды для вина выглядят сделанными искуснее, чем другие сосуды, применявшиеся в церемониях Шан. Рисунок, изображающий черепаху, который служит фоном на развороте страниц, был на одном из таких сосудов. В центре рисунка круг с завитками, вероятно, символизирующий огонь.

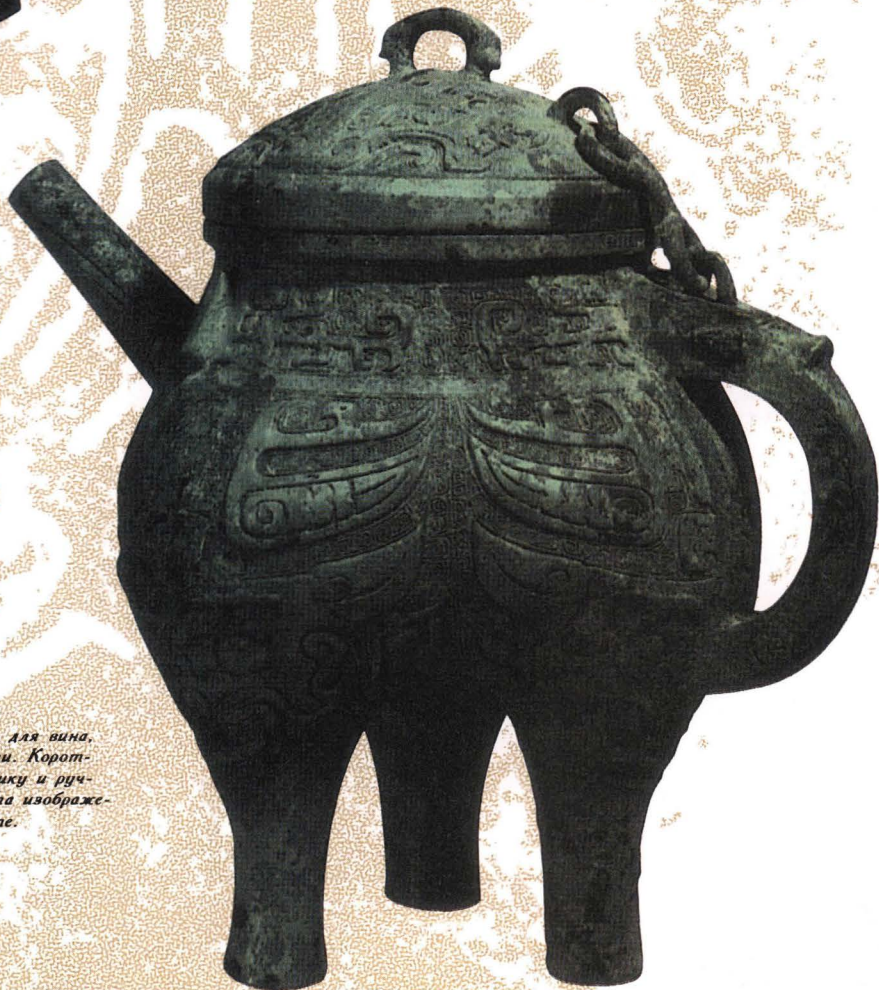
В Шан любили теплое вино и подогревали его в сосудах на длинных ножках, которые можно было ставить на угли. Чжоу считали, что чрезмерное увлечение Шан вином сделало их неспособными управлять государством. Среди многих исчезнувших типов сосудов были те, которые использовались для вина в эпоху Шан: после завоевания Шан более воздержанные по отношению к спиртным напиткам Чжоу не нашли им применения.

Этот сосуд "фан цзя" с крышкой, ручкой которой служат фигурки двух птиц, украшен изображением маски тао-те, совы, драконов и кругов с завитками. Столбики с навесами, приделанными по краям сосуда, вероятно, использовались для поднятия сосуда из угля.

Этот сосуд "ю", некогда использовавшийся для вина, был раскопан в 1970 году и содержал внутри более 320 изделий из нефрита. Два других сосуда "ю", найденные двумя годами раньше, тоже содержали внутри изделия из нефрита. Изделие восхищает тонкостью и сложностью литья и изящными изображениями, повторяющимися на его поверхности.

Этот сосуд "хэ" использовали для вина, вероятно, в нем его и нагревали. Короткое звено цепи соединяет крышку и ручку сосуда; поверхность покрыта изображениями драконов и масок тао-те.

Обычно обнаруживаемые вместе бокалы "гу" и сосуды для разлива вина "цзяо", подобные изображенным на этой странице, встречаются в могилах Шан чаще, чем любые другие. "Гу" такой формы, широкогорлые, были в употреблении более полутысячи лет. Орнамент в верхней части бокала изображает длинные, направленные острием вверх лезвия ножей. "Цзяо" стоит на кончиках трех треугольной формы ножек. Заостренный выступающий бортик является противовесом для сливного носика.

Изображение человека в объятиях когтистого зверя является частью орнамента, украшающего этот винный сосуд "ху". Вероятно, это шаман, который стремится с помощью животного попасть в мир усопших. Изображения людей на бронзовых сосудах Шан крайне редки, что повышает ценность этого экземпляра.

ВОСТОЧНАЯ ЧЖОУ — ЭПОХА ПРОТИВОРЕЧИЙ

лучайно найденный при раскопках предмет дает археологам уникальную возможность соприкоснуться с древними народами. Так находка в гробнице египетского фараона Тутанхамона серебряной трубы и маленькая глиняная окарина, раскопанная в захоронении майя, явились посредниками современности и прошлого. Мелодии, вернувшие эти музыкальные инструменты к жизни, свое чистое звучание пронесли через тысячелетия. То же самое ждало и 26 колоколов, обнаруженных в 1979 году в гробнице в провинции Хэнань, где 2400 лет назад был погребен один китайский аристократ. Колокола с изображенными на них драконами — каждый колокол способен издавать две разные ноты — имели надписи, восхваляющие их музыкальные возможности. Когда ударяли молоточками по краям и средней части колоколов, они издавали нежные звуки, которые улаждали ухо аристократа.

Открытие передвижной выставки китайских артефактов в Сиэтле в штате Вашингтон было запланировано на июль 1988 года, и колокола должны были стать одним из основных экспонатов. Кому-то в голову пришла идея продемонстрировать звучание этого музыкального инструмента в шоу, но хранители музея знали, что продолжительная эксплуатация колоколов может причинить им вред. И тогда было найдено решение: сыграть один раз мелодию на колоколах в Китае и записать звуки каждого колокола. Никто не мог представить даже, какую музыку слушали при дворе китайского аристократа, но организаторы выставки обратились к американскому композитору Норману

"Цзэн Хоу И на вечные времена" — гласит надпись на клаве бронзового инкрустированного журавля с оленьими рогами. Погребенная в гробнице с удельным князем И, это высотой более четырех футов фантастическое существо, вероятно, должно было отгонять злых духов.

Дерки с просьбой написать пьесу для колоколов, ограничившись возможностями инструмента. Написанная композиция была сыграна на электронном клавишном инструменте, сэмплере, копирующем тона колоколов. Записанная на пленку мелодия встречала посетителей при входе на выставку и создавала музыкальное обрамление сокровищам, которые им предстояло увидеть. То, что посетители слышали, было сладкозвучной современной мелодией, рожденной звуками чудесного инструмента, получившего вторую жизнь благодаря электронному колдовству двадцатого века.

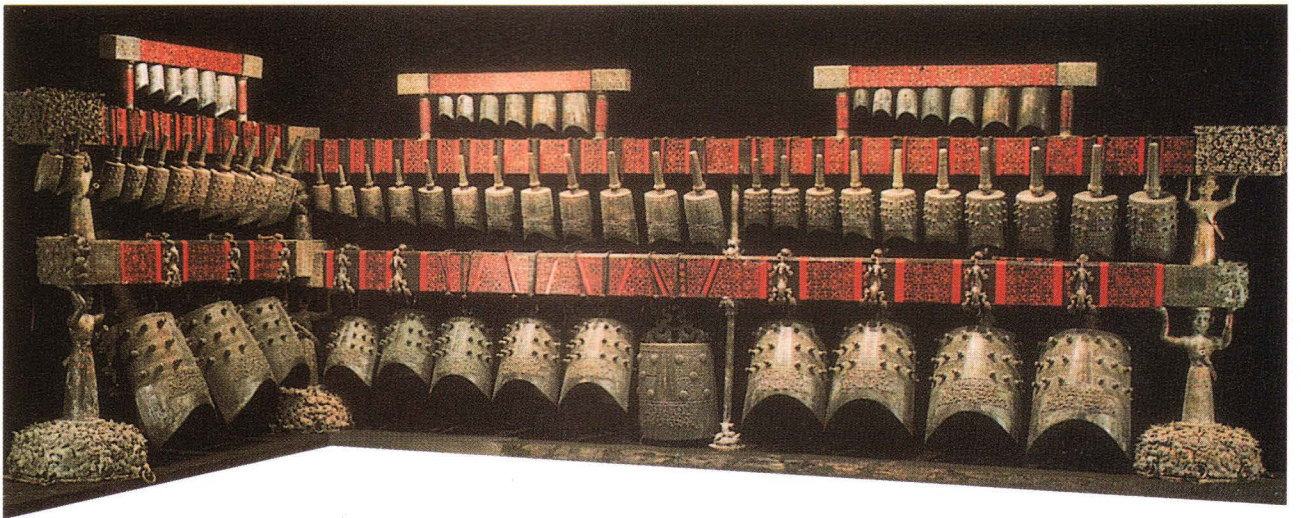
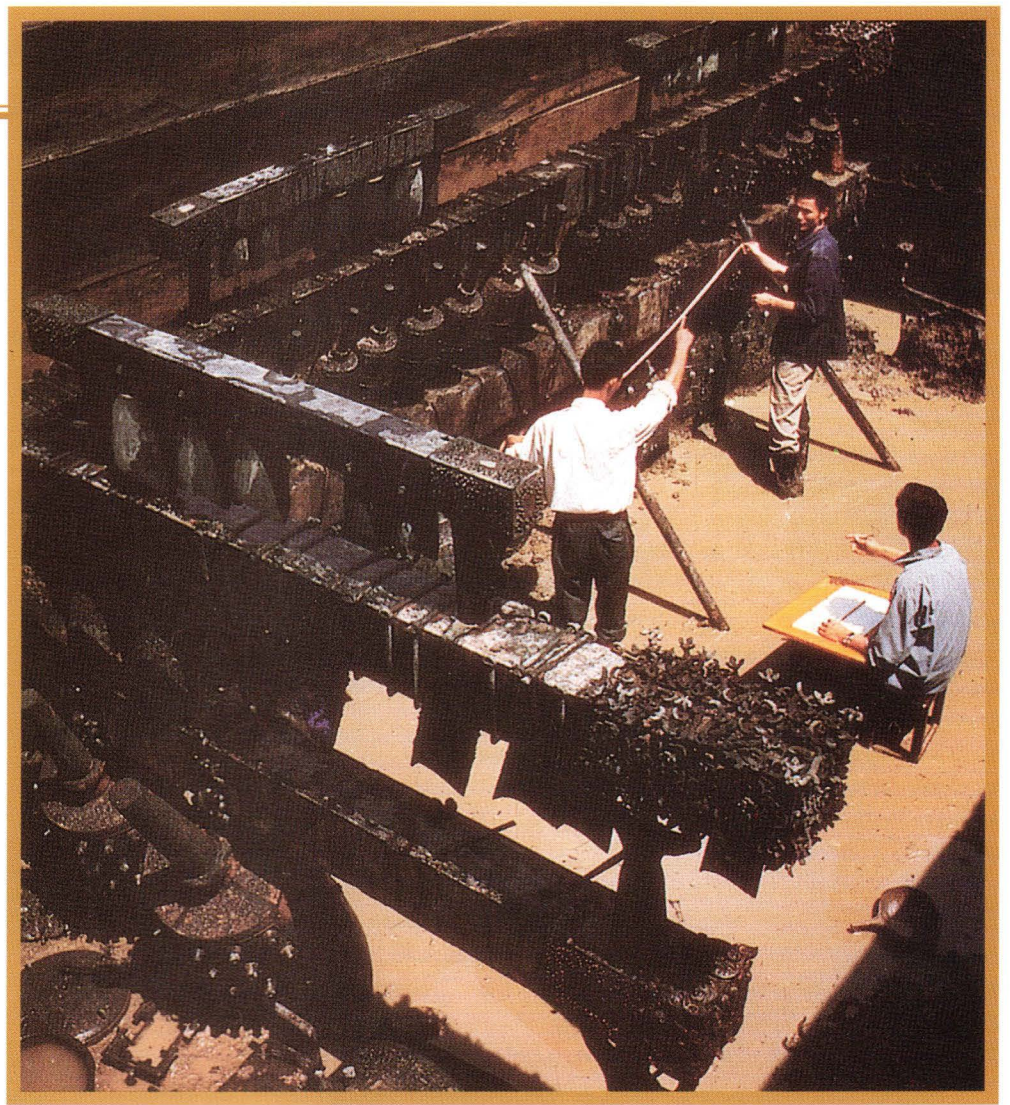
Таковыми колоколами владели многие китайские аристократы, которые использовали их в торжественных ритуальных церемониях или развлекали ими гостей. В 1978 году во время раскопок огромной четырехкамерной гробницы V в. до н. э. у Лэйгудуня в провинции Хубэй (стр. 47—48) на свет извлекли еще более великолепный набор колоколов. Он состоял из 64 бронзовых колоколов, составлявших восемь групп в соответствии с их размерами и тонами. Каждый колокол издавал две ноты, как и те колокола, которые демонстрировались в Сиэтле. Большинство колоколов имели надписи, указывавшие с поразительной точностью издаваемые ими ноты. В надписях сообщалось, что перед отливанием бронзовых колоколов точно подсчитывалась высота их звучания.

Этот набор колоколов принадлежал удельному князю И, правителю Цзэн, княжества, имевшего крепкие связи с могущественным царством Чу, расположенном на юге Китая. Колокола были погребены вместе с их владельцем примерно в 433 г. до н. э. и, что кажется невероятным, так как, когда могилу раскопали, колокола все еще находились на своем месте, — висели куполами вверх, в три ряда, в великолепной раме в форме латинской буквы “L”, состоящей из покрытых лаком деревянных брусьев, поддерживаемых шестью бронзовыми фигурами с мечами. Прочная рама удерживала колокола общим весом почти три тонны более двух тысяч четырехсот лет. Деревянные ударные инструменты, обнаруженные неподалеку, указывали на то, что играть должны были одновременно несколько музыкантов.

Набор колоколов был не единственным музыкальным инструментом, захороненным с князем. Среди семи тысяч артефактов, ушедших вместе с ним в могилу, были 27 барабанов, цитры, свирели, флейты, типичные для эпохи Чжоу. Рядом с инструментами археологи нашли еще одно свидетельство любви князя к музыке: останки 21 девушки, часть из которых были, по-видимому, его придворными музыкантами и танцовщицами. Очаровывавшие князя при жизни, они были принесены в жертву после его смерти для того, чтобы продолжать развлекать его в загробном мире.

В могиле нашли свидетельства того, что князь внимательно относился и к военному ремеслу: одна из камер представляла из себя

Работая по щиколотку в жидкой грязи, археологи документируют свою находку 1978 года: набор из шестидесяти четырех бронзовых колоколов в гробнице удельного князя И (справа сверху). Удивительно хорошо сохранившийся музыкальный инструмент (справа) требовал реконструкции только одной лакированной поперечной балки для того, чтобы предстать взору посетителей музея. При игре на этом инструменте тему мелодии вели колокола второго ряда, а более крупные колокола, расположенные ниже, служили аккомпанементом.

настоящий арсенал, полный кинжалов, топоров, копий, алебард, дротиков, луков, стрел, щитов, доспехов и более 3000 бронзовых наколенников стрел.

Князь был ярким представителем своего времени. Он жил в эпоху Восточной Чжоу (771—221 гг. до н. э.), последовавшей за эпохой Западной Чжоу (ок. 1050—771 гг. до н. э.). Историки назвали эпоху Восточная Чжоу и определили ее началом год 771 до н. э. из-за того, что царь династии Чжоу перенес в этот год свою столицу из города Сиянь на восток в город Лоян, чтобы обезопасить себя от нападений варваров, надвигавшихся с запада. Эпоха Восточная Чжоу характеризуется огромными переменами в технике, искусстве и интеллектуальной жизни, происходившими в течение всех 550 лет, которые она охватывает. Но это также эпоха крайней политической нестабильности, постоянных войн и непрекращающихся разрушений. Ученые подсчитали, что примерно только один из пяти лет проходил без войн и что в результате около 170 государств и княжеств Китая пали под ударами мечей по мере постоянной эскалации масштабов и жестокости войн и увеличения числа армий крупных государств до миллиона воинов.

Историки делят эпоху Восточная Чжоу на две части: период Чуньцю (с 771 по 481 гг. до н. э.) и Чжаньго (с 481 по 221 гг. до н. э.). Эти названия взяты от названий двух письменных документов: “Анналы Весны и Осени” и “Трактаты о Враждующих Царствах”. Первый из документов — это лаконичная хроника событий в царстве Лу, охватывающая примерно два с половиной века до 481 г. до н. э., когда свыше ста княжеств и государств Восточной Чжоу были поглощены более сильными соседями и осталось только семь крупных и несколько меньших государств. “Трактаты о Враждующих Царствах” — это сборник анекдотов и басен, сообщающих о событиях следующих десятилетий, когда эти семь государств вели войны друг против друга еще активнее, чем прежде.

Многие записи о различных государствах были уничтожены после того, как оставшиеся царства пали под ударами Цинь. Тем не менее в начале II в. до н. э. ряд ученых принялись восстанавливать по памяти погибшие тексты и записывать события, свидетелями которых они были в течение последних тревожных лет. Самым замечательным среди них является Фу Шэн, ученый конфуцианской школы, который, несмотря на свой более девяностолетний возраст, диктовал дочери заученный наизусть текст “Исторической книги”, обширного документа из эпохи Западной Чжоу.

Среди других значительных работ, сохранившихся в той или иной мере, — “Книга Поэм” — антология поэзии, датируемая X—VII в. до н. э., воскресающая радости и печали жизни той эпохи. Позже, в начале

ВЕЧНАЯ ОБИТЕЛЬ ДЛЯ КНЯЗЯ, ПРАВИТЕЛЯ ИСЧЕЗНУВШЕГО ГОСУДАРСТВА ЦЗЭН

Точные границы государства Цзэн, княжества, упоминаемого в китайской истории благодаря союзу, который оно заключило с двумя другими государствами, чтобы свергнуть династию Западная Чжоу, ученые не могли установить более тысячи лет. И лишь в 1978 году у Лэйгудуня в провинции Хубэй археологи не только смогли определить границы Цзэн, но и открыли захоронение, не имеющее себе равных по богатству и сложности.

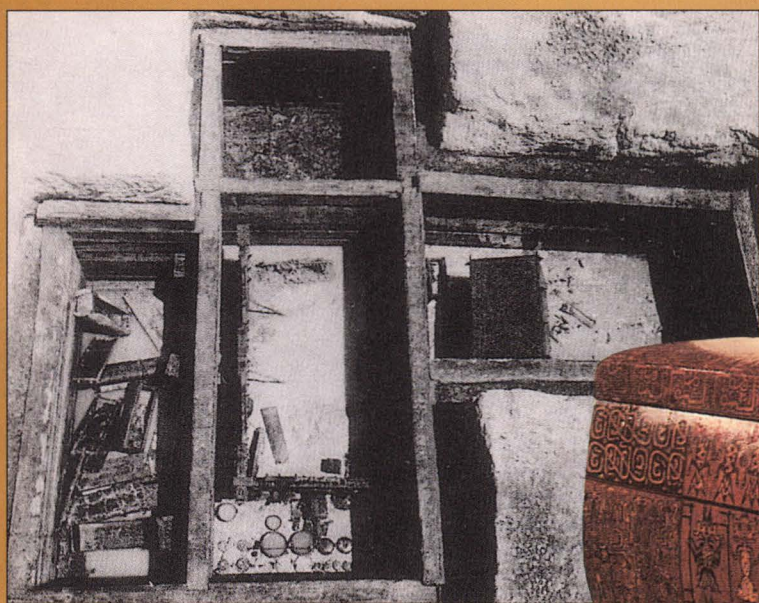
Огромная могила (внизу) — 68 футов в длину и 54 фута в ширину — содержала 15 404 предмета материальной культуры. Среди этих сокровищ — бронзовые фигурки животных и священные сосуды необычных форм; украшения из нефрита; кубки, чаши, ложки и пряжки из зо-

лота; лакированные изделия из бамбука и других пород дерева; множество оружия и музыкальных инструментов.

Надписи на бронзовых изделиях определенно указывали на то, что в могиле захоронен Цзэн Хоу И, удельный князь Цзэн, умерший в 433 г. до н. э. Эта дата означала, что бамбуковые пластинки, найденные в могиле, на которых были написаны ритуальные молитвы и опись погребальной утвари, относились к одним из наиболее древних. Картинки и надписи на крышке найденного лакированного сундука оказались самыми ранними из известных изображений неба китайцами.

Все возможное было сделано для того, чтобы окружить

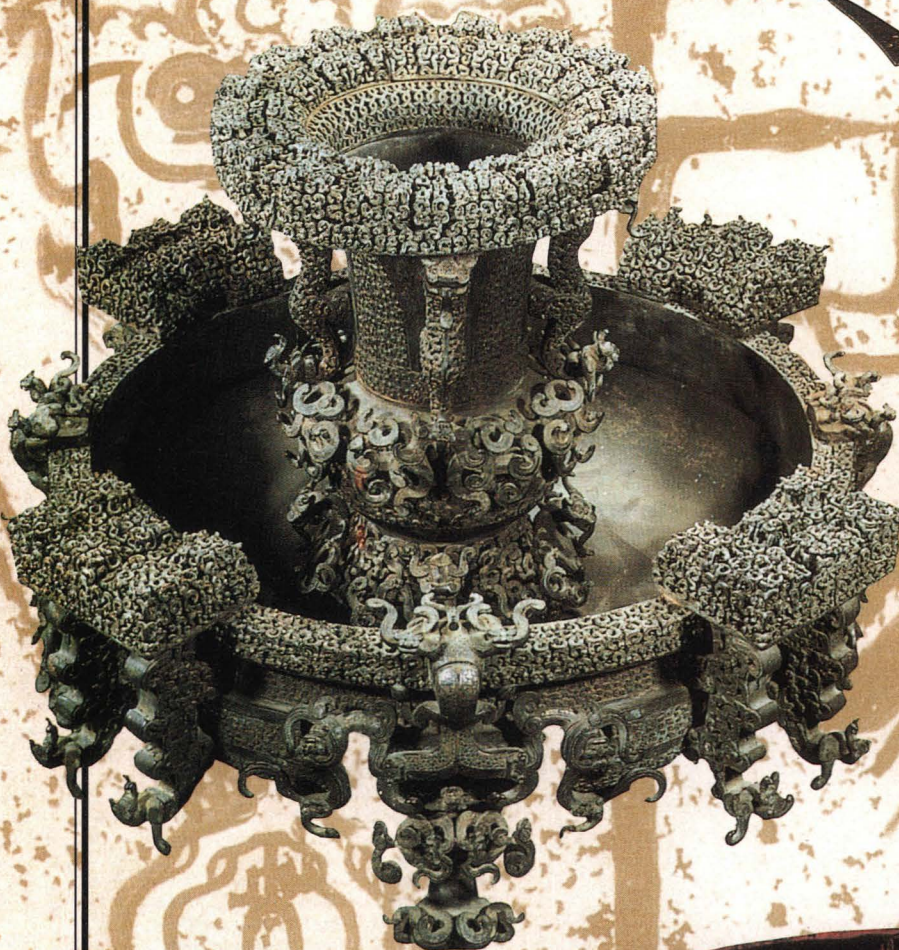
князя Цзэн подобающими его рангу почестями. Четыре деревянные камеры напоминали комнаты дворца. Он был помещен в своей погребальной "спальне" с восемью служанками и собакой, принесенными в жертву. В центральном зале разместили целый оркестр музыкальных инструментов, а также сосуды, горшки, чаши и корзины для пищи и вина, расположив их рядами, как бы для предстоящего банкета. В камере, примыкающей к церемониальному залу, были совершены дополнительные жертвоприношения: здесь обнаружили 13 женщин в возрасте от 15 до 25 лет. Археологи полагают, что некоторые из них могли быть музыкантами, развлекавшими господина при жизни.

Гробница удельного князя состоит из четырех камер. В помещении справа находятся его останки. В смежной камере располагаются музыкальные инструменты, рядом слева — гробы с останками тринадцати женщин. Самая маленькая камера — склад оружия. Два гроба имели обернутое шелковой тканью тело князя: наружный сделан из дерева и бронзы, а внутренний (фото внизу) — только из дерева. Искусно выполненные, покрытые лаком изображения (задний фон этой и следующей страницы) украшали оба гроба.

Отлитый из золота сосуд (справа), украшенный по крышке и корпусу затейливым орнаментом, является одним из предметов для пищи и питья, захороненных вместе с князем. Ковшик с ажурным орнаментом, по-видимому, использовался для извлечения кусков мяса из бульона.

Извивающиеся и скручивающиеся кольца драконы украшают искусно изготовленные из бронзы сосуд и чашу для вина. Употреблявшиеся князем И по случаю церемоний, эти предметы являются одними из самых ранних образцов литья по выплавляемым моделям из воска в древнем Китае. Находка их в могиле князя И на 200 лет отодвигает в прошлое время начала использования этого способа литья.

Рисунок на сундуке, покрытый лаком, представляет собой первую китайскую астрономическую карту. Названия 28 созвездий окружают слово, обозначающее созвездие Большой Медведицы. Два из четырех животных, символизирующих части света: зеленый дракон — на востоке и белый тигр — на западе, обрамляют картину неба.

I в. до н. э., был создан богатейший источник информации об эпохе Восточная Чжоу, это — “Исторические записки” Сыма Цяня, впечатляющая работа великого историка, служившего при дворе династии Хань. В этой истории Китая записаны главные события эпохи Восточная Чжоу и ранних времен; работа дополнена трактатами и хронологическими таблицами, что способствует лучшему пониманию как самих событий, так и биографий главных действующих лиц. За последние десятилетия археология обогатилась новыми письменными свидетельствами. Найденные в бесчисленном множестве могил документы и артефакты, украшенные сценами войн, ритуалов и охоты, помогли ученым двадцатого века собрать недостающие детали.

Несмотря на катаклизмы, почти восьмисоттридцатилетняя история царского дома Чжоу охватывает самый долгий период времени в сравнении с другими китайскими династиями. Фортуна постепенно отворачивалась от этой династии, и их государство становилось все слабее и слабее. В период Чуньцю власть и влияние царя Чжоу уменьшились и поддерживались только на принадлежащей ему территории вокруг Ванчэна, его столицы, располагавшейся вблизи современного Лояна на западе провинции Хэнань. За пределами своего домена он считался не более чем номинальным главой, еще достойным того титула, который передавался по наследству его предками — Сын Неба, и только формально держал в вассальной зависимости те области, которые с 1050 по 771 гг. до н. э. составляли обширное царство монархов династии Западная Чжоу.

Вокруг урезанного царства Сына Неба в начале периода Чуньцю существовало около 170 отдельных государств, по традиции еще поддерживавших связи с правителем династии Чжоу. Некоторые из них занимали обширные территории; другие представляли из себя укрепленный город и прилегающие земли. Их растущая независимость свидетельствовала о крахе системы управления, годами создававшейся монархами династии Чжоу. В течение поколений цари династии Чжоу назначали своих сыновей и других кровных родственников вместе с министрами, крупными военачальниками и доверенными местными правителями феодальными хозяевами территорий, составлявших царство. В период расцвета этой системы наследные принцы, в свою очередь, жаловали земель своих родственников и министров, чтобы обеспечить себя верными вассалами. Министры совершали подобные же факты наделения земель своих подчиненных. Как символ власти правители территорий, находившихся в сфере влияния Чжоу, получали различные титулы: *гун* (равно европейскому герцогу или великому князю), *хоу* (маркиз или удельный князь), *бо* (граф), *цзы* (виконт) и *нань* (барон). В результате среди элиты возникали ссоры, устраивались придворные интриги и велась борьба за власть.

Свидетельством преимуществ, которые давали место на верху иерархической лестницы, служит богатство предметов, найденных в

гробнице удельного князя И, владельца княжества Цзэн. Оно указывает на то, что относительно мелкий правитель мог вести роскошную жизнь и пользоваться высоким уважением. И все же надписи на бронзовых изделиях, захороненных с князем, указывают, что старая система быстро менялась. Чжоу уже не пользовалась таким влиянием, как раньше. Удельный князь И в действительности был вассалом мощного соседнего государства Чу. К 433 г. до н. э., году смерти князя И, правители Чу уже давно владели титулом *ван* — царь, а в течение последующих ста лет такой же титул приняли правители и всех других крупных государств.

За период Чуньцю число независимых территорий постоянно сокращалось, так как более сильные царства завоевывали и присоединяли к себе более слабые. Правители государств, которых называли сюзеренами, выясняли между собой, кто окажется достаточно сильным, чтобы руководить конфедерацией государств, открыто заявляя о том, что они правят от имени Сына Неба, царя династии Чжоу. Великий князь Хуань из государства Ци, располагавшегося на территории современной провинции Шаньдун, пришел к власти именно этим путем. Князь отразил вторжение кочевников, сплотив другие государства, затем он принял титул сюзерена. В своем новом звании Хуань занимался урегулированием споров между государствами и командовал объединенными силами в борьбе против варваров.

За время своего долгого правления (685—643 гг. до н. э.) Хуань участвовал в военных кампаниях по меньшей мере 28 раз. Он успешно руководил войсками союзников в войне против государства Чу, расположенного на юге, развязав ее в 656 г. до н. э. якобы для того, чтобы заставить правителя Чу регулярно платить дань Чжоу, но скорее всего ради ослабления растущего могущества последнего. По всей видимости, князь Хуань рассматривал эту дань только как необходимую формальность, которая подтверждала легенду о том, что царь Чжоу — Сын Неба, и увеличивала значение великого князя Хуаня как одного из ближайших родственников царя.

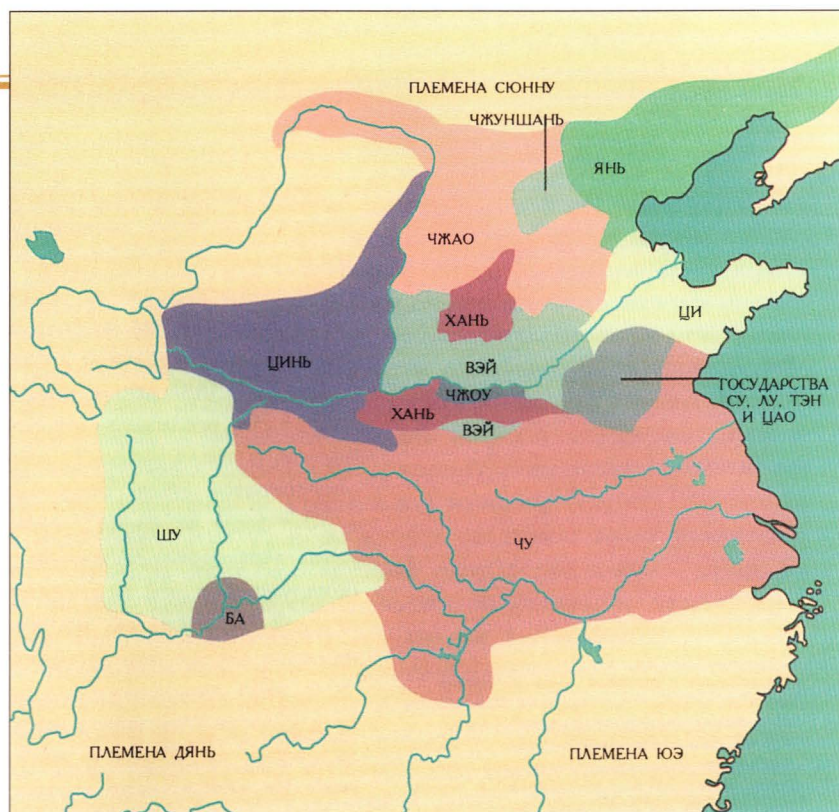
Таким образом, царь Чжоу сохранялся как ритуальная принадлежность, и могущественные сюзерены, говоря о своих правах на власть, принимали во внимание степень родства с царской особой. Они предвидели, что наступит время, когда один из них станет достаточно сильным, чтобы противостоять другим в одиночку, и князь Хуань видел таким человеком себя и действовал соответствующим образом. Но это осталось мечтой, которую прервала его смерть, после чего государство Ци утратило доминирующее положение и борьба за власть возобновилась с новой силой. К началу V в. до н. э. крупные государства отказываются от большей части знаков внешнего почитания центральной власти и борются за верховную власть друг против друга, совсем не принимая во внимание царя Чжоу.

По мере быстрого упадка власти Чжоу социальная структура Китая начала испытывать радикальное преобразование. Ступенькой ниже класса крупных феодалов стоял класс, называвшийся *ши*, дворяне, потомки аристократов, ставшие мелкими землевладельцами или служившие у крупных феодалов в качестве мелких служащих, управляющих или профессиональных воинов. К концу периода Чуньцю государства стали слишком крупными и управлять ими стало сложнее, благодаря чему некоторые представители класса *ши* заняли посты министров и военачальников. С возникновением необходимости создать в таких государствах более сложную административную систему, многие из дворян *ши* поступили на государственную службу и образовали костяк вновь созданной бюрократии.

Военные традиции также испытывали изменения, хотя происходившие значительно медленнее. Большую часть периода Чуньцю в сражениях принимали участие главным образом профессиональные воины, потомки знати, которые в отличие от простых людей обучались мастерству владения мечом, стрельбе из лука и ведению боя на колесницах. Рекруты из крестьян играли только незначительную вспомогательную роль как пешие воины.

Аристократы соблюдали определенные правила ведения войн. Битва, в которой сражались жестоко, без соблюдения правил и любыми средствами, относилась на счет варваров; среди “цивилизованных” китайцев битва расценивалась как дуэль джентльменов в увеличенном масштабе, проверка чести, смелости и мастерства. Появление воевод из числа дворян-ши не умало аристократического подхода к войне. Дворяне-ши постоянно обучались соблюдать установленные правила ведения сражения, соответствовавшие устоявшейся практике знати. Перед началом сражения между главами вражеских войск происходил обмен вежливыми обращениями. Например, имеется запись послания, с которым воевода царства Чу обратился в 632 г. до н. э. к главе вражеского войска, правителю Цинь: “Милостиво прошу позволения Вашего Превосходительства начать между нашими и вашими рыцарями игру”.

Почти два столетия периода Чуньцю армии, соблюдая принятые правила, сражались главным образом с использованием колесниц, запряженных парой или четверкой лошадей с тремя воинами — возницей

Территориальные границы постоянно менялись в бурную эпоху Западной Чжоу. На карте даны примерные границы 17 основных государств в V—III вв. до н. э., времени, получившем название периода Враждующих царств эпохи Западной Чжоу. Цинь, одолевшая всех своих соперников в 221 г. до н. э., объединила мелкие княжества в единое политическое образование.

Воины Дянь с пучками волос на голове побеждают своих противников с косичками в битве, фрагмент которой изображен на крышке бронзового чана. Сцены, изображенные на крышке шириной около фута, показывают эффективность новых способов ведения боя: использование всадников и арбалетов, принятых в период Враждующих Царств. В чане под этой крышкой держали раковины каури, использовавшиеся в качестве денег.

и двумя лучниками, которых, вероятно, поддерживал десяток пеших воинов. По мере увеличения размеров государств и уменьшения их числа количество колесниц в армиях возрастало. В 589 г. до н. э. во время сражения между армиями государства Цзинь и государства Чи со стороны Цзинь в сражении участвовало 800 колесниц. Военные силы Цзинь составляли 2400 профессиональных воинов и еще по меньшей мере 8000 пеших ополченцев.

За последние десятилетия археологами обнаружены остатки большого числа колесниц вместе со скелетами лошадей в захоронениях аристократов эпохи Восточная Чжоу. Главные находки были сделаны в 30-е годы во время раскопок гробниц государства Вэй вблизи Люлигэ. Археологи раскопали одну яму из имевшихся в погребении и обнаружили в ней фрагменты 19 колесниц. Большая часть деревянных деталей разложилась, но детали из металла и кости остались целы и на своих местах, что позволило в точности реконструировать колесницы.

По свидетельствам археологов, колесницы периода Враждующих Царств (Чжаньго) имели более совершенную конструкцию, более надежные крепления и механические части. У старых колесниц были тяжелые, громоздкие колеса; более поздние колесницы имели колеса с 26 спицами и были чашевидной формы, что увеличивало их прочность и позволяло выдерживать сильные боковые удары. Колесницы стали еще маневреннее с использованием в лошадиной упряжке хомута, который устранял удушающий эффект старой упряжи. Огромные армии крупных государств эпохи Чжоу, выстраивавшиеся на поле брани рядами в сотни колесниц, сверкающих искусно изготовленными бронзовыми деталями конструкций, являли собой устрашающее зрелище. На

некоторых колесницах бронзовые фрагменты были украшены серебром, золотом и разноцветными, покрытыми лаком кусками дерева.

Несмотря на свой устрашающий вид, колесницы стали играть все меньшую роль в сражении: они стоили дорого и исчерпали свои возможности. К VI в. до н. э. появилась необходимость менять технику ведения боя. Военные конфликты отодвинулись за пределы тесных центральных равнин и долин среднего и нижнего течения Хуанхэ, где можно было успешно использовать колесницы. Армиям крупных государств все чаще приходилось сражаться в гористых и болотистых местностях, совершенно не удобных для колесниц. Требовались совсем иные виды войск, и с VI в. до н. э. в сражениях стала участвовать только пехота. В итоге все крупные государства создали армии из пеших воинов, которых почти полностью вербовали из непрофессионалов и вооружали обоюдоострыми мечами и копьями.

Введение кавалерии, более быстрой и мобильной, чем колесницы, ознаменовалось большими военными успехами тех, кто ее использовал, начиная с V в. до н. э. и далее. Северные царства, такие, как Цинь, Янь и Чжао, стали сильнее, приняв на вооружение кавалерийскую тактику кочевых племен и одежду: куртки, брюки и остроконечные шлемы наездников — грозы евразийских степей, скифских всадников.

В течение 290 лет периода Чуньцю в Китае исчезло не менее 110 государств, они либо уничтожались, либо аннексировались победителем. В результате многие аристократы потеряли свой статус. И тем не менее эти годы были относительно спокойными по сравнению с последующими двумя с половиной веками. В период Чуньцю войны часто состояли из одного главного сражения, которое быстро заканчивалось поражением одной из сторон или перемирием. В период Чжаньго число войн стало меньше, уничтожено было только 22 государства, но эти войны были намного масштабней и продолжительней. Соперничали уже не мелкие царства. Мощные государства, имевшие огромные армии, вели войны, часто продолжавшиеся в течение нескольких лет.

В это время все чаще использовали крупное пешее войско, иногда поддерживаемое конными лучниками, что свидетельствует об окончании войн, проводившихся в соответствии с рыцарскими правилами. Использование в большом числе пеших воинов открыло дорогу для незнатных, которые могли теперь пробиться через социальные барьеры древних обычаев и занять места во властных структурах. Быстрое продвижение вверх сопровождало профессиональных воинов. В то же время аристократы могли потерять свое положение, будучи некомпетентными в военном деле, многие из них опускались по социальной лестнице, не получая добычи в сражении. Когда государства зажаты тисками отчаянной борьбы за выживание или первенство, только результаты имели значение. Тот, кто умело сражался, мог рассчитывать на богатые дары независимо от своего социального положения. Отличившиеся в битве

дворяне-ши получали в награду участки земли, простолюдины — официальные должности, а рабы — свободу.

В некоторых государствах человек неизвестного происхождения становился воеводой. Насколько высоко ценилось военное мастерство, можно судить на примере Сунь Цзы, известного также под именем Сунь Калека. Этот низкородный житель государства Вэй совершил какое-то преступление и был приговорен к отсечению ступней ног. Став калекой, он был затем принят на службу в государстве Ци, так как пользовался репутацией искусного военного стратега. События происходили в период Чжаньго, когда велись непрекращающиеся войны, и Сунь Калека дослужился до положения начальника военного штаба.

Как бы сильно новый социальный порядок не подрывал основы, на которых строилось наследование аристократами должностей, он вел к усилению влияния отдельных крупных феодалов. В каждом царстве теперь мог править только один род, и царь этого рода мог по своему желанию назначать или увольнять чиновников. Недавно захваченные или колонизированные земли становились административными единицами, которые управлялись назначенными чиновниками, не получавшими наследственных прав. В итоге даже наследственные вотчинные владения были превращены в такие же административные единицы.

Неудивительно, что эти перемены серьезно повлияли на жизнь крестьян. Их забирали на военную службу, что сокращало количество рабочих рук в семьях и требовало дополнительных материальных затрат со стороны семьи, так как она должна была на свои средства экипировать рекрута. Те, кто оставался работать на земле, страдали от тяжелых налогов, которые они вынуждены были платить для ведения войн и для строительства стен, дорог и каналов. Старая феодальная система предоставляла минимальную гарантию безопасности: если крестьянин выполнял свои обязанности перед хозяином-землеладельцем в урожайные годы, его не сгоняли с земли в неурожайные годы. Теперь крестьянин мог потерять свою землю, если не мог уплатить налоги, и часто должен был брать заем под высокий процент, чтобы свести концы с концами.

Так как масштабы военных действий постоянно росли, то сражения выливались в непрекращающиеся более недели побоища, а осада города могла тянуться месяцами. Мы не располагаем статистическими данными об общем числе жертв в годы Чжаньго, но можно предположить, что миллионы китайцев были убиты, так как от практики взятия пленных начали отказываться, предпочитая ей яростное сопротивление, доходящее до массового убийства. В “Исторических записках”, например, сообщается, что после того, как армия Цинь победила войско государства Чжао в битве при Чанпине в 260 г. до н. э., 450 тысяч захваченных воинов побежденной армии были казнены и зарыты в общих могилах победителями.

Еще до того, как были обнаружены свидетельства массового убийства в таком масштабе, один китайский археолог предположил, что в 30-х годах нашего века, вероятно, была раскопана одна из могил, относящихся к периоду Чжаньго, когда рабочие расчищали гробницы государства Вэй в Люлигэ, в районе современного Хуэйсяня. Там им попалась узкая траншея, в которой находились останки 60 тел, все до одного обезглавленные; несколько наконечников стрел, обнаруженных между ребрами, вызвали предположение, что жертвы были пленными, подвергнутыми массовой казни и захоронению.

Принесся огромные страдания и бедствия, война в то же время дала мощный толчок для развития производственных сил. В период Чуньцю для защиты городов возводили высокие и крепкие стены с наблюдательными башнями. Такие стены часто строили, утрамбовывая землю или глину в больших деревянных каркасах, которые удаляли, когда эта масса становилась достаточно твердой. Свидетельством использования такого метода и являются сохранившиеся следы каркасов. Раскопки в Дане, столице одноименного государства, покоренного Ци в 684 г. до н. э., показали, что в качестве фундамента для стены была вырыта узкая траншея, затем наполненная слоем утрамбованной земли; сама стена, имевшая у основания толщину 12 ярдов, была построена из уложенных друг на друга слоев земли, смешанной с большим количеством камней. Каждый новый слой был слегка наклонный, для того чтобы стена сверху сужалась.

К концу периода Чуньцю многие города стали такими крупными, что получили вторую, внешнюю защитную стену. Территориальная экспансия подтолкнула правителей крупных государств к возведению “чанченгов”, длинных стен, служивших для обороны новых границ. Начало этому положили в государствах Чу и Ци. Остатки самой длинной стены Ци еще видны по всей ее длине, составляющей около 260 миль и тянущейся от южного берега Хуанхэ на восток до морского побережья у Цзянаня. Позже, когда кочевники стали угрожать крупным северным государствам, начали использовать более сложные способы строительства оборонительных стен, проходящих по холмистому ландшафту. Исследование остатков внешней стены Яня, северо-восточного государства, располагавшегося на территории современных провинций Хэбэй и Ляонин, показало, что стены в гористой местности строили из каменных блоков, на стенах возводили башни для наблюдения, которые располагали с одинаковыми интервалами, чтобы стража могла подавать друг другу сигналы.

В целях более эффективного использования изменялось и оружие. Обычные виды оружия — секиры, алебарды, копья, ножи, луки и стрелы — постоянно меняли свою форму или усовершенствовались для большей эффективности. Впервые в большом количестве начали производить

ЗНАК ГЛУБОКОГО УВАЖЕНИЯ ИЗ ДАЛЕКОГО-ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

В середине 40-х годов крестьянин провинции Хэбэй, Лю Симэй, натолкнулся на камень, покрытый необычными надписями. Озадаченный крестьянин вынул кусок гранита размером 2,5 на 3 фута из ручья, на дне которого тот лежал, принес домой и положил его под навес крыши, венчающий карниз. Через 35 лет Лю предложил свою необычную находку археологам, работавшим в этом районе. Как оказалось, иероглифы на отполированном рекой камне, так его называли за гладкую поверхность и округлые края, получившиеся за столетия воздействия речного потока, датируются периодом Чжаньго (481—221 гг. до н. э.). Он стал одним из древнейших памятников письменности древнего Китая. Перевод написанных на нем двух строк: "Сторож царского рыбоводного пруда Гунчэн Дэ и надзиратель за царскими могилами Цяоцзян Мань посылают знаки

глубокого уважения людям будущих поколений", — подтвердил давно зародившиеся предположения о том, что местные гробницы принадлежат аристократам периода Чжаньго.

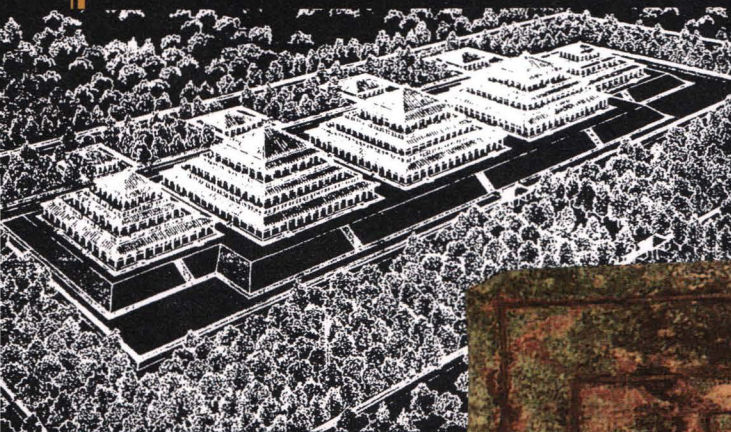
Дальнейшие раскопки тридцати мест захоронения подтвердили не только то, что они относятся к периоду Чжаньго, но и то, что в этом месте находился Линшоу, столица царства Чжуншань. В ходе раскопок было найдено более 2000 бронзовых предметов, 90 из которых имели надписи — от списков имен царей до советов будущим поколениям в вопросах ведения иностранной политики.

Основанное в 414 г. до н. э. этнической группой с севера, Байди, или Белые Ди, Чжуншань играло значительную роль в борьбе за власть среди государств того времени. Царство было основано пришедшими в центральные равнинные районы кочевниками Ди, осев-

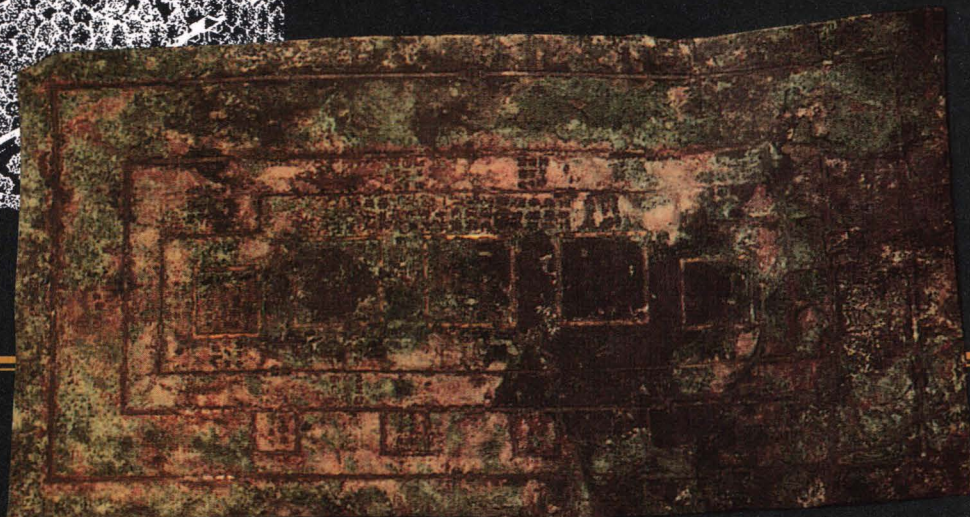
Остатки могильного кургана и ямы-хранилища окружают погребальную камеру царя Цо. Завоеватели Чжуншаня, по всей видимости, вскрыли и разграбили гробницу всего лишь через несколько лет после ее сооружения.

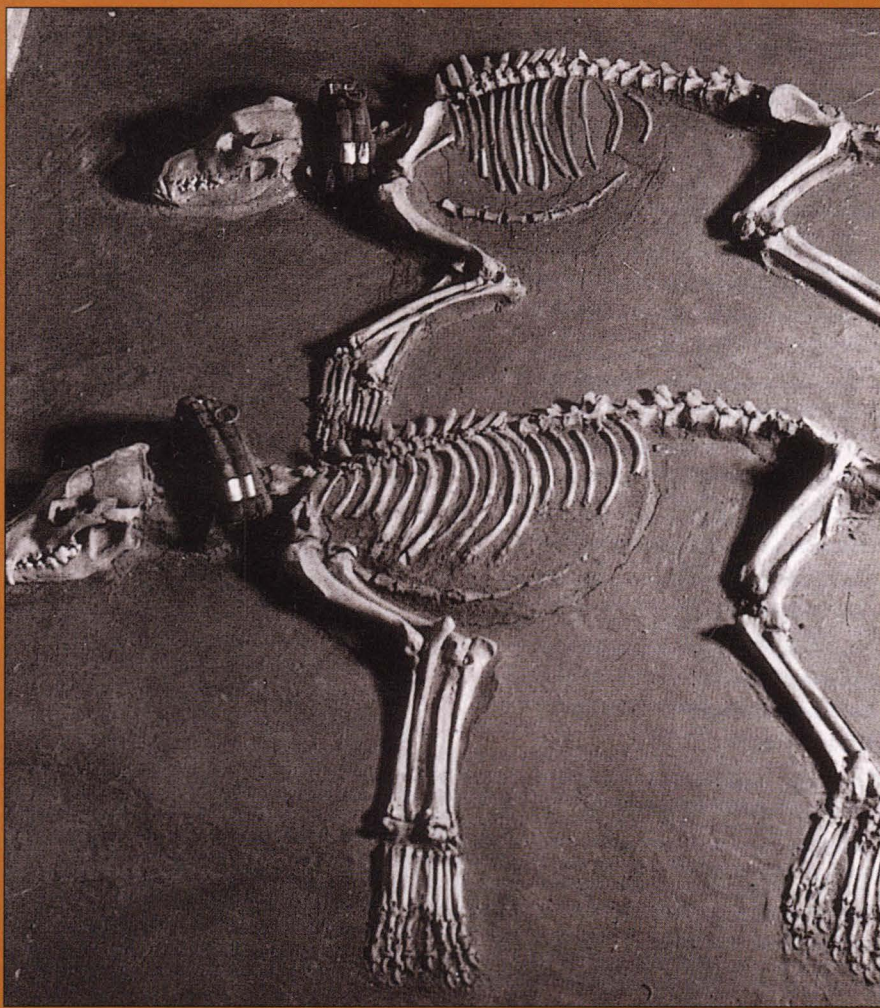
шими там и ставшими ведущей силой в сельском хозяйстве и промышленности. Их царство процветало и получило название-эпитет "государство тысячи колесниц".

Одна из раскопанных гробниц принадлежала царю Цо, правившему Чжуншанем с 323 по 311 гг. до н. э. В ходе раскопок стало ясно, что на покой он ушел в сопровождении двух царич и нескольких слуг, коней, колесниц и лодок. Над местом погребения был насыпан могильный холм длиной 120 ярдов, увенчанный степными погребальными пирамидами-храмами (см. иллюстрацию: крайнюю слева и слева сверху). Несмотря на то что место

Инкрустированная серебром и золотом бронзовая плитка, изображающая архитектурный план гробницы царя Цо (внизу) позволила реконструировать в виде рисунка месторасположение и вид погребальных храмов с черепичной крышей (слева). План изображает пять храмовых зданий в комплексе и окружающую их стену; надпись на плитке содержит названия, размеры и месторасположение камер.

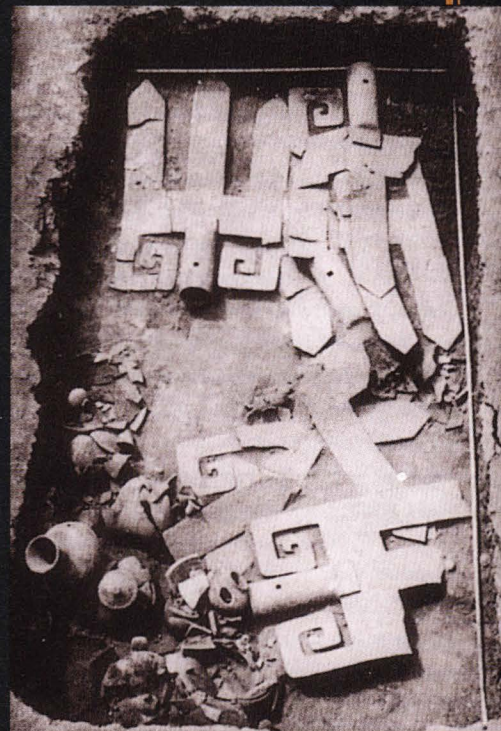
погребения Цо неоднократно испытало воздействие плуга, в могиле найдено множество предметов, представляющих ценность для науки. Одним из них является бронзовая плитка с выгравированным чертежом погребального комплекса. Чертеж, хотя и неточен в масштабе, представляет подробную схему памятника захоронения 2300-летней давности.

Кочевники Ди ассимилировались с жителями центральной равнины, но сохранили много

уникальных черт своего кочевого прошлого. На орудиях труда, изделиях из бронзы и керамики часто встречаются эмблемы в форме трезубца, вероятно, символизирующего горы. По традиции Ди поклонялись горам, расположенным на западе, как своей прародине и как бастиону, защищающему от врагов. Эта защита не выдержала напора властных амбиций соседнего государства Чжао, которое завоевало Чжуншань в 296 г. до н. э.

Тяжелые ошейники, украшенные серебром и золотом, найдены вместе со скелетами двух крупных, похожих на волков "северных собак", породы, использовавшейся народностью Ди для охоты. Скелеты собак, найденные рядом с колесницей и скелетами лошадей в гробнице царя Цо, дополнили комплект необходимого для гонимой охоты на дичь, которая, вероятно, была любимым занятием монарха при жизни.

Знак из бронзы в виде китайского иероглифа "шань", что означает "гора", надевали на концы деревянного шеста. Эти символические знаки размером в 56 дюймов, вероятно, выставляли перед дворцом или на царских колесницах. На фотографии, запечатлевшей яму-хранилище, расположенную рядом с могилой царя, предметы находятся в том положении, в каком они были раскопаны.

мечи. Мечи в Китае до династии Чжоу не имели широкого применения; их изготавливали обычно, отливая из бронзы вместе с рукояткой. Но к VII в. до н. э. мечи начали делать с рукояткой из дерева или слоновой кости, обтягивая ее шелковой тканью или шнуром, чтобы удобнее было держать в руке, а между эфесом и лезвием часто закрепляли гарду. Мечи, которые находят в могилах поздней Чжоу, часто украшены нефритом и имеют также инкрустации из серебра и золота. Гарда у некоторых изготовлена из нефрита, а лезвие имеет ножны из покрытых лаком бамбука, кожи или слоновой кости.

Древний бердыш, обычно использовавшийся пешими воинами или сражающимися на колесницах, тоже подвергся изменениям. Как видно из изображенных на бронзовых сосудах батальных сцен, начали использовать бердыши трех размеров. Самые длинные, превышающие в два раза рост воина, использовались при нападении на колесницы или лодках. Самые короткие — в рукопашной схватке. Следующим шагом в совершенствовании орудий смерти было создание универсального бердыша с лезвием изогнутой формы на нижнем конце рукоятки. Таким оружием можно было наносить удары в различных направлениях: колоть и рубить впереди, сечь направо и налево, наносить удары назад, отбивая нападение со спины.

К арсеналу смертоносного оружия был добавлен арбалет (стр. 52), который стал повсеместно использоваться в V в. до н. э., за 13 веков до появления его в Европе. Реконструкция по сохранившимся частям показала, что арбалет Восточной Чжоу состоял из деревянного ложа с зажимом, лука из бамбуковых пластин и спускового механизма, состоящего из четырех деталей, отлитых из бронзы. Такой арбалет взводился при помощи ноги, стреляли из него короткими стрелами с металлическим наконечником, летевшими с такой скоростью, что арбалет скоро стал считаться самым смертоносным оружием Чжоу.

По мере улучшения снаряжения войск росли потребности постоянно увеличивавшегося их количества в снабжении ресурсами и продуктами. Экономические возможности считались настолько же важным фактором в войне, насколько и сами военные силы. В связи с этим огромные технические достижения были сделаны в разработке природных богатств.

В начале периода Чжаньго китайцы начали широко использовать железо. Есть свидетельства того, что в небольшом количестве железо вырабатывали еще в XI в. до н. э., в эпоху Шан, но бронзолубивая знать рассматривала железо как недостойный металл. Некоторые ученые полагают, что нехватка меди и олова, компонентов бронзы, подтолкнула китайцев в эпоху Чжоу к обработке железа, объем производства которого в VI в. до н. э. стал значительным. Китайцы в то время уже владели технологией, включая высокопроизводительные печи и воздушные мехи, использовавшиеся для производства бронзы, которая позволяла им получить очень высокую температуру — около 2800° по

Бронзовый сосуд с вином, которое приобрело зеленый цвет от реакции со стенками сосуда, был найден в сокровищнице в могиле царя Чжуншаня Цзо, где он пролежал 2300 лет. Анализ этой ароматной жидкости (в лабораторном стакане справа) показал, что она напоминает пунш, состоящий из спирта, сахара и жира.

Фаренгейту (более 1500°C), — необходимую для расплавления железной руды. Затем с поверхности расплавленного железа удаляли шлак и металл разливали в форму. В Западных странах такой процесс выплавки железа стал широко применяться 1800 лет спустя.

Раскопки, проводившиеся в последние десятилетия, показали, что во многих царствах Китая использовались предметы, изготовленные из железа. На поверхность были извлечены сотни железных изделий. Так, в 1965 году у Сяду — столицы Янь, располагавшегося в пределах современной провинции Хэбэй, в могиле конца периода Чжаньго, было обнаружено не только оружие из железа (десятки предметов), но и железные доспехи, состоящие из 89 соединенных между собой пластин. Находки в этой и других могилах показывают, что в то время производили и высокоуглеродистую сталь, хотя и в меньшем количестве, и использовали ее для копий и алебард.

Еще более широкое, чем для орудий убийства, применение нашло железо в сельском хозяйстве. Остатки плавильных и многочисленных орудий указывают на то, что в IV в. до н. э. железо все чаще использовали для изготовления плужных лемехов, мотыг, кирок, лопат, граблей, серпов и топоров. В 1954 году были исследованы остатки мастерской времен государства Янь у Синлуна, в провинции Хэбэй. Мастерская, построенная вблизи от двух железнорудных шахт, занимала территорию примерно в 36 тысяч квадратных ярдов и имела 48 наборов литейных форм, которые использовались главным образом для производства железных изделий для сельского хозяйства. Отливка железа в крупных литейных мастерских, контролируемых государством, все ближе подводит китайцев к массовому производству этого металла.

Хотя железо более хрупкое, чем бронза, необходимости в улучшении его качества тогда не было. Так как оно стоило относительно дешево, орудия, производившиеся в мастерских подобных яньской, были доступны крестьянам, многие из которых еще работали примитивными орудиями из дерева, камня или кости. В связи с применением железных орудий обрабатывать землю стало легче, и крестьяне могли расчистить и возделывать большие площади и глубже вспахать почву весной. В результате значительно увеличился выпуск сельскохозяйственной продукции.

Количество наводнений, уничтожающих поля и посевы, было снижено благодаря строительству многочисленных дамб, плотин и каналов, что, в свою очередь, позволило искусственно орошать большие площади ранее не использовавшейся земли. Такое строительство часто мотивировалось военной необходимостью. В 486 г. до н. э. князь государства У приказал построить водный путь для соединения рек Хуанхэ и Янцзы, чтобы его армия могла получать снабжение во время продви-

жения к государствам на севере, Сун и Лу. В результате был построен канал Хань Гоу, длиной почти 100 миль, который в наше время является частью Великого Канала, соединяющего Ханчжоу и Пекин.

К 250 г. до н. э. гидравлика стала развитой наукой, чему свидетельствуют работы Ли Бина, назначенного управляющим округа Цинь, военизированной провинции государства Шу, — в тот год Ли Бин построил ирригационную сеть каналов, принесшую процветание региону Чэнду. Прodelав канал на глубине 130 футов под твердыми породами, он отвел туда воды реки Миньцзян и контролировал ее течение при помощи сложной системы дамб, каналов и шлюзов, что обеспечило экстенсивное земледелие на территории всей равнины Чэнду, составляющей около 6200 квадратных миль. Система Ли Бина была настолько совершенна, что часть ее действует и поныне в провинции Сычуань, в несколько модернизированной за более чем двухтысячелетний период форме.

Согласно строкам из “Исторических записок”, осуществление еще одного, похожего на проект Ли Бина, замысла началось в то же время благодаря политической интриге: правитель государства Хань задумал остановить направленную на восток экспансию Цинь, изнузив это государство честолюбивыми инженерными проектами. Чтобы реализовать свой замысел, князь Хань отправил специалиста по созданию гидротехнических сооружений Чжэн Го к правителю Цинь, чтобы убедить того в необходимости соединить каналом реки Чин и Ло. Канал был наполовину вырыт, когда правитель Цинь узнал о хитрой уловке правителя Хань, но Чжэн Го привел настолько убедительные аргументы в пользу выгоды постройки канала, что ему было разрешено продолжать его строительство.

Когда в 246 г. до н. э. было завершено строительство канала, он сразу же преобразил регион, сейчас находящийся в центральной части провинции Шэньси, в базовый экономический район. Благодаря ирригационной системе объем урожаев вырос в 5 раз, а сам канал позволил водным путем транспортировать огромное количество зерна в сердце быстро развивающегося государства Цинь.

Осуществление таких крупномасштабных инженерных проектов имело глубокое социальное значение, выходящее за границы решения насущных проблем поддержания и обеспечения крупных армий. Как и следовало ожидать, увеличение производства продуктов питания привело к увеличению роста населения. Хотя в то время не велась перепись населения, но позднейшая статистика предполагает, что за время эпохи Восточная Чжоу население Китая выросло с около 10 миллионов приблизительно до 50 миллионов человек. Такой рост населения сопровождался ростом крупных городов, возникавших как военные крепости и ставших значительными торговыми центрами.

Золотые и серебряные нити и инкрустация украшают очень реалистичную, но тем не менее стилизованную, бронзовую фигурку тигра в момент пожирания хищником оленя; она была найдена в захоронениях царства Чжуншань. Этот крадущийся зверь, яркий образец ремесленного искусства, служил, вероятно, основой одного из предметов мебели, деревянная рама которого разложилась за долгие годы пребывания в земле.

Города с населением около 100 тысяч человек были обычны для Китая во времена Чжаньго, некоторые имели население намного превышающее 100 000. Известно, что столица государства Ци, Линьцзы, располагавшаяся на территории современной провинции Шаньдун, на северо-востоке, в IV в. до н. э. имела население 350 тысяч человек. Столица Чжоу Ванчэн, находившаяся недалеко от современного Лояна, в конце III в. до н. э. имела, как сообщают, население, превышающее четверть миллиона жителей.

Любопытно заметить, что века острых конфликтов не привели к значительному снижению передвижения населения и торговли; в действительности поездки и торговая деятельность увеличились, часто благодаря улучшению сухопутных и водных путей, производимому в военных целях. Когда царства не вели друг с другом боевых действий, они упорно боролись за привлечение на службу самых талантливых чиновников, техников и ученых, а также импортировали сырье и товары, не имеющиеся в наличии на их территории. Торговля считалась настолько необходимой, что даже царства, находящиеся в состоянии

войны между собой, заключали соглашения, позволявшие купцам пересекать спорные границы. А когда число государств уменьшилось, царства-победители смогли обеспечивать безопасное продвижение через огромные территории, находившиеся под их контролем, что дало возможность купцам, мастерам и ученым сократить время путешествия из одной столицы в другую. Постоянно увеличивавшийся обмен товарами, секретами мастерства и идеями, имевший место в то время, усиливал понимание культурного единства населения различных китайских государств, что неизбежно выходило за пределы границ этих государств.

Городские районы стали центрами процветающих мануфактур, производивших товары любого рода, начиная от изделий из бронзы и кончая тканями. На крупномасштабное производство товаров указывают находки, сделанные в десятках мест археологических раскопок, например, на месте столицы Чжоу в Лояне. Там было найдено 8000 изделий из камня, включая изделия из нефрита и резные изделия периода Чжаньго, изготовленные, по-видимому, в одной крупной мастерской. В окрестностях Хоумы, бывшей крупным городом государства Цзинь, находившейся на территории современной провинции Шаньси, остатки бронзовой литейной мануфактуры включают находки более 30 000 глиняных форм и десятки тысяч фрагментов тигелей и других приспособлений, предназначенных для отливки орудий труда, сосудов, оружия и монет.

Продолжая традиции, основанные во времена династии Шан, мастера эпохи Восточная Чжоу отливали из бронзы изделия необычайной сложности и вычурного убранства. Примерно около 550 г. до н. э. начали применять способ отливки изделий по выплавляемым восковым моделям, что позволило создавать предметы, в которых воплощался сложный замысел автора и которые невозможно было изготовить обычным для того времени способом отливки по сборным формам. Технология литья по восковым моделям заключается в следующем: создается модель из воска, на которую наносят орнамент; обмазывают модель по всей поверхности влажной глиной, чтобы создать форму, и оставляют в форме маленькие отверстия. Затем ее обжигают и расплавленный воск вытекает. Расплавленную бронзу заливают внутрь, где она занимает пространство выплавленного воска и принимает форму и орнамент восковой модели с той разницей, что изделие из бронзы получается прочным.

Ремесленники достигли также относительно высокого уровня техники изготовления изделий из серебра и золота: сосудов для еды и питья, ожерелий, серег, поясных пряжек и украшений в форме фигурок людей, зверей и птиц. Предметов роскоши, принадлежавших высокопоставленным лицам, найдено было очень мало. Для аристократов, мужчин и женщин, тем материалом, из которого изготавливали ожерелья, заколки для волос, пряжки поясов, подвески в форме птиц, зверей и геомет-

Легкая ткань шелкового платья возрастом 2300 лет украшена вышитыми драконами, тиграми и фениксами. "Гардероб" из очень хорошо сохранившихся 35 шелковых одеяний и стеганых платьев, найденный в гробнице царства Чу, многое говорит о высоком уровне текстильного производства и швейного мастерства в период Чжаньго.

СВЯЗЬ СТОЛЕТИЙ: НЕСТАРЕЮЩАЯ КИТАЙСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Китайская традиция утверждает, что способность читать и писать указывает на эрудицию в такой же степени, как и почитаемое древними греками и римлянами ораторское искусство. И в самом деле, китайское слово “вэнь” может означать “цивилизация” и “текст”.

Хотя овладение сложной системой письма пугающе длительно — уходит примерно десять лет даже у самих китайцев, награда в культурном плане завораживающе огромна: по мере овладения китайской письменностью открывается доступ ко всем значительным классическим текстам китайского прошлого. Поразителен тот факт, что за 2500 лет китайская пись-

менность изменилась так мало, что читать Конфуция не труднее, чем читать современную поэзию, написанную в классическом стиле.

Стандартизация письменности возникла из-за необходимости коммуникации между различными областями обширной китайской цивилизации. Так как китайские иероглифы — это знаки идеографического письма, означающие главным образом смысл, а не звук, читатель может и не владеть тем диалектом, на котором говорит автор письменного текста. Эта характерная черта иероглифов играла главную роль, так как за время существования письменности число диалектов в Китае не опускалось

ниже двадцати, а временами превышало сто. В действительности современные читатели древних текстов часто совсем не знают, как произносили написанные в них иероглифы их авторы.

Возникновение китайской письменности теряется в глубине веков. Самые ранние письмена были обнаружены на глиняной посуде эпохи неолита, датированной радиоуглеродным методом V—IV тысячелетиями до н. э. Эти предшественники одного из самых древних письменных языков на земном шаре имеют сходство с иероглифами, изображенными на гадательных костях и бронзовых сосудах эпох Шан и Чжоу. Хотя

Колонки иероглифов, окруженные изображениями фантастических божественных созданий, покрывают шелковую ткань периода Чжаньго. Самый древний из сохранившихся надписей на шелке, возрастом две с половиной тысячи лет, этот манускрипт размером 15 на 18 дюймов представляет из себя календарь, указывающий на самые благоприятные дни для военного похода, женитьбы и выдачи замуж дочери.

между временем написания этих знаков пролегают века, способ написания их твердым предметом создает аналогичную угловатость форм. Позже по мере широкого распространения чернил и кисти, которыми писали на бамбуке, других видах дерева и шелке в эпоху Восточная Чжоу, знаки стали изображаться более плавными линиями. Эволюция знака "юй" (рыба), изображенного вверху страницы, показывает, как средства письма влияли на форму черт.

Правители III в. до н. э. из династии Цинь провели самые широкие реформы письменности, стандартизировав иероглифы, для разрешения проблем централизации власти в государстве. Эти иероглифы, претерпев небольшие изменения, используются и в настоящее время.

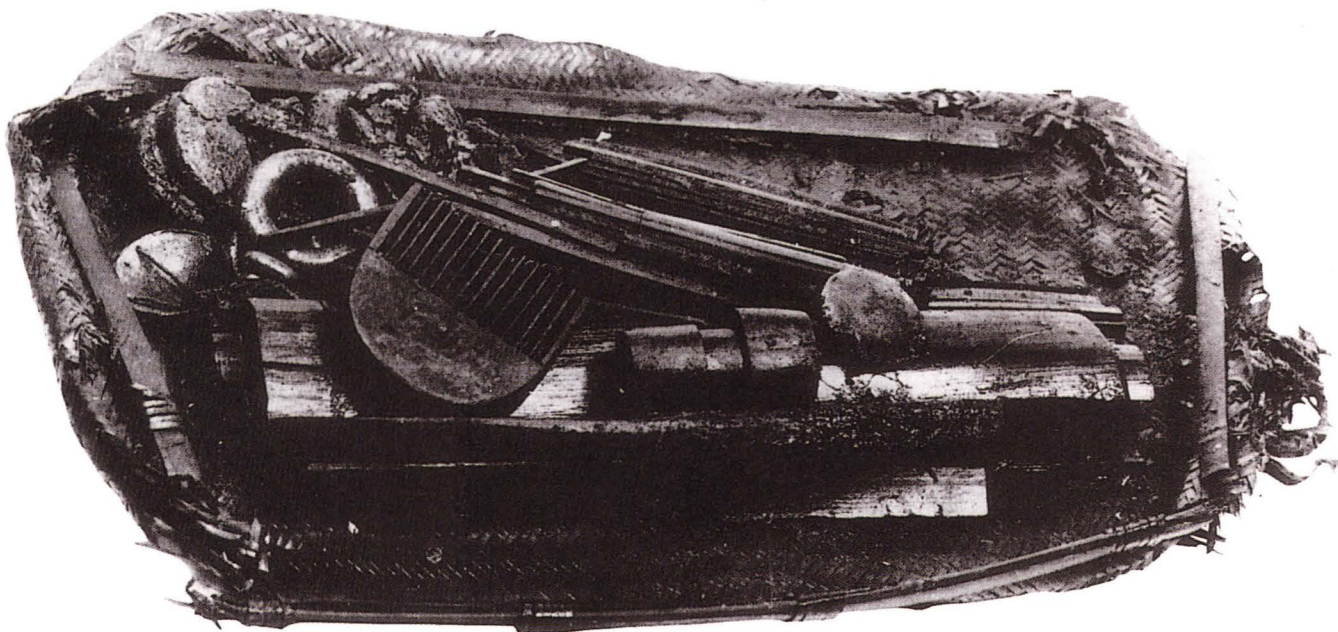
Развитие письменности зависит отчасти от ее функционирования. Древняя письменность, использовав-

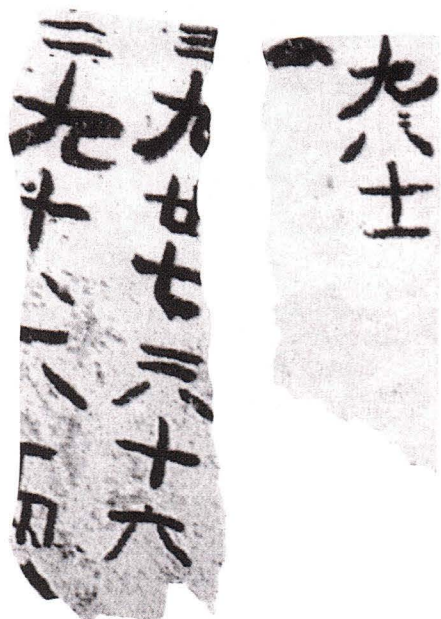
шаяся для гадания (гадательные кости), записи имен царей, описи предметов погребения, стала применяться для передачи сложных понятий. Иероглифы усложнялись: идеографический знак получал модификатор, два знака совмещались в одном. Например, иероглифы "женщина" и "ребенок" образовали иероглиф со значением "хороший" или "приятный". В наше время такое новое изобретение, как лазер, получило письменное изображение в китайском языке путем сочетания в одном иероглифе знаков, означающих "возбуждать", "свет", "трубка". Таким образом, количество китайских иероглифов выросло с двух с половиной тысяч, использовавшихся в древние времена, до более чем 50 000, собранных в современных словарях.

Хотя для того, чтобы считаться грамотным, китайцу необходимо знать только около 5 тысяч иероглифов, реформаторы письменности вы-

ражают недовольство сложностью овладения письмом для большинства людей. Принимаются попытки упростить систему иероглифов, и после тысячелетий появляется угроза идеалу Конфуция, гласящему, что "все под небом неизменно: повозки движутся неизменным путем, книги пишутся неизменяемыми знаками и поведение следует неизменяемым законам этики".

Чаши весов и гири, кисть, чернила и чистые бамбуковые пластины для письма заполняют то, что могло быть сумкой с письменными принадлежностями. Кисть, которой две с половиной тысячи лет, старейшая из обнаруженных при раскопках, сделана из кроличьей шерсти, прикрепленной к деревянному стержню при помощи нитки и лака.

Текст IV—III в. до н. э. содержит самые древние из известных таблицы умножения и деления. Примеры, которые решаются в тексте, — это два умножить на девять равно восемнадцати и три умножить на девять равно двадцати семи.

Четко изображенные иероглифы покрывают бамбуковые пластины, найденные в гробнице Западной Хань в провинции Шаньдун. На пластинах содержатся вопросы и ответы, касающиеся военного искусства. Предлагая некоторые специальные приемы стратегии, автор заключает, что лучше всего предотвратить войну и что "выполнение обещаний приносит уросту процветание".

рических фигур, был нефрит. Производство таких изделий, даже если они были небольших размеров, требовало долгих часов напряженного труда. Твердые кристаллы нефрита не поддавались обработке обычными инструментами, и ремесленники должны были использовать абразивные материалы, такие, как порошковый кварц или измельченный гранат, чтобы придать изделию требуемые форму и орнамент.

Искусство покрытия изделий лаком было известно и практиковалось в эпохи Шан и Западная Чжоу. В эпоху Восточная Чжоу оно нашло более широкое применение и мастерство художников стало выше. Лаком покрывали дерево и металл, его использовали даже на коже. Щиты, например, изготавливали растягивая кожу на каком-нибудь каркасе и покрывали ее для крепости слоями смолы. Сложные рисунки, изображавшие драконов или облака, наносились затем на щит разноцветными лаками: черным, желтым, коричневым и красным.

Обнаруженные при раскопках шелковые ткани показывают, насколько высоким было мастерство прядения и ткачества в эпоху Восточная Чжоу. Сохранившиеся куски ткани расшиты и украшены различными декоративными рисунками, включающими изображения мифологических существ, таких, как драконы и фениксы, а также переплетение квадратов и других геометрических фигур. То, что шелк сохранился в течение такого длительного времени, может показаться чудом. В январе 1982 года археологи, раскапывая маленькую могилу царства Чу, находившуюся на территории фабрики по производству кирпича и плитки в Машане, на северо-западе современного округа Цзянлин, открыли гроб и обнаружили останки женщины, завернутые в 13 слоев роскошных шелковых тканей и цветных одеял с разными рисунками, перевязанных девятью шелковыми лентами. Тело женщины было одето в пальто с подкладкой, парчовые штаны, юбку и два парчовых платья, лицо было накрыто шелковым платком трапецевидной формы. Большие пальцы и руки выше кисти были перевязаны шелковыми лентами.

Шелк использовался главным образом для украшения и таких предметов, как одеяла и сумки, иногда его использовали как материал для письма. Главным его преимуществом было то, что он был легким и мог удобно сворачиваться для транспортировки. Основным его недостатком была не столько его непрочность, сколько дороговизна. В связи с этим в настоящее время найден только один манускрипт на шелке, относящийся к эпохе Восточная Чжоу, который, как считают, был украден примерно в 1940 году из гробницы царства Чу в районе Цзыдэньку в городе Чанша, провинции Хунань, и затем появился в частной коллекции (стр. 63).

Результатом войн явилась консолидация власти и способствование развитию техники. В такой же мере стимулировалась и интеллектуальная деятельность. Чтобы пересмотреть природу человеческого общества,

СТО ФИЛОСОФСКИХ ШКОЛ

Несмотря на непрекращающиеся войны, социальные и политические катаклизмы эпоха Восточная Чжоу была одной из самых значительных эр в истории человечества в плане возникновения и развития философских идей. За годы эпохи Восточная Чжоу появилось множество философских течений, явление, названное Сто Философских Школ.

Самым известным из великих философов эпохи Чжоу был Кун Цзы, который заслужил почетное имя Кун Фу-цзы (Учитель Кун), позже, в XVII в., латинизированное миссионерами-иезуитами в Конфуций. Видя социальные бури и падение морали, происходившие в его время, Конфуций стремился найти пути создания организованного социального порядка. Выучившийся многому самостоятельно, Конфуций черпал свое вдохновение из древней китайской литературы, выбирая лучшее из ранних традиций. Чжоу: в основном уважение власти и почитание старших и предков. Приличие и чувство долга лежали в основе его учения. "Воспитанный человек, — писал философ, — предъявляет требования к себе; низкий человек предъявляет требования к другим".

Прагматик Конфуций стремился к общественной деятельности, чтобы распространить свое учение в массы. В возрасте 50 лет или около того он получил пост министра в своем родном царстве Лу. Результатом его деятельности на посту министра было впечатляющее снижение уровня преступности. Говорили, что если потеряешь на улице кошелек, то он будет днями лежать нетронутый. Из-за политических интриг он в конце концов должен был оставить пост министра. Последние годы своей жизни Конфуций посвятил обучению других и писательской деятельности.

“Аналекты Конфуция”, посмертный сборник высказываний философа, дает наилучшее представление об учении Конфуция. В работе прослеживается система этических норм, политические вопросы и проблемы поведения личности, устанавливающие принципы, следуя которым можно принести много пользы и обществу, и каждому человеку в отдельности.

Даосизм, еще одно главное религиозно-философское течение эпохи Чжоу, тоже возникло как ответная реакция на катаклизмы того времени. Поздняя легенда гласит, что основатель даосизма Лао Цзы находился в утробе матери 62 года и родился седым старцем. Трактат, авторство которого приписывают Лао Цзы — “Даодэцзин” (“Путь и его сила”), — отражает философию даоса, “увэй”, главным определением которой считается “делать все, не делая ничего” или снижение до минимума законов и порядков, ограничивающих личность. “Даодэцзин”, переводимая чаще других китайских книг на иностранные языки, разошлась по всему миру за годы, прошедшие после ее создания.

ученые обратились к философии в поисках новых формул для мирного и упорядоченного сосуществования людей. Правители ощущали потребность в носителях свежих идей не только в сфере военной и экономической стратегии, но и в создании более стабильного и эффективного общества. Им также нужна была философская база оправдания своих поступков и деяний, которые, как они полагали, обеспечат процветание их народу. Под их покровительством китайская философия стала процветать. Царь Сюань, правитель государства Ци в конце IV в. до н. э., проявляя желание покровительствовать наукам, пригласил для проживания в своей столице около тысячи ученых людей с подвластной ему территории. Гостям не ставились никакие условия, они могли вести праздную жизнь и до бесконечности заниматься обсуждением философских вопросов.

Новое поколение ученых возникло прежде всего из сословия ши. Многие из них переходили из одного государства в другое, предлагая свои услуги любому господину, который интересовался их идеями. Возникали философские школы, некоторые из которых сосредотачивали внимание на вопросах метафизики, таких, как определение смысла жизни. Но большинство философов Восточной Чжоу, видя стремление народа к миру, пытались сформулировать этические, политические и экономические принципы, необходимые для создания и развития идеального общества. Среди этих ученых был Конфуций (551—479 гг. до н. э.), в наши дни самый широкоизвестный философ того времени. Последователь Конфуция Сюньцзы (ок. 298—230 гг. до н. э.) утверждал, что врожденное зло у людей может и должно быть исправлено благодаря классическому образованию, воспитанию

морали и строгому следованию правилам, установленным обществом. Порицая коррупцию и насилие своего времени, Сюньцзы считал, что естественные желания человека должны быть подчинены строгим правилам соблюдения справедливости и что характер человека должен формироваться при строго упорядоченном соблюдении ритуалов.

Среди учеников Сюньцзы было несколько ученых, которые впоследствии стали главной опорой философской школы, часто называемой легизмом. По мнению этих мыслителей, недостаточно полагаться на воспитание и следование понятию справедливости, поведение человека должно контролироваться строгими законами, предусматривающими суровое наказание за нарушение закона и награды за послушание. Рассуждая еще более радикально, легисты выдвинули принцип, по их мнению, первостепенной важности, принцип непоколебимости власти правителя государства. Они отвергли принципы конфуцианской этики, которым должны были следовать и монархи. Вместо них проповедовалась вера в то, что власть и порядок, устанавливаемый этой властью,

непререкаемы, и легисты требовали абсолютного подчинения центральной власти. Более того, они отстаивали мнение о передаче государству всех полномочий производства продуктов питания и создания военной мощи для обеспечения благополучия и мира для населения. Благодаря этому, как они утверждали, государство станет достаточно сильным, чтобы победить всех врагов и объединить Китай, положив конец хаосу и установив закон и порядок.

Таковыми были принципы радикальной философской школы, обращавшейся к правящим князьям, с радушием воспринятые в государстве Цинь, после того как там в 361 г. до н. э. оказался легист Шан Ян. Прежде Шан Ян был государственным служащим в царстве Вэй, традиционном сопернике в борьбе за власть государства Цинь. Но затем, не сумев достичь желаемого положения, он переориентировал свою преданность, откликнувшись на призыв нового правителя Цинь, Великого князя Сяо, обращенный ко всем, кто мог бы помочь ему вернуть территории, потерянные в борьбе с Вэй несколько лет назад.

Шан Ян начал быстро продвигаться по службе, после того как произвел на Сяо впечатление своими идеями жесткого правления, и уже в 359 г. до н. э. стал канцлером, пробыв на этой должности до 338 г. Под его руководством применялись драконовские меры для направления всех сил и ресурсов государства на решение двойной цели: увеличение производства сельскохозяйственной продукции и ведение войны. В результате почти все мужское население из числа простолюдинов превратилось в хорошо обученных солдат-крестьян, которых можно было призывать в случае необходимости на военную службу.

В течение всего периода правления Сяо Шан Ян с успехом прилагал усилия для поддержания огромного войска, он был также победоносным военачальником в сражениях против армий Вэй. Но когда в 338 г. до н. э. Сяо умер, самый влиятельный легист был обречен. За несколько лет до смерти Сяо Шан Ян заслужил немилость его наследника, и когда наследник вззошел на трон, Шан Ян был тотчас же обвинен в государственной измене. Он встретил свою смерть с оружием в руках после неудачной попытки спастись бегством. Шан Ян был казнен посмертно: его тело привязали к двум колесницам, и лошади, пущенные галопом, разорвали его на части.

После почти столетия войн в период Чжаньго в 403 г. до н. э. оставалось несколько мелких княжеств и только семь крупных независимых царств: Хань, Вэй, Чжао — три государства, расположенные в центре Китая, образовавшиеся после распада в конце V в. до н. э. царства Цзинь, занимавшего территорию современных провинций Шаньси, Хэбэй и Хэнань; богатое и древнее царство Ци, располагавшееся на северо-востоке, на полуострове Шаньдун; Янь, со столицей неподалеку от современного Пекина, и два самых крупных государства — Чу и Цинь.

Чу, царство, расположенное в южной части Центрального Китая, в среднем течение рек Янцзы и Хэньцзян, их долинах, поглотило за период Чуньцю 40 государств и стало в VI в. до н. э. самым сильным государством в Южном Китае. Многочисленные гробницы царства Чу, содержавшие роскошные изделия, выполненные с большим мастерством, свидетельствуют о его богатстве. Только в провинции Хэнань было раскопано более двух тысяч могил Чу. Большое число захоронений было обнаружено также в провинциях Хэбэй и Хунань. В них было найдено не только обилие изящных изделий из бронзы, предметов, покрытых лаком, и украшений из нефрита, но также редкие шелковые ткани, рисунки на шелке и манускрипты на бамбуке, а в одной из гробниц была обнаружена урна, содержащая 392 золотые монеты.

Наряду с военными победами царство Чу пользовалось репутацией царства, покровительствующего людям интеллектуального труда. Среди его самых знаменитых литературных деятелей был поэт Цюй Юань, занимавший пост одного из ведущих правительственных министров в конце периода Чжаньго, в то время, когда единственным сильным соперником Чу было царство Цинь. Он справедливо предупреждал своего монарха воздерживаться от дипломатических переговоров с царством Цинь. Другие мудрые советники царя выражали такое же беспокойство по этому поводу. Древняя пословица гласила: "Умиротворять Цинь путем уступок территории — все равно что тушить огонь, раздувая его".

Но предупреждения Цюй Юаня не были приняты во внимание, а сам он был уволен со службы. В изгнании он написал свою самую известную поэму, "Скорбь отверженного", в которой есть такие строки: "Как прекрасно мне известно, что беду приносит верность. Но стерплю я все страдания, бросить все не в моих силах". Но Цюй Юань все-таки бросил все. Он был настолько разочарован, что покончил жизнь самоубийством, бросившись в волны реки Мило. В Китае это событие отмечают ежегодно Фестивалем Лодок Драконов.

Царство Чу, так же как и царство Цинь, традиционно считалось в центральных государствах Китая полуварварскими землями, лежащими за пределами культурного Китая. Через Цинь пролегали главные торговые пути между Китаем и Средней Азией. В 771 г. до н. э. царь династии Чжоу был вынужден просить помощи у князя Цинь против сильнейшего нашествия варваров, имевшего историческое значение, заставившего царя в целях безопасности перенести свою столицу на восток, в Лоян. Военные силы Цинь успешно прикрывали знаменитый отход, и в благодарность за это царь одарил князя Цинь обширным земельным владением в плодородной долине Вэй, в современной провинции Шэньси. Увеличив земельное владение, княжество приобрело новый статус. После этого Цинь стало непрерывно расширяться. Во второй половине IV в. до н. э. оно стало самым сильным царством Китая.

На одном из самых ранних китайских рисунков на шелке изображен дворянин, восходящий на небо, вероятно, похороненный в гробнице, в которой был найден этот рисунок на шелке. Человек, изображенный художником утонченными изящными линиями, с развевающимися над головой лентами и с мечом за поясом взмывает в небо на драконе. Ему помогают два божественных существа, направляющие его полет, журавль и рыба.

Своим подъемом царство Цинь, вероятно, обязано во многом тому, что оно развивалось под постоянной угрозой нашествия кочевых племен с запада. В противовес им Цинь создало свою собственную мобильную кавалерию и энергичное, по образцу военного, централизованное управление. Но главной силой царства Цинь было его огромное пешее войско. И Чу, и Цинь обычно собирали миллионную армию рекрутов, и сражение между ними разворачивалось порой на ширину в несколько сот миль.

В течение небольшого отрезка времени оборонительный союз шести других царств Китая сдерживал расширение Цинь на восток. К несчастью для этих царств, союз продлился только 15 лет, так как, хотя все шесть царств и трепетали от страха перед Цинь, они еще больше тряслись от ненависти друг к другу. Согласно “Стратегемам Чжаньго”, каждое из царств совершило фатальную ошибку, пытаясь умиротворить Цинь подкупом для того, чтобы оно не участвовало в войне на стороне врага. После того как союз распался, шесть царств были обречены.

Период Чжаньго подошел к своему завершению в 256 г. до н. э., когда войска Цинь хлынули через широкую центральную равнину Китая, опустошив до предела уменьшившееся царство Чжоу и тем самым положив конец номинальному правлению династии Чжоу. Затем войска двинулись на юг, север и восток, покоряя одно государство за другим. Старый мир феодальной раздробленности эпохи Восточная Чжоу был разрушен. Впервые в истории один правящий дом господствовал во всем Китае, раскинувшемся от долины Янцзы до северных степей и от границ Средней Азии до Восточно-Китайского моря. Будущее уже стояло у порога; вскоре появится единое китайское государство, созданное на процветающей сельскохозяйственной и промышленной основе и унаследовавшее особенности китайской культуры.

“КАПСУЛА ВРЕМЕНИ” КИТАЙСКОЙ ПУСТЫНИ

Один из самых важных археологических районов земного шара мало изучен и редко посещается. Причиной тому его географическое положение на северо-западе Китая. Открыт он был в начале XX века, когда шведский исследователь и географ Свен Хедин и его группа из пяти человек изучали и наносили на карту маршрут через широкую и труднопроходимую пустыню Такла-Макан. Они натолкнулись тогда на заброшенные руины. Этого было достаточно, чтобы убедить Хедина в том, что рассказы об исчезнувших городах и зарытых сокровищах в этих местах могут быть правдой, и он решил в следующие дни исследовать забытые песком здания, на которые натолкнулась его группа.

После полудня 28 марта 1900 года Хедин приметил остатки деревянных домов, возвышающиеся на частично выветренном холме высотой футов в девять. Группа исследовала постройки, обнаружила несколько древних китайских монет и инструментов и поспешила вернуться в свой базовый лагерь, забыв в спешке единственную имевшуюся в группе лопату. Хедин отослал за ценным инструментом своего помощника. Подойдя к руинам, тот увидел, что там пронеслась сильная песчаная буря и обнажилась большая крепость, построенная из саманных кирпичей. И таким образом, спешка и самому помогли обнаружить цитадель Лоуланя, некогда процветающего оазиса, похороненного под слоем песка полторы тысячи лет назад.

Лоулань был только одним из многих процветающих мест стоянок караванов и торговых центров на шелковом пути через пустыню Такла-Макан. В период расцвета район был известен своей почтовой станцией, больницей, школами, имел централизованное управление. Достигший наивысшего расцвета в эпоху Хань и последующие за ней два столетия Лоулань и другие города и поселения в оазисах имели намного более древнюю историю, чем мог предположить Хедин. Неолитические орудия и утварь, раскопанные в пустынных районах, прилегающих к озеру Лобнор, указывают, что племена, занимавшиеся охотой и собирательством, жили здесь еще 10 тысяч лет назад, когда климат был благоприятнее, чем в наши дни. Еще одно свидетельство из пустыни Такла-Макан дает возможность проследить развитие этого региона во вре-

мена бронзового века и ведет из доисторического в историческое прошлое.

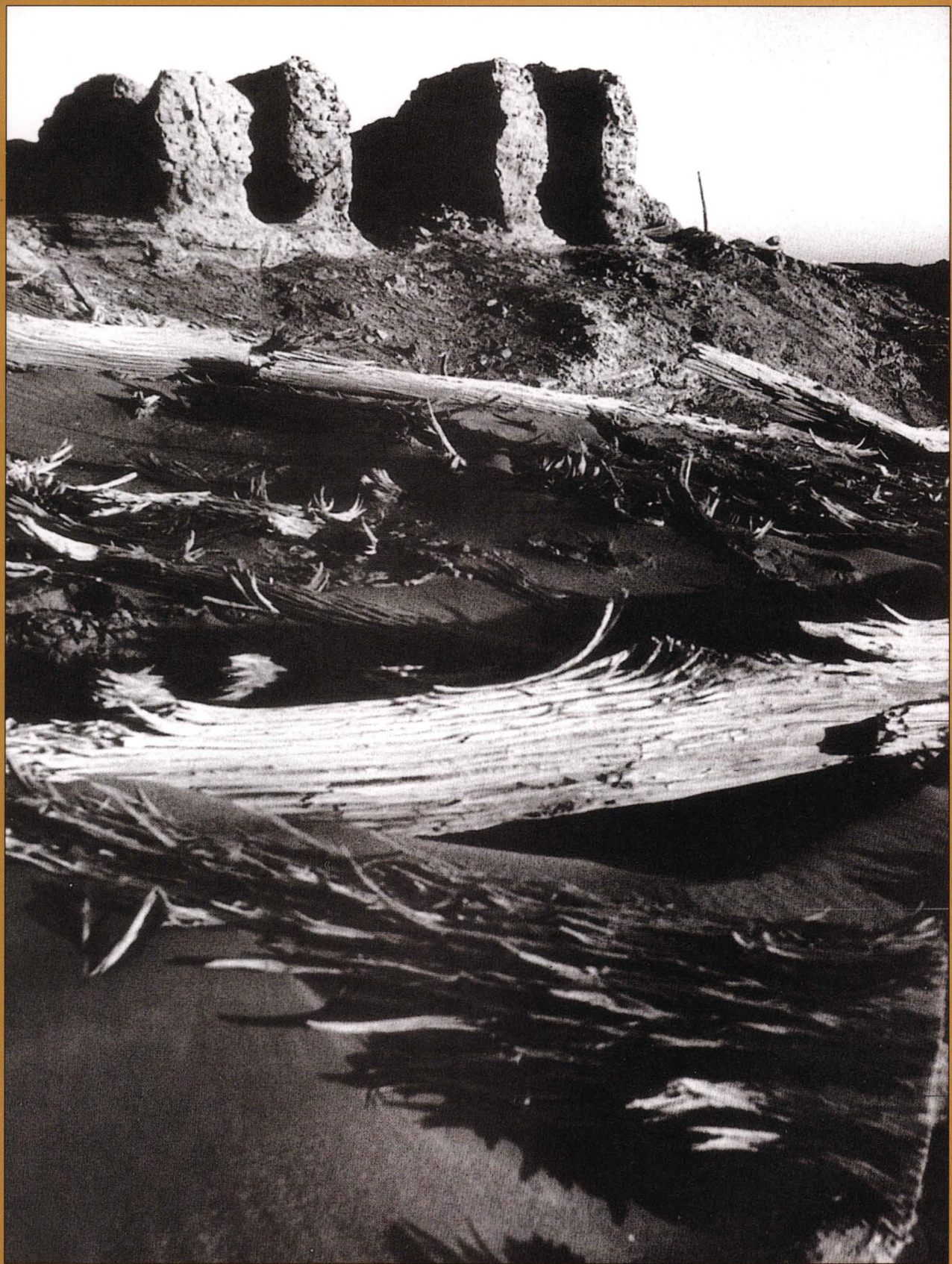
Хотя человек жил в пустыне Такла-Макан тысячелетиями, жизнь его становилась все труднее и труднее из года в год, потому что неуклонно наступала засуха. В переводе с тюркского название пустыни Такла-Макан означает “пойдешь, не вернешься”, и пустыня хранит память о многих из тех, кто решил испытать в ней судьбу. Хедин считал ее “самой коварной и опасной пустыней в мире”, и ходят легенды о том, что целые караваны были поглощены тем, что один британский дипломат назвал “гигантские волны окаменевшего океана” — дрейфующими песчаными дюнами высотой в 300 футов.

По иронии судьбы превосходным консервантом артефактов в пустыне Такла-Макан является тот же самый климат, который поражает отдельных людей и целые деревни. Песок действует как десикант, оказывая на погребенные под ним тела мумифицирующее действие настолько сильное, что сохраняются даже черты лица (см. ниже). Предметы, оказавшиеся погребенными, такие, как ткани, изделия из дерева, корзины, сплетенные из ветвей, которые в других местах разлагаются, тоже остаются целыми. Но, вероятно, самым важным является то, что сохраняются письменные документы. Много документов было найдено в начале нашего века британским исследователем Ореолом Стейном. Написанные на деревянных дощечках и листах бумаги китайскими и индийскими письменами, послания и записи указов возрастом от 1500 до 1700 лет заставляют звучать голоса далекого прошлого, окрашивая их индивидуальной тональностью, глубину которой невозможно постичь, изучая предметы быта даже интимного характера.

Завернутое в саван мумифицированное тело юноши в выдолбленном из ствола тополя гробу, раскопанное исследователем Ореолом Стейном в 1915 году, показывает несколько хорошо сохраняются похороненные в пустыне. Стейн писал: “Кожа на всей поверхности тела погребенного обтягивает кости, и от тела исходит еще резкий запах”.

Крепость Лоулань была раскопана в 1980 году кропотливым трудом бригады китайских археологов. Аэрофотосъемка подтвердила предположение археологов: крепость некогда стояла на острове, расположенном посередине давно исчезнувшей реки.

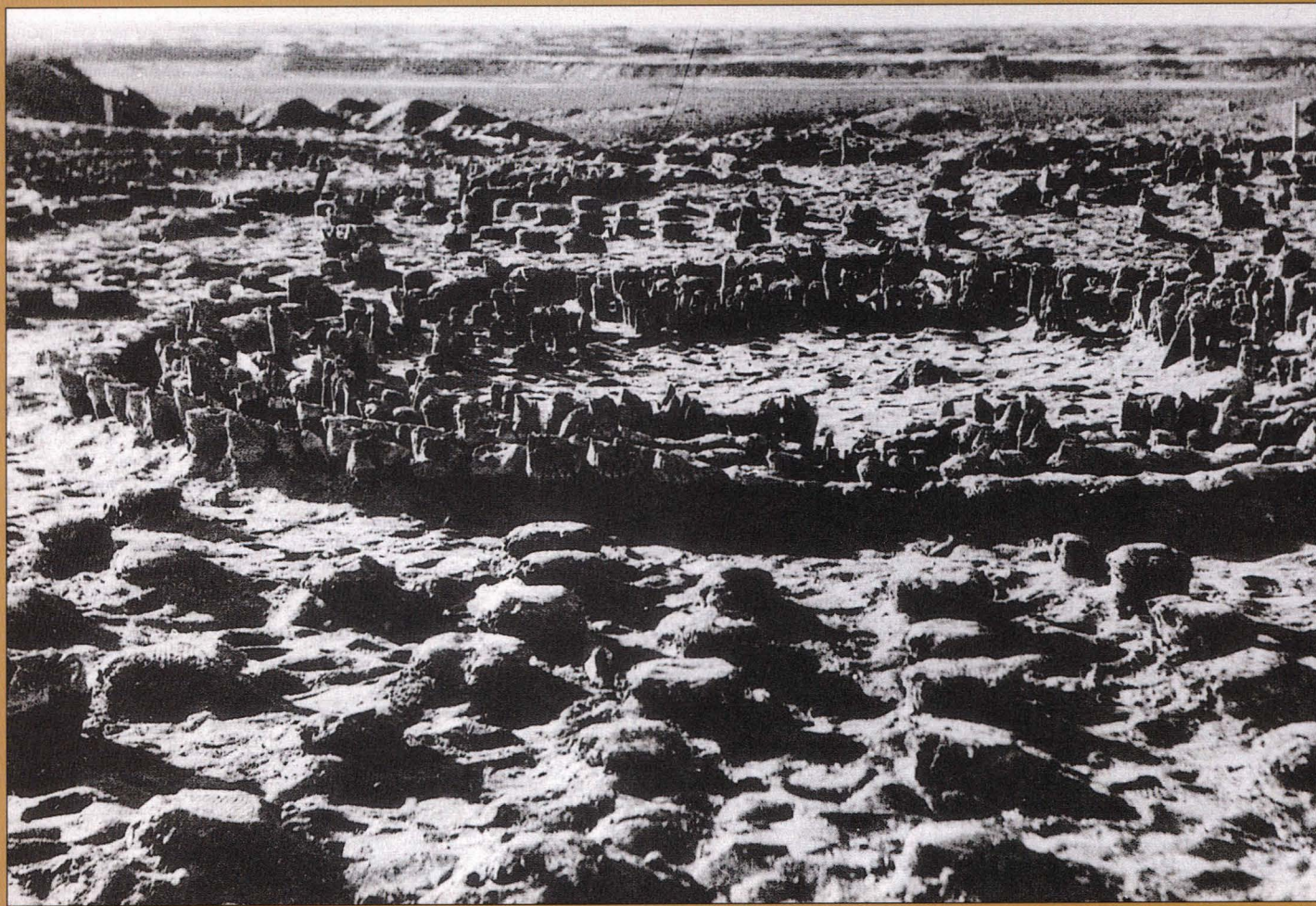
НА ГРАНИЦЕ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Как и захороненные "капсулы времени", могилы на окраинах пустынь Такла-Макан и Лобнор, некоторым из которых 4 тысячи лет, содержат различные предметы, которыми ежедневно пользовались древние обитатели этих мест, начиная с шерстяных одеял, одежды из овечьих шкур и кожаной обуви и кончая деревянной посудой и корзинками, плетеными из трав. Захоронения так называемого Священного Круга и могильного кургана у реки Кончедары, 42 комплекса захоронений, раскопанных археологами в

1979 году, дают представление о существовании веры в загробную жизнь: в могилах найдены зерна пшеницы и фигурки, изображающие богинь. Сами могилы ориентированы на запад и восток, и тела погребены аккуратно и в одинаковых положениях.

Простота захороненных предметов свидетельствует о том, что люди, жившие в пустыне, должны были вести упорную борьбу за существование. В течение долгого времени они проявляли ловкость и изобретательность, решая возникавшие перед ними проблемы.

Охота и собирательство проложили пути к началу земледелия и скотоводства. Позже крупномасштабная система ирригационных каналов дала возможность полнее использовать ограниченные водные ресурсы, ручьи и реки, зарождавшиеся в ледниках на вершинах, окружающих пустыню гор. Но наступление пустыни остановить было невозможно, и иссякшие ледники стали причиной высыхания даже самых цветущих оазисов, в результате исчезали целые города, покинутые людьми и поглощенные песками пустыни.

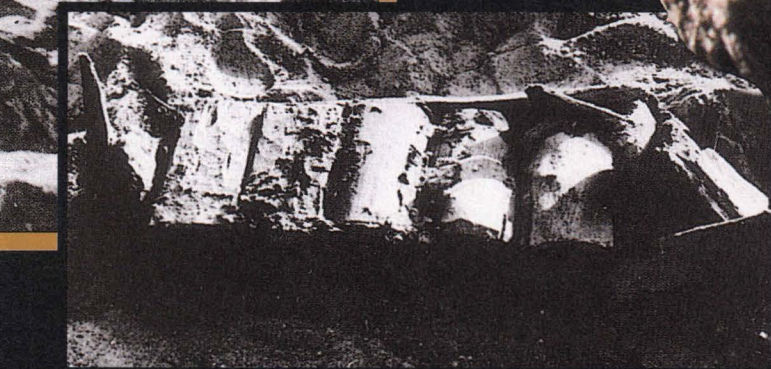
Концентрические круги деревянных столбов окружают могилу, в которой погребены шесть человек мужского пола; захоронение находится на северном берегу ныне высохшего русла реки

Кончедары. Снаружи от Священного Круга видны деревянные столбы, ряды которых образуют лучи, расходящиеся в направлениях, указывающих четыре основные части света.

Гладкие камешки пестрого сланца, найденные зажатými в ладонях у мальчика погребенного в кургане у Кончедары, вероятно, служили талисманами для путешествия в загробный мир.

Мумия ребенка четырех-пятилетнего возраста, завернутая в шерстяное одеяло, скрепленное 16 деревянными шпильками, являет картину вечного покоя, в котором пребывает тело более 4000 лет. Внизу слева фотография могилы, в которой лежала мумия. Корзиночка с зерном сопровождала ребенка в загробной жизни.

Мумия женщины, пролежавшая в земле 3800 лет, в одежде и обуви из овечьих шкур и в шерстяной шапочке, украшенной гусиными перьями, была раскопана в одной из могил Лоуляня (справа). За черты лица, характерные для кавказского типа, женщина получила имя Вечная Красота Лоуляня. Вскрытие мумии 40—45-летней женщины ростом 4 фута 9 дюймов показало, что ее легкие содержат пустынную пыль и сажу. В волосах обнаружены гниды, но причину смерти установить не удалось.

СЛЕДЫ ПРОЦВЕТАНИЯ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Как бы странно это не казалось в наши дни, но пустыни Такла-Макан и Лобнор действительно были в древности перекрестками культур, где Восток и Запад обменивались идеями и товарами. Но их прежняя кипучая жизнь была превращена природой в место, где жить человеку стало невозможно и которое он покидал, не останавливаясь ни перед чем. Среди бумаг индийского губернатора, относящихся к 1875 году, есть один документ, в котором сообщается о пастухе, утверждавшем, что он набрел в соленых болотах Лобнора, оставшихся от древнего озера, на заброшенный город. Пастух не вошел в город, опасаясь смерти, якобы грозившей ему, как и любому, кто по-

сметет это сделать. Даже Марко Поло, который в конце XIII в. н. э. проезжал вблизи уже засыпанного песками города Лоуланя, назвал окружающую пустыню местом, наводненным злыми духами.

Суеверия не остановили Свена Хедина и Орела Стейна. Они и те, кто последовал за ними, вывезли в музей мира тонны предметов старины. По этой причине в 1930-х годах китайцы запретили иностранцам заниматься исследовательскими работами и раскопками в данном районе, и до 1979 года этот запрет был в силе. В 1979 году в стране возобновились крупномасштабные археологические работы. Недавно совместная работа китайских и японских археологов принесла свои плоды: были

сделаны поразительные открытия, которые расширяют зону торговой и культурной жизни в пустыне Такла-Макан. Окрестности Кончедарьи, Нии и Черчена некогда были цветущими оазисами, через которые проходил Великий шелковый путь.

С рюкзаками на спине, в которых уложено самое необходимое, совместная экспедиция китайских и японских археологов пересекает пустыню Лобнор, пейзаж которой напоминает лунный ландшафт. В эту экспедицию была включена одна из первых групп иностранцев, которым китайское правительство разрешило проводить раскопки в этом районе.

Сырые бараньи ребра на деревянном вертеле, длина которого 19 дюймов, пролежавшие в могиле в окрестностях Черчена 2800 лет, являются свидетельством того, как в IX в. до н. э. обеспечивали пищей умерших. Этот способ приготовления мяса (на рашпере) используется и в наши дни.

Головной убор, изготовленный из четырех кусков, связанных из темной шерсти, был найден при раскопках в Черчене. Из головного убора торчит стебель травы, воткнутый в него наподобие шляпной булавки. Эта шапка, самая древняя из вязаных головных уборов в Китае, еще сохраняет эластичность оголовья.

Пожелтевшее от времени, похожее на связанный из шерсти свитер, одеяние IX в. до н. э., найденное при раскопках в Черчене, еще сохраняет свою форму. Одеяние состоит из пяти отдельных кусков материи.

Ботинок из воловьей кожи, один из многих замечательных предметов, найденный в 1986 г. при раскопках в Черчене, указывает на мастерство изготовления — красиво исполненный шов, соединяющий подметку и боковые части обуви.

Красная пряжа, оставшаяся на таком необходимом в хозяйстве предмете, как деревянное веретено, украшенное резьбой, — результат работы древнего мастера-прядильщика из Черчена.

Декоративный бордюр гобелена, датируемого временем эпохи Хань, включает в одном из фрагментов изображение кентавра — получеловека-полулошади из греческой мифологии. Гобелен, привезенный, вероятно, с Запада, привлек к себе внимание голубизной глаз на красивом лице, изображенном внизу.

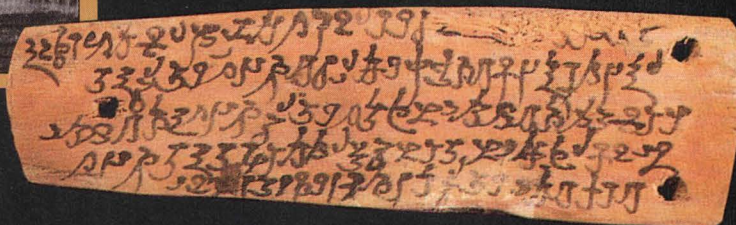

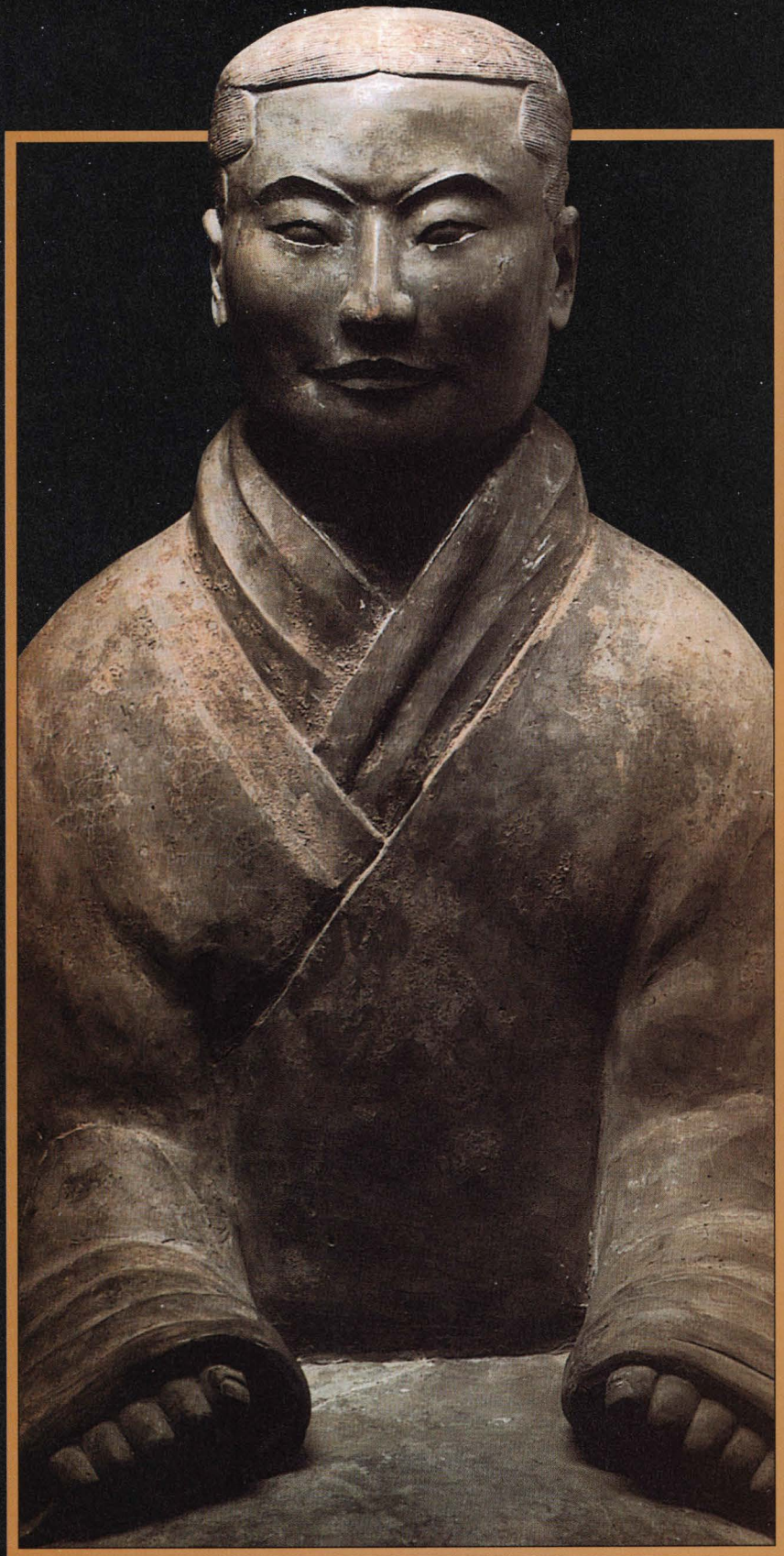
Расцветка и способ ткачества, использованные в изготовлении шерстяного потника времен эпохи Хань, указывают на сильное тюркское влияние. Изделие, которому две тысячи лет, использовавшееся в качестве седла, превосходно сохранилось.

Резные декоративные элементы и колонны деревянных домов, раскопанные в Нии Орлом Стейном, несут мотивы искусства Греции, Персии и Индии. На фотографии 1906 года видна балка с рельефом, на котором изображены мифические звери, отнесенные Стейном, согласно евроцентризму, к "индо-коринфскому" стилю.

Индийские письмена покрывают поверхность деревянной пластины, послания времен династии Хань (внизу). В целях безопасности на пластину накладывали две дощечки, служившие в качестве конверта, обвязывали веревкой и запечатывали куском глины, на котором ставилась печать отправителя (вверху). Содержание этого документа из Нии связано со сборами налогов и имеет печать Лицея, сборщика налогов.

ЦИНЬ — РАЗ В ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ПОКОЛЕНИЙ

оя колодезь примерно в миле на восток от могильного кургана высотой 150 футов, отмечающего место захоронения первого китайского императора Цинь Шихуанди, расположенного в восточном направлении от города Сианя на севере китайской провинции Шэньси, крестьянин и его десятилетний сын натолкнулись на что-то большое и твердое. Мутная вода на дне колодца сначала скрывала от их взора детали предмета. Они продолжали рытье колодца, выкапывая землю вокруг предмета, и увидели фигуру из глины, размером в рост человека в древней военной одежде. Отец с сыном, возбужденные находкой, продолжили рытье, и внезапно к их изумлению вода из ямы ушла. Увидев это, отец решил, что полуотрытая фигура — это какой-то демон и что его нужно наказать. Он отрыл фигуру полностью и оставил ее под жгучими лучами солнца. Что стало с ней дальше, неизвестно.

Через 60 лет, в марте 1974 года, крестьяне из одной общины, роая колодезь в той же местности, сделали похожую находку. Они уже углубились примерно на 13 футов, когда послышались звуки ударов их инструментов о куски терракоты, которые к их изумлению оказались обломками статуй одетых в военную форму воинов и их лошадей, изготовленных в натуральную величину.

Крестьяне тотчас же остановили работу и сообщили о своей находке местным властям, которые обратились в правительство с просьбой прислать археологов. Специалисты расширили канаву и начали капать от нее пробные шурфы. Результаты были поразительные. Место, которое раскопали крестьяне, оказалось частью обширного пря-

Датируемое третьим веком до нашей эры изображение конюшего — это одна из тысяч терракотовых фигур, зарытых у гробницы Цинь Шихуанди, первого китайского императора. Фигура была раскопана археологами в 1976 году в траншее на глубине шести футов.

моугольного рва, размерами 200 футов с севера на юг и 760 футов с востока на запад.

Предварительные раскопки говорили о том, что 10 широких стен из утрамбованной земли шли вдоль подземной камеры, крыша которой, покрытая почвой, обрушилась много лет назад в результате пожара. Стены разделяли ров на 11 коридоров. В каждом коридоре были десятки, если не сотни керамических фигур, вооруженных арбалетами и стрелами с трехгранными бронзовыми наконечниками, алебардами с лезвиями в форме буквы "Т", мечами и другим оружием. Большая часть оружия еще сохраняла блеск, остроту и прочность после столетий нахождения под землей. Глиняные лошади располагались четверками в шести коридорах. Позади упряжек археологи обнаружили остатки деревянных колесниц.

Энтузиазм исследователей возрос после того, как в мае и июне 1976 года были обнаружены еще два рва.

Раскопки показали, что первый из них, расположенный в 65 футах к северу от восточной стороны первой камеры, содержал следовавшие ряд за рядом боевые повозки запряженные лошадьми, кавалерию, отряды лучников, изготовившихся стрелять с колена, и марширующих пехотинцев. Третий, маленький ров, имевший форму перевернутой буквы "П", находился почти в четырехстах футах на запад от второго. В нем нашли только одну колесницу, 64 терракотовых воина и непонятное сочетание 30 наконечников копий в форме призм, оленьих рогов, костей животных и бронзовых колец, на которых в свое время могли висеть шторы. Четвертый ров, располагавшийся между вторым и третьим, оказался недостроенным и пустым, как будто бы его рытье было незапно прервано.

Размеры находки говорили о том, что здесь может находиться гробница Первого Императора, которая, хотя еще и не была открыта, но имела подробное описание в "Шицзи" ("Исторических записках"), работе, созданной через 100 лет после смерти Цинь Шихуанди в 210 г. до н. э. "Более 700 000 рекрутов, собранных со всех концов страны, работали здесь, — гласит текст. — В

Цинь Шихуанди (внизу воображаемый портрет; гравюра на дереве, сделана в 1609 г. н. э.) взошел на трон государства Цинь в 246 г. до н. э. в возрасте 13 лет. Армии его отца к тому времени уже оккупировали соседние государства Шу и Ба и аннексировали территорию, принадлежавшую династии Чжоу, показав тем самым пример, следуя которому молодой правитель наложит руку на все так называемые Враждующие Царства в своем стремлении поставить их под контроль одного правителя.

гробнице установили множество моделей дворцов, палат и других зданий, положили прекрасные сосуды, драгоценные камни и диковинные предметы. Ремесленникам приказали установить арбалеты так, чтобы всякий вор, который войдет в гробницу, был поражен стрелой. Все реки страны, включая Хуанхэ и Янцзы, были созданы из ртути, которая под действием механических приспособлений текла в миниатюрный океан. Вверху сияли небесные созвездия, а внизу лежали страны мира”.

Хотя в то время было обычным делом хоронить вместе с царем изображения его слуг и придворных для того, чтобы они могли продолжать выполнять его приказы в загробном мире, в “Шицзи” не упоминается о глиняных воинах и лошадях. И все-таки ученые нашли в тексте ключевую фразу. Когда император узнал, что строительство его гробницы почти закончено, говорится в тексте, он приказал установить границы территории, окружающей место погребения, в 3000 футах от мавзолея. Поэтому раскопанные недавно рвы были частями императорского некрополя, и терракотовое войско, находившееся в них, вероятно, представляло гвардию его хваленого воинства, охранявшую своего императора. Наконец-то перед живыми предстало материальное доказательство, которое, в отличие от древних текстов, можно считать подтверждающим фактическое положение вещей. Дело в том, что большинство текстов было написано или врагами Цинь Шихуанди, или спустя много лет по истечении событий, поэтому они могут содержать приукрашенные факты, искажения и ложь. Теперь перед глазами ученых есть точное воспроизведение той армии, которая сделала Первого Императора самым известным и самым проклинаемым из всех правителей Китая. Перед их взором ряд за рядом тянутся лучники, всадники, пешие воины и колесницы — то, что окончательно покорило множество независимых государств за период с 230 по 221 год до н. э., начав поразительно быстро, но продолжая долго и терпеливо преобразование китайского общества. Своим числом молчаливые фигуры говорили об огромных богатстве и власти Первого Императора. А тем временем сам император, его советник и его наследники, обессилив себя интригами, навязчивыми идеями, алчностью и предательством — тем, что породило эту триумфальную эпоху, быстро положили ей конец, дав просуществовать только 15 лет. За две тысячи лет лишь несколько царств, контролировавших весь Китай или его часть, имели более короткую, более бурную жизнь и наложили больший отпечаток на последующей жизни Китая.

Писавший в 266 г. до н. э., за семь лет до рождения Цинь Шихуанди, дворянин из государства Вэй, ближайшего врага Цинь на востоке, так выражал свое недовольство по отношению к Цинь: “Государство Цинь имеет сердце тигра или волка. Оно алчно, упрямо, всегда ищет выгоду и никогда не бывает искренно. Ему не знакомы

правила приличия, оно не ищет справедливых отношений и добродетели, и если подворачивается случай приобрести материально, оно пренебрегает родственными связями, как это делают животные”. Как бы ни было справедливо утверждение дворянина из Вэй, Цинь все-таки было не таким государством. С того времени как Сяньян стал столицей государства, а это было почти за сто лет до написания вышеуказанных строк, часть земель находилась под управлением не наследственных землевладельцев, как было принято по традиции, а 31 магистрата, которые назначались и контролировались центральной властью. Новые

кодифицированные законы, которые вывешивались на специальных столбах, установленных в Сяньяне, сменили обычное право, часто не имевшее письменного изложения, и суровое наказание — порка, принудительные работы, мучительные пытки, отрубание конечностей, кастрирование и обезглавливание — применялось ко всем преступникам, невзирая на родовые привилегии или социальный статус. “Наказание, — гласит древний текст, — должно быть для всех одинаковым”.

Такое объективное, беспристрастное понимание управления, названное легизмом, происходило из теории, выдвинутой Шан Яном, прежним чиновником Вэй, который, поселившись в Цинь, в 359 г. до н. э. стал там канцлером. Будучи доверенным советником Великого князя Сяо, бывшего тогда правителем Цинь, Шан Ян провел радикальные реформы, которые проложили путь перехода страны от аванпоста центральных государств на западе до центральной оси империи. Одним из самых важных шагов на этом пути было упразднение прежней системы землевладения, меры, подорвавшей власть феодалов и привлечшей богатых крестьян из других царств в Цинь, так как впервые стала возможной законная покупка и продажа обрабатываемой земли.

Постепенно старая родовая знать пришла в упадок, а люди более низкого происхождения выдвинулись на передний план. Самым известным из них был честолюбивый чиновник по имени Ли Сы. Работая правительственным клерком в своем родном государстве Чу, на юге Китая, он наблюдал, как крысы, обитавшие в отхожем месте рядом с его жилищем, в страхе разбегались при чьем-нибудь приближении, а крысы, которые наводняли амбары, были дерзкие и не

Проход, прорытый в недавнее время крестьянами, разделяет стену из утрамбованной земли, которую приказал построить Первый Император для отражения вторжений с севера и обозначения границы своей объединенной империи. Древние тексты утверждают, что этот вал протянулся на 2600 миль — от Линьтао, города на западе от Сяньяна, столицы государства, до Ляодунского полуострова, омываемого с юга водами Желтого моря, — но в настоящее время ученые считают это преувеличением.

Железные ошейники, подобные этому, раскопанному в 1973 году вблизи могильного комплекса Первого Императора, надевались на осужденных, которых использовали на строительстве погребального комплекса Цинь Шихуанди, Великой стены и других сооружений. Предназначенный болелью напоминать о совершенном преступлении, этот ошейник весит около фунта и имеет внутренний диаметр менее четырех дюймов.

боялись ни людей, ни собак. Из этих наблюдений он сделал вывод: “Способности человека подобны поведению этих крыс. Они зависят главным образом от того, где он находится”.

Этот вывод стал жизненным кредо Ли Сы, вошедшего в доверие к Сюнь Цину, считавшемуся одним из самых величайших ученых своего времени. У Ли Сы была цель — узнать, как действует механизм управления, и выбрать для себя царство, в котором он мог бы благоденствовать, как те крысы, которые “пировали” в амбарах. Для этого ему нужен был Сюнь Цин. Лучшим выбором могло быть, согласно мнению мудреца, государство Цинь. “Его границы, — сказал Сюнь Цин, — защищены крутыми холмами, его географические условия — благоприятны, его горы, леса, реки и долины — прекрасны, и оно изобилует природными богатствами”. А в дополнение народ Цинь “испытывает глубокий страх перед чиновниками”, которых ученый считал “учтивыми, воздержанными, честными, глубокомысленными, преданными и выдержанными”.

Несомненно, что Ли Сы также знал о том, что столетия беспощадной войны, которую вело Цинь с кочевниками, жившими на севере и западе, дали положительный эффект в развитии армии и совершенствовании тактики ведения боя. Так как местность, в которой приходилось сражаться с конными отрядами кочевников, часто оказывалась слишком неровной и холмистой для использования колесниц, в Цинь научились использовать всадников. В добавок кочевники не соблюдали правила рыцарской чести, без которых не обходились аристократы, традиционно возглавлявшие феодальные армии Китая, так что в Цинь войсками руководили воеводы, которых назначали не по наследству или благодаря их знатному происхождению, а принимая во внимание их военные способности — число вражеских голов, срубленных в бою. “Таким образом, не случайность, а расчет приносит победу Цинь на протяжении последних четырех поколений, — делает вывод Сюнь Цин. — Апогей идеального правления — это покой и порядок, умение владеть ситуацией в целом и входить во все детали, достигать целей и избегать волнений. Цинь — таково”.

Ли Сы решил отправиться в Цинь. Он понимал, что правитель Цинь “желает поглотить весь мир и править под титулом императора. Пора приниматься за дело простым людям. Настал золотой век для странствующих политиков”. Ли Сы приехал в Цинь в 247 г. до н. э., сразу же после смерти царя Чжуансяна, и смог приблизиться к Люй Бувэйю, влиятельному главному советнику тринадцатилетнего принца Чжэна, унаследовавшего трон своего отца. Ли Сы в своей первой речи смог убедить монарха последовать мечтам его отца создать империю. “Могущество Цинь и талант его великого

правителя, — сказал он, — завоюют другие царства, подобно тому, как смахивают пыль с крышки кухонной печи. Цинь обладает достаточной силой, чтобы уничтожить власть самостоятельных феодалов, установить закон наследования императорского трона и сделать мир единой империей. Такое выпадает раз в 10 тысяч поколений”.

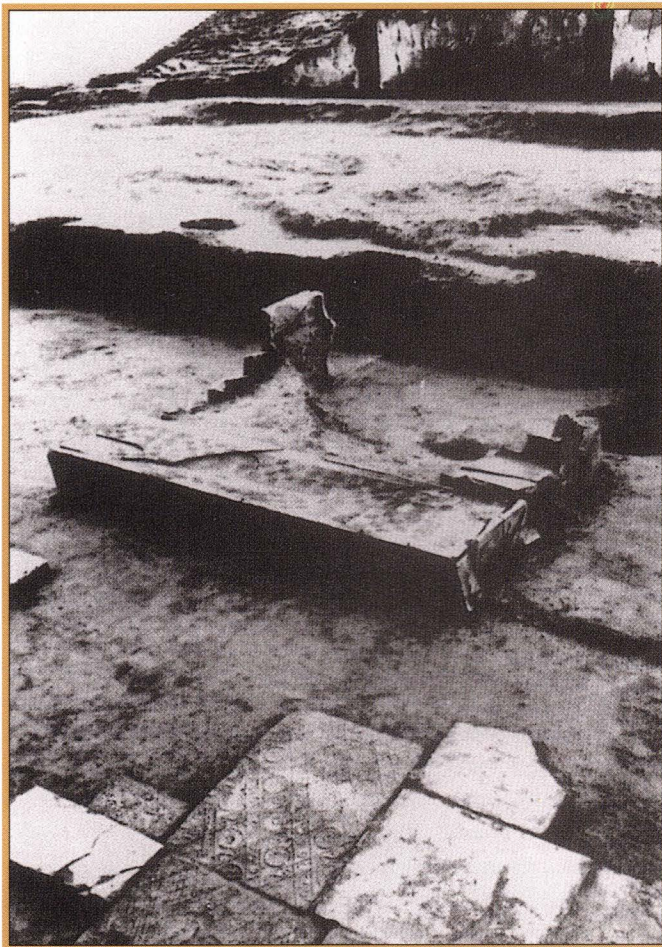
Ли Сы заслужил расположение молодого царя, который стал все более благожелателен к нему в последующие годы, но до 238 г. до н. э. был в тени Люй Бувэя. В тот год Чжэн достиг возраста совершеннолетия, и тогда же разразился скандал, в который был вовлечен канцлер. Стало известно об интимной связи вдовствующей царицы — матери и мятежного князя по имени Лао Ай. Люй Бувэй был вынужден отправиться в ссылку и позже покончил жизнь самоубийством, выпив яд.

Ли Сы, назначенный министром юстиции, продолжал развивать идею объединения, и царь Чжэн оказался талантливым учеником. Он усвоил смелые идеи Ли Сы и за последующие 17 лет осуществил их. “Как шелковичный червь пожирает лист тутового дерева”, говорится в “Исторических записках”, силы молодого царя покорили шесть других крупных царств. Первым пало Хань, в 230 г. до н. э., затем в 228 г. — Чжао, в 225 г. — Вэй, в 223 г. — Чу. Государство Янь на северо-востоке было захвачено следующим, в 222 г. Затем в 221 г. до н. э. армии Цинь покорили Ци, последнее из оставшихся царств. Историки считают, что многие сотни тысяч погибли или стали пленными в ходе завоевания, которое раздвинуло границы владений царя Чжэна от западных плоскогорий до восточных морей, между которыми протекает около 1200 миль, и сделало его первым правителем объединенного Китая.

“Такой незначительный человек, как я, — заявлял с ложной скромностью Чжэн, — поднял войска для того, чтобы наказать мятежных князей, и с помощью священной силы наших предков наказал их, как они того заслужили, и водворил наконец в империи мир”. Такое завоевание, как он считал, не имело аналогов в истории и давало ему заслуженное право на новое имя. А как иначе, говорил царь, можно сохранить свои достижения для потомков.

Основываясь на предложениях своих советников, Чжэн выбрал себе титул хуан, означающий “августейший повелитель”, чтобы показать свое превосходство над обычным ваном — царем. К титулу он добавил слово ши, означающее “первый”, и слово ди, которое через тысячелетие стало означать “император”, а первоначально означало “божественный правитель” или “верховное божество”. Чжэн высоко поднял свой престиж, оформив титул, так как тот был созвучен имени одного из величайших персонажей древних китайских мифов и национальной истории — Хуанди, Желтому Императору. Согласно легенде, задолго до Чжоу, Шан и Ся, известных китайских династий, правил Хуанди в век великих достижений, когда были созданы идеальные органы управ-

Дворец сверху, восстановленный по архитектурному чертежу, находился на крутом, высоком берегу реки Вэйхэ в Сяньяне. Он был одним из множества дворцов Первого Императора. Но судя по многочисленным следам ремонта и перестроек, дворец был построен одним из царей Цинь, правивших в период Чжаньго, то есть существовал до правления Первого Императора.

Глиняная плита с изображением решетки с кругами и двойными спиралями лежит у основания ступени, которая некогда вела из мощной аллеи в комнаты на первом этаже дворца, изображенного наверху предыдущей страницы. На заднем плане видны стены, на некоторых археологи обнаружили фрагменты настенных росписей, относящиеся к одним из самых древних в Китае.

ления, изобретена письменность и начали чеканить первые монеты. Затем, устроив порядок на земле, он, как гласит легенда, был вознесен на небеса, как “сянь”, бессмертный.

Царь Чжэн, приняв имя Цинь Шихуанди полагал, что его и его потомков ждет великая слава Хуанди. “Мы — Первый Император, — величественно объявил он, — и наши наследники будут известны как Второй Император, Третий Император и так далее, в бесконечной череде поколений”. Подобно Хуанди, он и его последователи создадут новый китайский мир, и нет ничего удивительного, в том что он будет во многом таким, каким было государство Цинь.

Завершив объединение, Цинь Шихуанди сразу же принялся за уничтожение наследственного феодального владения и самих феодалов, бывших его соперниками. Пользуясь советами Ли Сы, который из министра юстиции поднялся до главного советника, Первый Император в 221 г. до н. э. разделил свою империю на 36 областей, в каждой из которых был назначен гражданский губернатор, военный комендант и имперский инспектор, которые должны были контролировать друг друга. Эта политика, известная как “усиление ствола и ослабление ветвей”, значительно усилила власть центра и обессилила местную аристократию, лишив ее наследственной власти.

Как говорится в “Исторических записках”, “сильные и богатые люди империи, которые составляли почти 120 тысяч семей”, должны были покинуть свои родовые владения и переехать в Сяньян, столицу империи, где за ними было установлено тщательное наблюдение и специально для них сооружались дворцы. После покорения каждого царства, Цинь Шихуанди, как сообщается в древнем тексте, давал приказание построить точную копию дворца побежденного правителя на крутых берегах, возвышавшихся над рекой Вэйхэ в Сяньяне, сообщение, которое находит подтверждение у современных археологов. Исследования, проводившиеся возле города, показали, что под землей находилось 27 фундаментов, представляющих собой плотно утрамбованные широкие площадки земли, на любом из которых мог находиться подобный дворец. Были обнаружены глиняные плиты, служившие полом, на них были видны символы царств, покоренных Цинь. Символы двух царств: Чу и родины Ли Сы, Вэй, можно было установить.

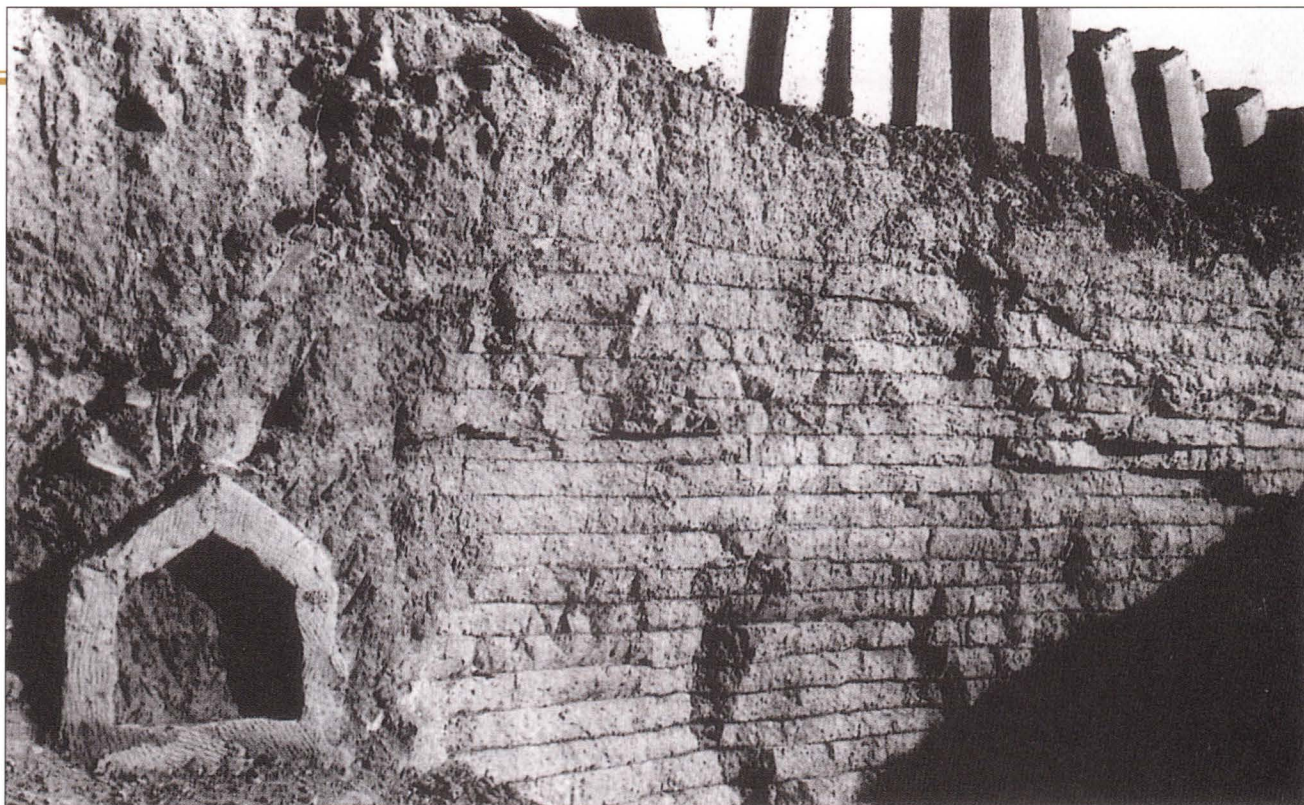
В том же году император приказал разрушить все стены, служившие защитой городам и разделявшие, как границы, прежние царства, а также приказал конфисковать все оружие, имеющееся у населения. Легенда гласит, что оружие было перевезено в Сяньян, расплавлено и затем из него было отлито 12 огромных человеческих статуй, каждая из которых весила более 32 тонн. Статуи, колоссальных размеров и очень символические, предположительно стояли у одного из императорских дворцов, но археологи еще не нашли подтверждения их существования.

Зато есть много подтверждений тому, что тогда же, в 221 г. до н. э. Цинь Шихуэнди были начаты широкие социальные реформы, нацеленные на устранение четко обозначенных региональных различий, разобщавших население его империи. Если Китай — это единая страна, управляемая единой системой законов и обычаев, тогда к нему можно применить универсальный, приведенный в порядок закон государства Цинь. Последовательно осуществляя такое решение, император вводит единую денежную единицу — маленький бронзовый диск с квадратным отверстием в середине — для всего Китая (стр. 92—93).

В дополнение Цинь Шихуэнди утверждает письменность, применяемую в Цинь, как официальную систему письма, упраздняя региональные варианты и уменьшая число иероглифов, используемых на территории Китая, на 25% (стр. 63—65). Некоторые историки считают эту его реформу, которую продолжали последующие династии, самой главной из всех, так как она предотвратила развитие вариантов письменности в самостоятельные иные формы письма, что в такой огромной стране, как Китай, обрекло бы на неудачу любую попытку надолго сохранить единство страны.

На основании раскопок, проводимых столетиями, ученые относят на счет Цинь Шихуэнди также и стандартизацию системы мер и весов в империи. Найденные в ходе раскопок бронзовые и терракотовые мерные кубки, использовавшиеся для отвешивания зерна и жидкостей, а также бронзовые и железные гири для весов в большинстве своем были покрыты словами одного императорского эдикта. “На 26-й год” своего правления, гласит надпись, “император полностью объединил князей империи, простому народу стало легче, и он получил титул хуэнди или, другими словами, — независимый государь. И он дал указ своим министрам упорядочить меры. Если они различны и неточны, сделайте их точными и однородными”.

Большинство гирь весов — это металлические предметы в форме колоколов с кольцом наверху и с надписью иероглифами, представляющей вышеупомянутый декрет. Гири небольшого размера имеют специальные выступы для написания текста, а самые легкие гири имеют размер достаточный, чтобы уместить надпись, но внутри полые. Введение в употребление таких гирь, несомненно, послужило делу по-

пуляризации закона императора в среде народа, как и проведение многих других реформ Первого Императора, но вот в каком масштабе — оставалось неясным до декабря 1975 года, когда рабочие, прокладывавшие дренажную канаву вблизи города Юньмэн в центре провинции Хубэй, помогли сделать поразительное открытие.

Они случайно натолкнулись на группу могил, одна из которых принадлежала, по утверждению археологов, человеку, умершему в 217 г. до н. э., через 4 года после объединения Китая. В гробу вокруг всего его тела было уложено 1155 бамбуковых пластин длиной по 9 дюймов. Следы на верху, в середине и в низу пластин указывали на то, что три веревки, давно разложившиеся, когда-то связывали пластины так, что они представляли собой страницы книги. На каждой пластине было 40 иероглифов, написанных колонкой черными, изготовленными из сосновой золы чернилами, по-видимому, кисточкой из кроличьего меха.

На основе текста можно предполагать, что в могиле был погребен чиновник, всю жизнь прослуживший в Цинь, по имени Си, который в 244 году до н. э. получил должность правительственного писаря, через 3 года

Находящийся между пластами утрамбованной земли в западном конце погребального комплекса Первого Императора, дренажный трубопровод, видимый на снимке сверху, по-видимому, служил для стока воды из здания, в котором готовили церемониальные кушанья. Трубопровод состоял из двух керамических секций, каждая длиной два фута, подобных изображенной внизу, которые были состыкованы и уложены на глубине трех футов под землей.

поднялся до ранга префектурного клерка и наконец, в 235 г. до н. э., занял пост чиновника второго ранга в одной из областей империи и сохранял его до самой смерти. Отвечая за содержание и функционирование правительственных амбаров, контролируя распределение зерна, Си занимался также расследованием уголовных дел и следил за формированием и кормлением рабочих команд. Более половины бамбуковых пластин, которые отправились с ним в другой мир, по мнению ученых, — законодательные и административные документы, к которым он обращался при исполнении своих земных обязанностей.

Являясь лишь частью более объемного свода законов, тексты на бамбуковых пластинах дают возможность пристально взглянуть в ту жизнь, которую вели люди, подобные Си, исполняя должность чиновника в первой китайской империи. Правящие легисты стремились к созданию в государстве Цинь строгого административного порядка, теперь они требовали установления такого порядка во всем Китае. Императорские указы и документы с отметкой “срочно” должны были доставляться без задержки в законодательном порядке, и на каждом документе отмечался месяц, день и время отправления и получения, “для того чтобы ускорить ответ”.

В части инструкций, найденных в могиле Си, обнаруживается огромный интерес правительства к сельскому хозяйству. Правила предписывают местным властям регулярно докладывать о размере урожая, здоровье скота и падеже лошадей и подробно указывают на строгие наказания за нерадивое отношение к природным богатствам. “Когда амбар течет, — уточняет один указ, — и зерно портится или когда кто-нибудь допустит порчу зерна, собранного в кучу, то в случае потерь зерна в количестве менее 100 бушелей ответственный чиновник получает выговор”. Если количество испорченного зерна превышало 100 бушелей, то налагался штраф, который платили не только деньгами, но и комплектом доспехов.

Как говорят документы из других источников, тех, кто нарушал закон веса и меры, ожидало еще более строгое наказание. Многих отправляли работать на строительство дворцов, которые император приказал воздвигнуть в пределах и вокруг Сяньяна, или гнуть спину под тяжестью работ на сооружении еще более грандиозных объектов, таких, как новая система дорог империи, которая должна была облегчить связь с отдаленными местностями. Начиная с 220 г. до н. э. тысячи осужденных и отбывающих барщину работали на строительстве дорог, веером расходившихся от Сяньяна на запад, север, северо-восток, восток и юго-восток. В результате было построено почти 5 тысяч миль грунтовых дорог шириной 38 футов.

Остатки главной дороги, протяженностью 500 миль, идущей в северном направлении, которую называли “Прямая дорога”, еще можно видеть в наши дни. Согласно “Историческим запискам”, дорога

ДЕНЬГИ СТРАННОЙ ФОРМЫ

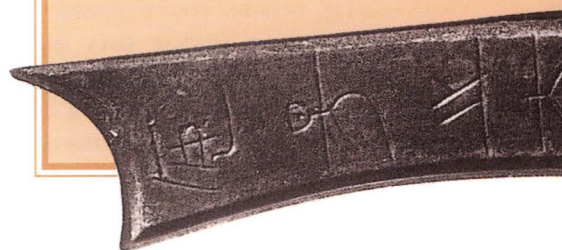
Китайцы задолго до того, как начали чеканить монеты, в качестве денег для оплаты труда и товаров использовали зерно, материю, раковины каури и другие ценные предметы. Было в порядке вещей, когда за работу расплачивались зерном.

Но к IV веку до н. э. торговля достигла таких размеров, что во всех крупных государствах начали чеканить свои монеты, которые часто имели посередине отверстие для того, чтоб продев через него веревку, их можно было носить на поясе. Найденный в 1960-х годах

клад монет, хранившихся в кувшине, говорит о том, что они имели широкое хождение: в кувшине были монеты почти всех государств Китая того времени.

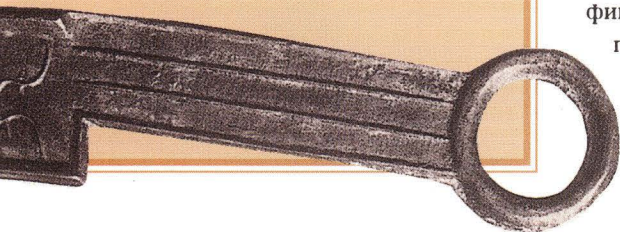
Древние монеты, изготавливавшиеся по всему Китаю из бронзы, могли иметь самые необычные формы, часто копировавшие предметы повседневной жизни. Изображенная вверху монета государства Чжао, “уань”, изготовлена в форме лопаты. Монета государства Чу (справа вверху) также напоминает лопату, а бронзовый “дао” длиной

7 дюймов (внизу), обращавшийся в трех соседних государствах, имеет форму ножа с надписью “утвержден законом в Аньяне”. Была даже монета, называвшаяся “нос муравья” и изготовленная в форме раковины каури.

После того как Первый Император объединил государства, враждовавшие друг с другом в течение многих лет, он обязал своих подданных пользоваться единой валютой, что создало лучшие условия для развития национальной экономики и способствовало расширению торговли. Форма денег — круглый баньлян, изображенный сверху, — оказалась настолько практичной, что стала стандартной для китайских монет и сохраняется до сих пор.

полита потом не менее 300 тысяч осужденных, трудившихся на ее строительстве. Работая до изнеможения под строгим надзором воеводы Мэн Тяня, командовавшего войсками Цинь во время покорения в 221 г. царства Ци, они имели право выпустить из рук строительные орудия только в двух случаях: для того чтобы взять в руки оружие и защищаться от хунну или других так называемых варваров или переходя на строительство будущей Великой Китайской стены (стр. 86), третьего деяния воеводы Мэн Тяня. Соединив стены, построенные в годы существования государствами Вэй, Чжао, Янь и другими, получили сплошную полосу защитных стен, протянувшихся вдоль почти всей северной границы Китая.

Древние тексты утверждают, что еще только одна масса рабочей силы времен династии Цинь могла сравниться по числу с “армией” Мэн Тяня — это 700 тысяч осужденных и других рабочих, строивших колоссальный мавзолей Цинь Шихуанди. Эта рабочая армия начала возводить мавзолей в 246 г. до н. э., когда юный Чжэн только унаследовал трон правителя Цинь, и так и не закончила его строительство через 36 лет, когда император умер. Археологи могут только рассуждать о том, что было бы построено, если бы у строителей было впереди еще время, но ни у кого нет сомнений, что они все-таки создали одно из самых величайших чудес света — терракотовую армию.

Начиная с 1974 года, времени, когда было открыто захоронение, археологи постоянно ведут раскопки, документируют находки и упорно стараются сохранить фигуры. Работа еще далека от завершения, а в некотором смысле — еще едва начата. Однако ученые уже уяснили основу системы устройства войска Цинь Шихуанди, его вооружение и тактику.

Погребение № 1, прямоугольный ров, который археологи начали разрабатывать первым, изучено лучше других. В нем находится главная военная сила подземной армии, общим числом по меньшей мере 6 тысяч фигур из глины, более 200 из которых составляют передовой отряд. Одетые в обычные боевые халаты, легкие ботинки и гетры, без доспехов, эти воины стоят плечом к плечу в три ряда у восточного конца раскопа.

Моделируя расположение рук стрелков и пользуясь обилием бронзовых спусковых механизмов арбалетов и наконечников стрел, раскопанных тут же, ученые определили, что первоначально у каждой фигуры был в руках арбалет — деревянный лук длиной четыре с половиной фута, обернутый полосками кожи и покрытый лаком, затем прикрепленный на деревянное ложе с прорезью. Оружие поражало цель на расстоянии более полумили, как сообщают источники, и приводилось в действие силой натяжения пружины равной 800 фунтам, что было вполне достаточным, чтобы про-

бить любую броню. Некоторые историки утверждают, что подобное оружие впервые появилось на Западе, после того как в 36 г. до н. э. в битве при Согдиане в Средней Азии щиты римских воинов оказались насквозь пробитыми стрелами из таких арбалетов. В бою стрелки, по-видимому, держали дистанцию, подобно тому как используют современную дальнюю артиллерию, и осыпали врагов Первого Императора градом смертоносных стрел.

Сразу за этим передовым отрядом в западном направлении шли 11 коридоров, в шести из которых располагались деревянные конные колесницы и группы пеших воинов перед ними. Вблизи двух из этих колесниц были найдены два бронзовых колокола весом по семь фунтов каждый и остатки барабанов, что привело археологов к открытию назначения этих повозок — повозки были как боевыми колесницами, так и передвижными командными постами — утверждение, поддержанное историческими источниками. В них говорится, например, что один удар в барабан означал для войск начало марша, второй — начало атаки. Удар в колокол означал, что воины должны прекратить сражение, повторный звук колокола означал начало отступления.

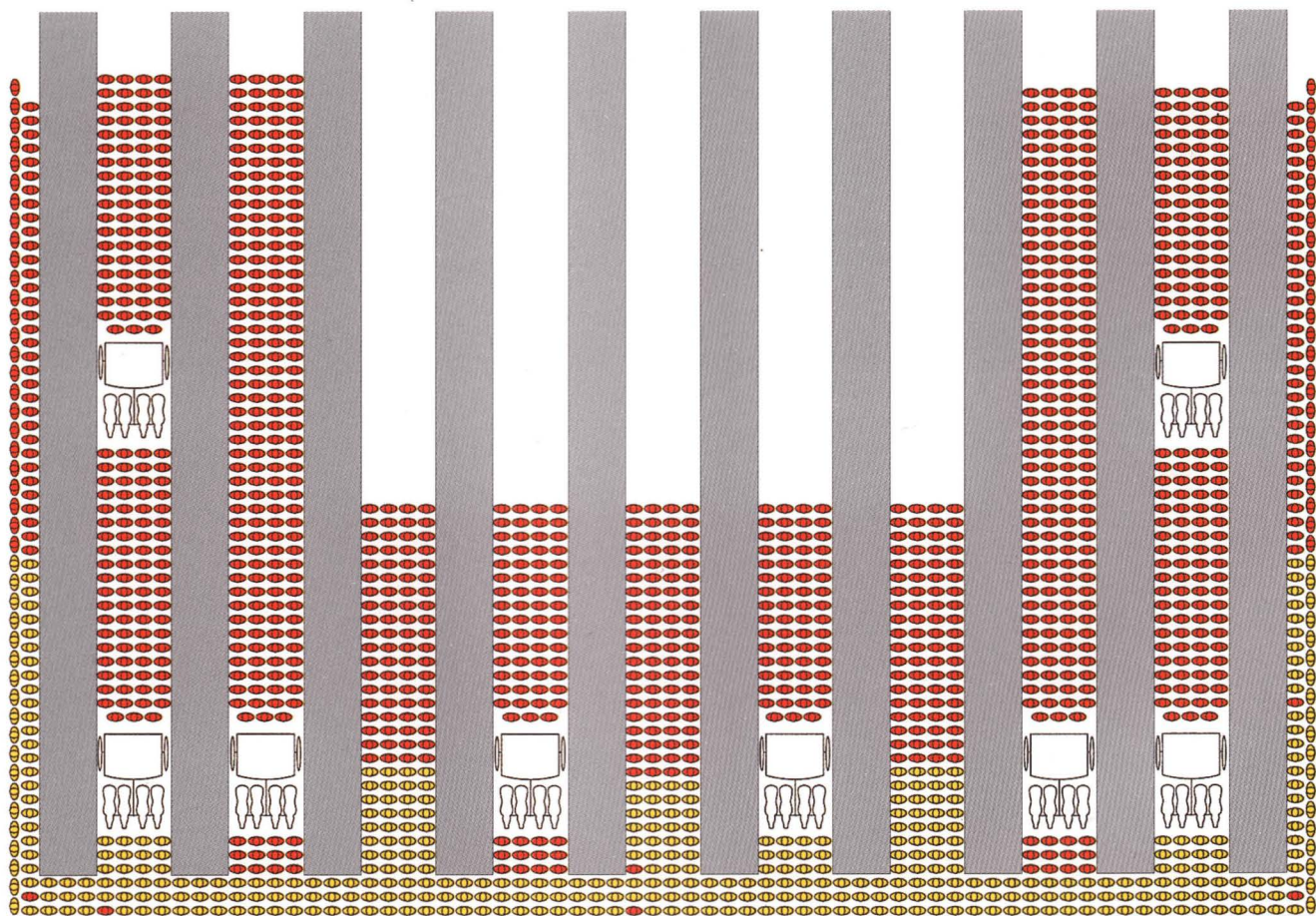
Легковооруженные воины с мечами, копьями и топорами составляют основную массу терракотовой армии. Эти пешие воины в легких панцирях своим числом производят сильное впечатление. Они выстроены рядами по четыре позади колесниц, а в трех коридорах — позади отрядов копьеносцев без доспехов. И хотя в наше время фигуры выглядят скучными, желтовато-серыми, местами на них еще имеются следы краски, указывающие на то, что их одеяния когда-то сверкали всеми цветами (стр. 113): коричневые доспехи имели красные завязки, халаты и гетры были зелеными или пурпурными, а коричневые и белые головные уборы перевязывались красными или фиолетовыми ремешками.

Под постоянным покрытием, представляющим подобие огромного ангара, защищающего погребение № 1 от воздействия природной стихии, посетители могут с возвышения осматривать терракотовую армию, в то время как археологи работают внизу, в коридорах, где стоят фигуры. Перила на переднем плане являются частью наблюдательной платформы, устроенной для туристов. Снимок сделан в 1979 году.

К 1992 году ученые раскопали третью часть погребения № 1 и обнаружили артефакты, показанные на схеме внизу: остатки восьми двухколесных повозок и 32 лошадей, множество воинов в панцирях (красным цветом) и без панцирей (желтым цветом). За исключением расположенных в крайних коридорах, все фигуры обращены лицом на восток — в сторону побежденных врагов Первого Императора.

Два длинных ряда готовых к бою стрелков были раскопаны по краям погребения № 1, на северной и южной стороне. Пробные раскопки на западной стороне предполагают три ряда арбалетчиков, стоящих так же, как передовой отряд на восточной. По флангам арбалетчики стоят лицом наружу, что защищает внутреннюю массу пеших воинов и колесничих от внезапного нападения с любого направления. Но, как утверждают военные историки, это было не единственным преимуществом строя. Войско Цинь могло развернуться для сражения с фронта, а также быстро и легко перестроиться для охвата вражеской армии или внедрения в ее центр, приобретая форму клина.

Предварительные раскопки показали, что погребение № 2, ров на северо-востоке от погребения № 1, тоже содержит значительное скопление фигур императорского войска. Предполагается, что примерно 80 стрелков, стоящих на правом колене и обративших пристальный взгляд на восток, составляют каре в северо-восточном

ФИГУРЫ ЛЮДЕЙ И ЛОШАДЕЙ В НАТУРАЛЬНУЮ ВЕЛИЧИНУ, СОБРАННЫЕ НА КОНВЕЙЕРЕ

Многие из осколков глиняных фигур терракотовой армии Первого Императора, найденных археологами в погребениях № 1, 2 и 3, дали объяснение того, как 22 века назад создавалось это необычное войско. Так, обломки голов лошадей и воинов представляют в большинстве своем половинки. Головы лошадей раскололись по шву, проходившему между глазами и ноздрями, а воинов — по линии, которая начиналась на обеих сторонах шеи, шла вверх за ушами и проходила по темени. Отпечатки пальцев с внутренней стороны половинок привели археологов к заключению, что их изготавливали, вдавливая глину в заранее приготовленные формы.

Обломки тел тоже дали много объяснений. Отпечатки следов соломы на внутренней поверхности лошадиных фигур дают возможность предположить, что животных изготавливали на покры-

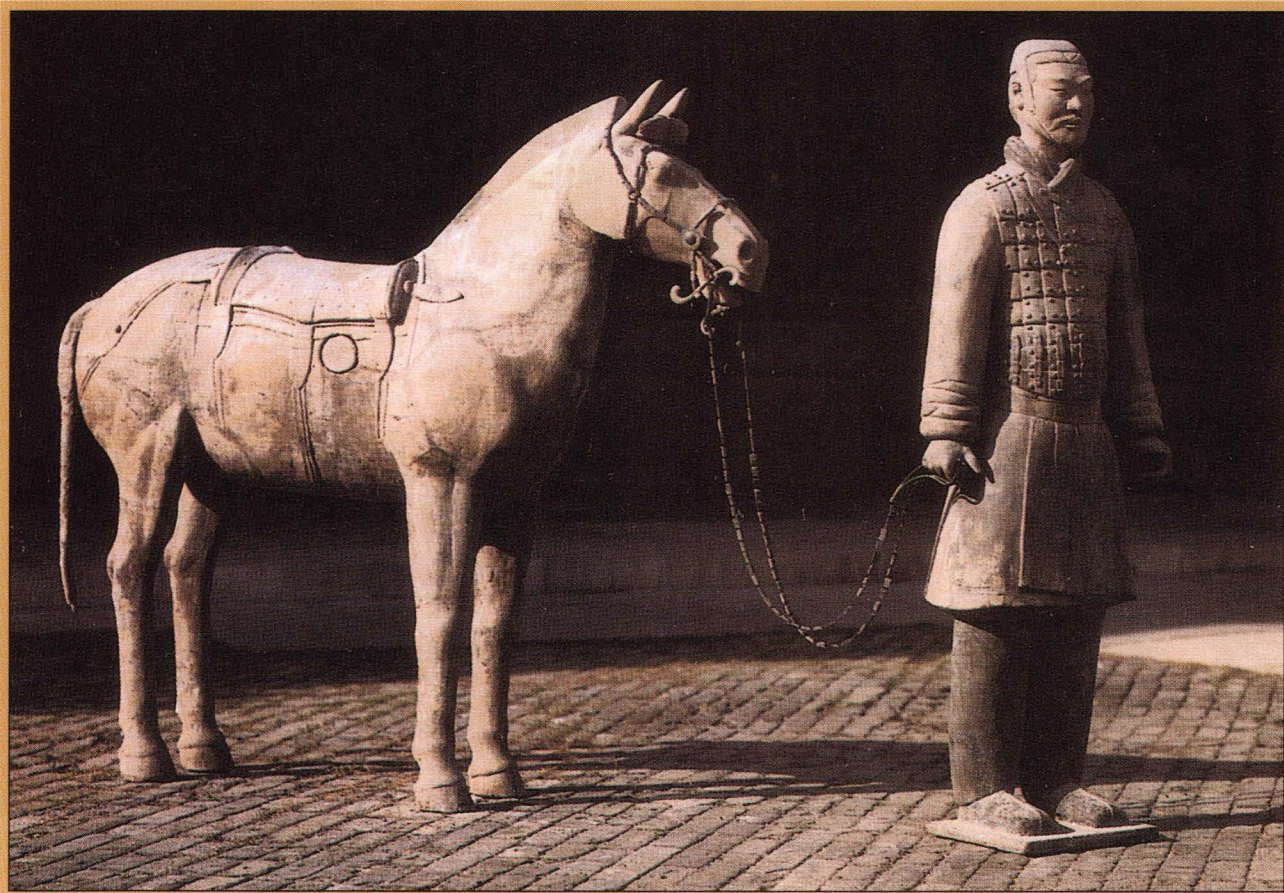
тых соломой формах. Следы веревки на бедрах некоторых фигур воинов говорят о том, что веревка, обмотанная вокруг бедер, помогала фигуре сохранять ее форму, снижая давление на ноги во время отвердевания глины при сушке. Затем следы веревки скрывали боевыми халатами.

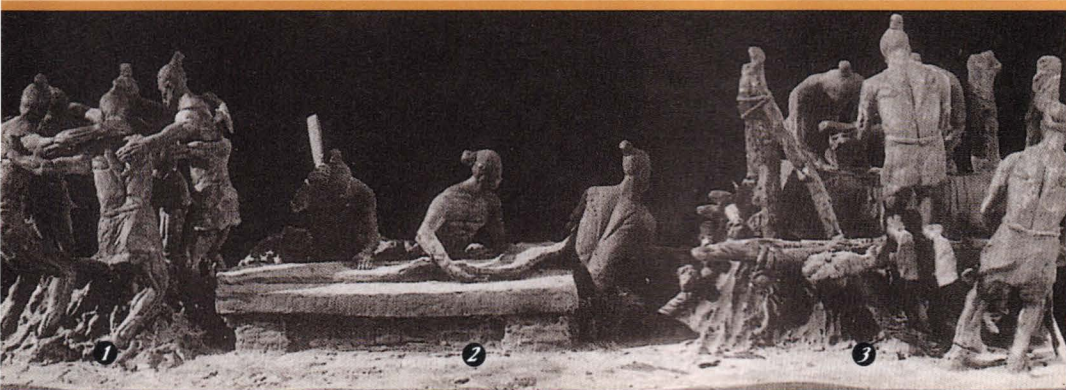
В разных местах глиняных фигур было обнаружено 479 едва заметных отштампованных или нацарапанных надписей. 230 из них — это надписи, которые, вероятно, помогали служащим императора вести учет производства фигур. Остальные указывают имена 85 мастеров-ремесленников, которые, как полагают исследователи, руководили бригадами по 10—12 рабочих.

Согласно древним текстам, большинство этих рабочих не были профессиональными гончарами. Это были осужденные за преступления и отраба-

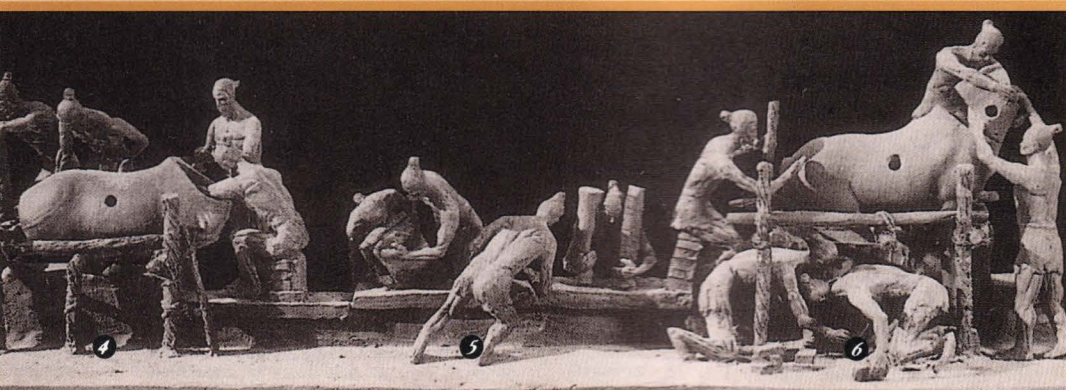
тывающие повинность работники. Чтобы компенсировать отсутствие профессиональных навыков и уложиться в жесткие производственные сроки, в большинстве мастерских производственный процесс был разбит на серию операций, подобных тем, которые изображены на фотографиях справа, сделанных в музее, созданном на месте раскопок. Только небольшое число операций, как полагают археологи, требовало технических знаний и руки мастера.

Всадник держит в поводу оседланную лошадь. Когда эти фигуры расчистили в раскопе № 2, у лошади во рту еще держалась бронзовая уздечка.

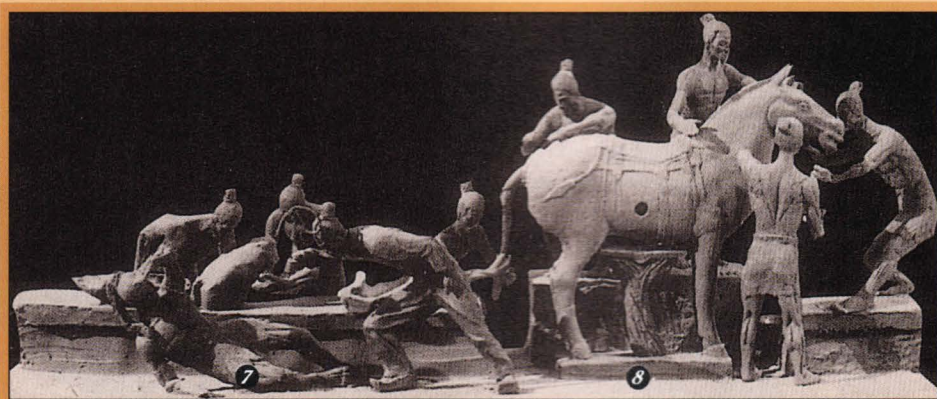

Положив руки друг другу на плечи, пятеро рабочих начинают производственный процесс. Они перемешивают свежую глину ногами, размягчая ее и удаляя пузырьки воздуха (1). Другие рабочие превращают куски глины в длинные листы (2), которые следующие рабочие кладут на шероховатую раму, покрытую соломой, и начинают придавать им форму лошадиного брюха и задней части туловища (3). Деревянные леса поддерживают увеличивающийся вес скульптуры, сделанной в натуральную величину.

Ремесленники удаляют солому изнутри статуи и разглаживают ее наружную поверхность, оставляя при этом круглое отверстие на боку лошади (4), вероятно для того, чтобы способствовать лучшей циркуляции горячих газов во время последующего обжига. Другая группа рабочих изготавливает в формах полую шею и целые ноги (5) и прикрепляет их к торсу, используя тонкий слой влажной глины (6).

Двое рабочих прикрепляют к голове нижнюю челюсть. Голова состоит из двух секций, изготовленных в формах (7); затем прикрепляют уши, сделанные из тонких полосок раскатанной глины. После оттискивания по шаблону на спине лошади седло, прикрепляют челку. Заканчивают свою работу гончары установкой на место головы и заплетенного хвоста (8).

углу рва; со всех сторон они окружены фигурами идущих пехотинцев без панцирей.

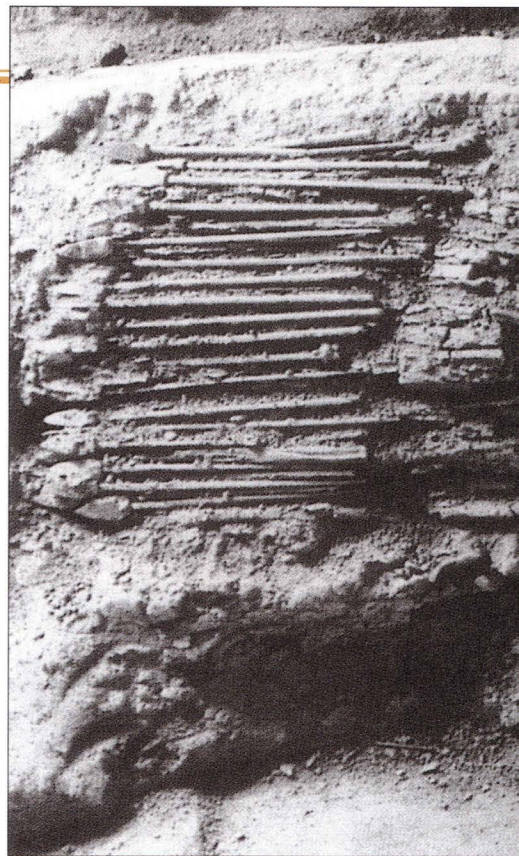
С запада от стрелков стоит сборный отряд всадников, пехотинцев и несколько колесниц. Всадники некогда держали в левой руке арбалет, а в правой поводья терракотовой лошади. Всадники, пехотинцы и колесницы играли, как полагают историки, ключевую роль в Чанпинском походе, предпринятом царем Цинь против Чжао за год до рождения Первого Императора. В конце похода специальное соединение из 25 тысяч колесниц и пехотинцев Цинь преследовало отступающую армию Чжао, а 5 тысяч всадников напало на оборонительный лагерь врага, что имело решающее значение, и принесло победу над армией Чжао. Силы Чжао были разрезаны и они потеряли базы снабжения.

В восьми самых южных коридорах погребения № 2, похоже, находятся только колесницы и колесничие. Пробные раскопки, проводившиеся до настоящего времени, не обнаружили ни инструментов, по которым передавались команды, ни пешеходов, бывших атрибутом подобных повозок в погребении № 1. Эти результаты привели ученых к предположению, что колесницы в погребении № 2 составляли резерв войска.

Первоначально десятки вооруженных воинов — их пятки уперлись в стену, а взгляды направлены вперед — стояли по команде “смирно” в южном крыле П-образного погребения № 3, наименьшего из трех погребений, содержащих фигуры. Два ряда из 11 воинов находились в таком же коридоре в северном крыле. Вблизи центра этого погребения археологи нашли остатки крытой колесницы, запряженной четверкой лошадей.

Военные историки полагают, что воины в погребении № 3 — охрана командного центра всей терракотовой армии, а подобная колесница, вероятно, использовалась для срочной передачи приказов войскам на поле битвы. Присутствие в этом погребении рогов оленей и костей животных привело исследователей к заключению, что погребение № 3 имело еще одно назначение: оно было специальным местом, где собирались для принесения жертв и молитв и где пытались получить предсказание результатов предстоящих сражений. У историков мало сомнений в том, что такая практика связана с увлечением Первым Императором. Однако вряд ли какой-нибудь ритуал гадания предсказал то, с какой быстротой его правление и правление его династии закончатся.

Согласно “Историческим запискам”, волнения начались в 213 году до н. э., когда на одном из императорских банкетов ученый из прежнего царства Ци — традиционного центра конфуцианства, открыто начал критиковать Первого Императора. Он указал на то, что сыновья и братья Цинь Шихуанди остаются крупными землевладель-

Выступающие из земли рядом с терракотовыми воинами десятки бронзовых наконечников стрел длиной 7 дюймов ждут своей очереди на раскопках. К настоящему времени археологи, работающие в погребениях № 1, 2 и 3 отрыли более 10 тысяч подобных наконечников вместе со спусковыми механизмами арбалетов, мечами, дротиками, сигнальными колоколами и другими атрибутами войны.

Посланник, которому поручалось доставить приказ Первого Императора, имел при себе половинку этой инкрустированной бронзовой фигурки тигра в качестве доверительного знака. Внутри половинки имелись треугольные выступы, которые точно соответствовали углублениям в другой половинке, ею владел полевой командир, обязанный выполнять приказы императора.

цами, а отпрыски, родичи и министры царей династий Шан и Чжоу получили лены, и эти дары способствовали поддержанию стабильности и сохранению власти первых династий. “Ничто не имеет долгого будущего, если не повторяет прошлое”, — закончил свою речь ученый.

Задетый этими словами, первый советник императора Ли Сы поднялся, чтобы дать отпор его замечаниям. Прежде всего он вознес хвалу деяниям монарха, затем пошел в атаку на ученых. “Некоторые ученые, — предъявил обвинения советник, — не помогают создавать настоящее; они изучают прошлое для того, чтобы критиковать сегодняшний век. Они сеют среди простых людей возмущение и побуждают их к действию. Если это не запретить, то императорская власть придет в упадок, а внизу сформируются силы ее противников”.

Чтобы сохранить порядок и предотвратить восстание, Ли Сы считал необходимым передать губернаторам областей все исторические записи, собрания од и поэм и тома спекулятивной философии для сожжения, и те, у кого будут найдены подобные произведения, должны быть заклеены и отправлены на каторжные работы. Даже обсуждение запрещенных работ, по мнению Ли Сы, должно считаться преступлением, влекущим за собой публичную казнь. Сохранены должны были быть только исторические записи, работы по медицине, объяснения прорицаний, труды по сельскому хозяйству и другие эпистолярные труды, хранившиеся в кабинетах ученых и созданные в Цинь. “А что касается тех, кто желает получить знания, — добавил Ли Сы, — пусть они используют в качестве учителей чиновников”.

Современным ученым остается только догадываться о том, сколько текстов было в действительности предано огню. Но некоторые полагают, что ущерб от нанесенного ради сохранения власти императора удара по интеллигенции — большому числу людей интеллектуального труда, существование которых было поставлено под угрозу изданным декретом, — намного превосходит тот, который был нанесен уничтожением самих научных работ. Стремясь взять

реванш, некоторые из этих ученых написали позднее историю династии императоров Цинь, каждая из которых была густо приправлена преувеличениями и абсолютными небылицами, включая такую, как приказ Первого Императора в 212 г. до н. э. казнить 460 ученых, закопав их живыми в землю.

То, что эта небылица в течение веков считалась правдой, отчасти оправдано следующим фактом: Цинь Шихуанди был отделен огромной пропастью

от народа, которым он управлял. Никто не мог верно судить о том, какой он. Будучи еще царем, Шихуанди едва не погиб от рук вооруженного кинжалом убийцы, подосланного из царства Янь, чтобы остановить быстрое сосредоточение власти в руках правителя Цинь. Как император он пережил еще два покушения: одно устроенное с целью отомстить за смерть первого убийцы, а другое — человеком, мстящим за свою обесчещенную семью. Хотя покушения закончились провалом, они оставили свой след: Цинь Шихуанди стал подозрительным и начал вести жизнь затворника. Затем, в последние годы жизни, он должен был избегать посторонних глаз, постоянно преследуя одну манящую, но недостижимую цель — достичь бессмертия.

Если сообщения о том, что происходило — верны, то Цинь Шихуанди рассматривал это занятие как закономерное отражение древней традиции. Согласно большинству мыслителей того времени, у каждого человека две души: “хунь” — дающая интеллект и “по”, которая оживляет плоть. Пока человек здоров, для этой пары есть место в его теле. Но когда он умирает, “хунь” поднимается на небеса, а “по” возвращается в землю. Поэтому, чтобы избежать смерти, нужно не давать душам покидать тело, продляя его жизнь. А это, как сказали императору, можно достичь только при помощи волшебных эликсиров.

И вот “Исторические записки” начинают разрабатывать мотив, который, возможно, содержит крупину правды, но пересыпан домыслами и фантазиями ради пушей красоты. Его стоит здесь привести, потому что в нем идет речь о верованиях китайцев того времени. В рассказе говорится, что правитель повелел собрать ко двору множество волшебников с эликсирами и что он путешествовал по всей империи в поисках восьми бессмертных существ, которые, как он надеялся, поделятся с ним секретами бессмертия. “Первый Император путешествовал вдоль берега Восточного моря и приносил

Оттиск с рельефа на камне II в. н. э. изображает (в правой части) будущего Первого Императора, держащего в руке диск из нефрита — символ его власти, во время первого из трех покушений, происшедшего в 227 г. до н. э. и неудачно закончившегося для убийцы. Слева изображен придворный, удерживающий покушавшегося, разводящего разочарованно руками после того, как брошенный им кинжал попал в стоящую в центре колонну, а не в намеченную цель.

Этот рисунок на шелке, предположительно сделанный в XVII в. н. э., изображает, как Первый Император решает судьбу одетого в голубой халат ученого, в это же время за воротами дворца уничтожают книги. Сцена создана воображением художника, так как, по сообщениям древних текстов, подобные события имели место в разные годы, а не проходили одновременно, к тому же казнь ученых, по-видимому, не производилась вообще.

переходить из дворца во дворец, и объявил смертную казнь любому, кто разгласит тайну его местонахождения. Таким образом, верховный правитель Китая невольно отдал себя во власть нескольким приближенным, посвященным в тайны его передвижения. Насколько этот возложенный на самого себя императором режим секретности угрожал династии, стало ясно в 210 г. до н. э., когда в одном из мест, которые император посещал в своем пятом путешествии по стране, он внезапно заболел и умер, а члены его свиты: принц Хухай, один из младших сыновей императора, Чжао Гао, евнух, служивший наставником Хухая и Ли Сы решили скрыть его смерть.

Автор "Исторических записок" полагает, что этот подлый заговор изменил ход китайской истории. Вместо того чтобы известить о смерти императора законного наследника принца Фусу, посланного на север инспектировать работу воеводы Мэн Тяня, Чжао Гао и Ли Сы молчат о случившемся, и все идет как прежде. Они продолжают входить в паланкин императора якобы для консультации со своим господином и приносят туда пищу. Они выпускают императорский эдикт, согласно которому слабоумный и послушный Хухай объявляется наследным принцем. Они отправляют письмо Фусу и Мэн Тяню. Первый обвиняется в том, что он — "недостойный

жертвы и высоким горам, и великим рекам, и Восьми Духам и искал бессмертных", — утверждает текст. Дальше говорится, что Цинь Шихуанди даже снарядил корабли и послал 3 тысячи юношей и девушек в море на поиски трех островов, которые считались местом обитания бессмертных. Хотя о дальнейшей судьбе этой экспедиции сообщений не было, легенда гласит, что ее члены поселились в Японии.

Волшебники убедили Цинь Шихуанди в том, что его превращению в божественное создание мешает осведомленность его подданных о том, где он находится, и император в конце концов решил как можно тщательнее укрыться от глаз простых смертных. Он повелел соединить все свои дворцы в окрестностях Сяньяна крытыми переходами, защищенными стеной, для того чтобы он мог незаметно

сын”, Мэн Тяню ставят в вину “недостаток искренности”. В письме — требование покончить жизнь самоубийством. Подозревая подлог, воевода предлагает Фусу обратиться за подтверждением, но принц послушно исполняет повеление. “Когда отец требует смерти своего сына, — говорит он перед смертью, — как можно говорить о каком-то подтверждении?”

К этому времени, как говорится в “Исторических записках”, от летней жары из императорского паланкина начала исходить жуткая вонь; чтобы скрыть зловоние, продолжает автор, заговорщики приказывают везти вместе с кортежем телегу, нагруженную соленой рыбой. Когда Хухай прибыл в столицу, он наконец объявил о смерти отца и провозгласил себя Эр Шихуанди, Вторым Императором. Затем, в знак особого почитания и уважения Первого Императора, он повелел всех бездетных наложниц своего отца и всех ремесленников, участвовавших в строительстве мавзолея и, следовательно, знавших о сокровищах и секретных камерах, похоронить вместе с ним.

К несчастью для Второго Императора, беспорядки начались почти сразу же после того, как рабочие замуровали огромную дверь в гробницу Первого. В конце лета 209 г. до н. э. серия волнений прошла на территории бывшего царства Чу, затем беспорядки охватили всю страну и достигли столицы, где интриганы Чжао Гао и Ли Сы сцепились в острой борьбе за власть. Евнух сумел убедить правителя в виновности Ли Сы и бросить его в тюрьму. Беспощадно избиваемый государственный муж признался в организации восстания и был осужден на пытку и жестокую публичную казнь. В 208 г. до н. э. он был казнен: его рассекли надвое в поясище на рыночной площади Сяньяна. Казнены были его родители, братья, жена и дети.

В тот год армия восставших осадила один из городов в 30 милях от Сяньяна. Войско, составленное из осужденных, еще работавших на могильном кургане

Археологи описывают и покрывают предохранительной жидкостью две бронзовые колесницы и лошадей с кучерами, найденные в 1980 году в камере длиной 22 фута, в западной части погребения Первого Императора. Изготовленные в половину натуральной величины колесница и упряжка лошадей с кучером имеют почти 11 футов длины и весят 2700 фунтов. Внутри крытая повозка (на фото слева вверху) украшена изображением, похожим на облака, а на фото внизу она реконструирована и имеет великолепный вид.

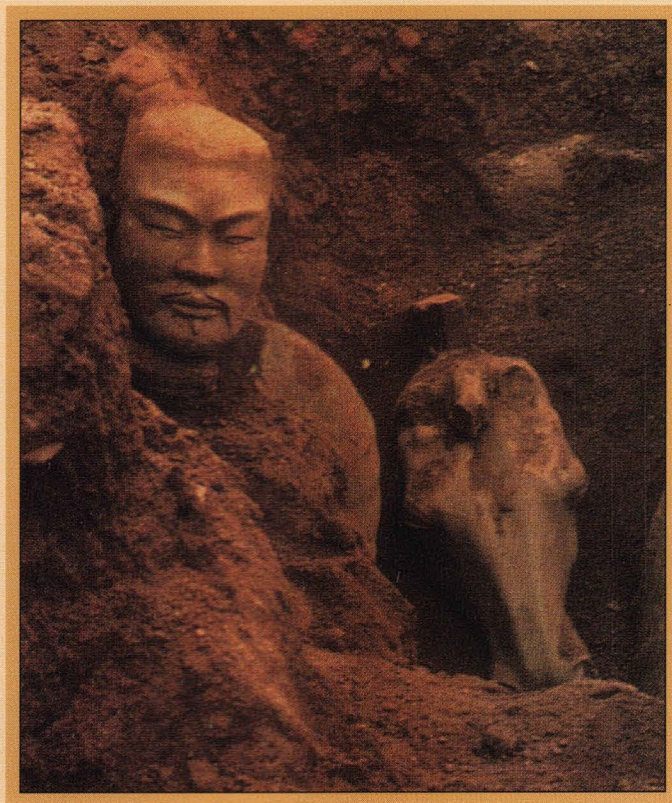
Первого Императора, подавило восстание, но это не помогло рассеять тучу интриг, в которых погряз двор императора. В 207 г. до н. э. Чжао Гао попытался внезапно захватить власть, инсценировав бандитский налет на дворец, в котором укрылся император. В создавшейся панике император покончил жизнь самоубийством. Его преемником стал племянник, Цзыин, который принял титул царя, так как не смог утвердить свою власть над всей империей.

К концу года министры царя и принцы дезертировали на сторону восставших и столица вновь оказалась в опасности, на этот раз к ней приближались силы, которыми командовал человек незнатного происхождения по имени Лю Бан. Решив не подвергать город разрушению, Цзыин, одев на шею петлю из шелкового шнура, символизирующую готовность повеситься, вышел из города в сопровождении жены и детей и сдался без боя. Но через некоторое время подошла вторая армия, превосходящая силой первую, под командованием начальника Лю Бана, Сян Юя. Решив раз и навсегда покончить с династией Цинь, Сян Юй приказал обезглавить Цзыина и бросил свои войска на разграбление города. Столица была захвачена, дворцы преданы огню, и воины Сян Юя ворвались в гробницу Первого Императора.

“После тридцати дней грабежа, — говорит древняя история о восставших, — они все еще не опустошили содержимое мавзолея. Бандиты плавили гробы, чтобы получить бронзу и чтобы поджечь всю гробницу. Пожар продолжался более 90 дней”. Археологи полагают, что пламя, пылавшее в коридорах, где размещались фигуры терракотовой армии, так ослабило балки, удерживавшие тяжелую земляную крышу, что она обрушилась, разрушив многие фигуры и завалив их булыжником. Обломки оставались под слоем земли до тех пор, пока строители колодца из местной коммуны не начали работу в 1974 году — почти 22 столетия спустя.

Возмущенный таким бессмысленным актом вандализма, Лю Бан в течение четырех лет вел беспощадную войну против Сян Юя. Затем, став в итоге победителем, Лю Бан возложил на себя титул, оставленный Вторым Императором, титул единственного правителя объединенной империи. Тем самым он положил начало одной из самых продолжительных и самых славных эпох в истории страны — эпохе династии Хань.

ПОХОРОНЕННАЯ АРМИЯ

Одна из величайших археологических находок нашего времени, погребение терракотовой армии первого императора Китая, стала также местом самых крупных раскопок, проводившихся когда-либо в этой стране. Площадь земли, под которой зарыта армия, составляет 5,5 квадратных акров и большей частью еще не раскопана. Погребение № 1, изученное больше остальных, уходит на глубину шестнадцати футов, имеет в длину почти 760 футов, а в ширину — более двухсот футов. При строительстве этого и двух других погребений, в которых были найдены фигуры, императорским рабочим пришлось переместить более трех с половиной миллионов кубических футов земли — объема, достаточного для того, чтобы заполнить 36 с лишним олимпийских плавательных бассейнов.

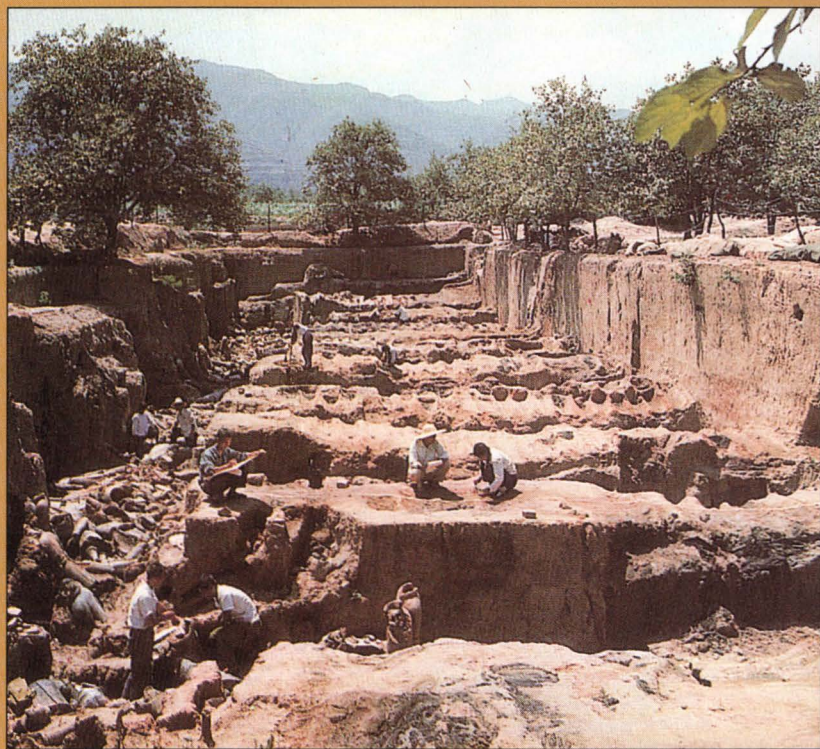
После того как ямы были вырыты, рабочие ссыпали извлеченную землю назад в углубления и утрамбовали ее, создав твердый, как из цемента, пол толщиной 2 фута и значительной толщины стены по всему периметру высотой 10 футов. В некоторых местах стены имеют толщину утрамбованного слоя 8 футов, и на них еще видны отпечатки рам, в которые насыпали землю. Рабочие построили широкие стены и внутри погребений № 1 и № 2, разделив их

таким образом на длинные коридоры, идущие с востока на запад. Когда разделительные стены были закончены, каменщики покрыли пол 250 000 прямоугольных кирпичей, приложив усилия к тому, чтобы пол в центре каждого коридора был приподнят и влага стекала в концы коридора, подальше от стоящих фигур.

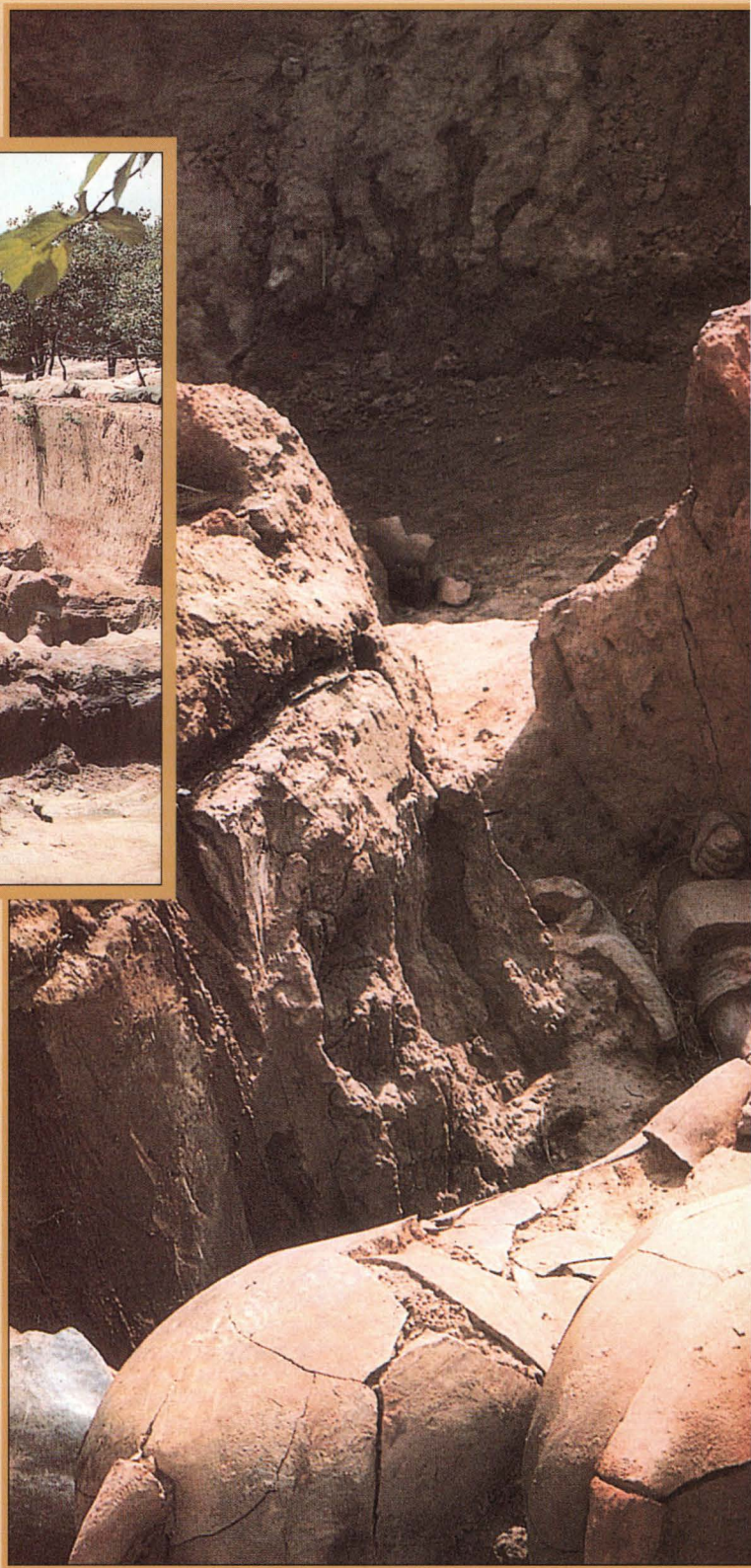
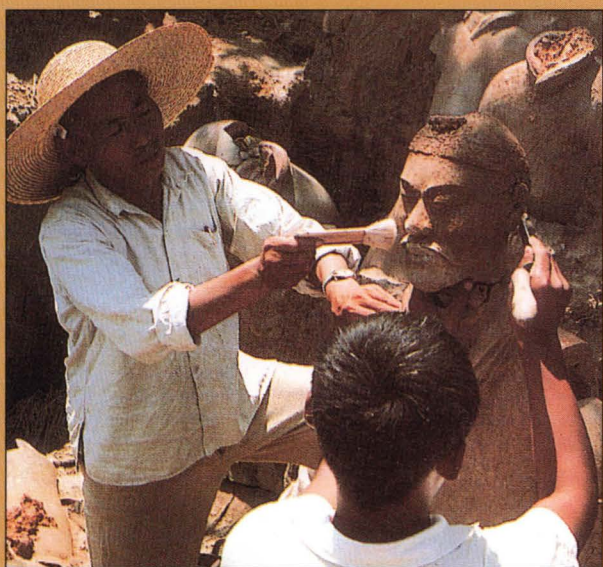
Чтобы укрыть армию, плотники установили толстые сосновые и кедровые столбы в вырытые у основания периметра и разделяющих стен ямы, глубиной около фута, и соединили их поверху горизонтальными брусками, получив в результате балочные перекрытия. На них крестообразно были уложены балки длиной по 40 футов и маты, сплетенные из бамбука и соломы. Сверху был нанесен одиннадцатидюймовый слой глины, который теперь имеет красный цвет, вероятно, из-за пожара, бушевавшего здесь 2200 лет назад.

Колея от колес на склонах по краям погребения, ведущая внутрь мавзолея, указывает на то, что фигуры, подобные воину и лошади, изображенным вверху страницы, вкатывались на место после того, как крыша была сооружена. Затем места вкатывания были закрыты столбами и матами, засыпаны землей и утрамбованы, весь ров погребен — навеки, как полагали строители, — под слоем земли толщиной почти 10 футов.

Снимок 1975 года. Одни из археологов осматривают обломки фигур воинов, открытые в восточной галерее погребения № 1, другие (на левой части фото) занимаются измерением, находясь наверху идущих с востока на запад разделительных стен.

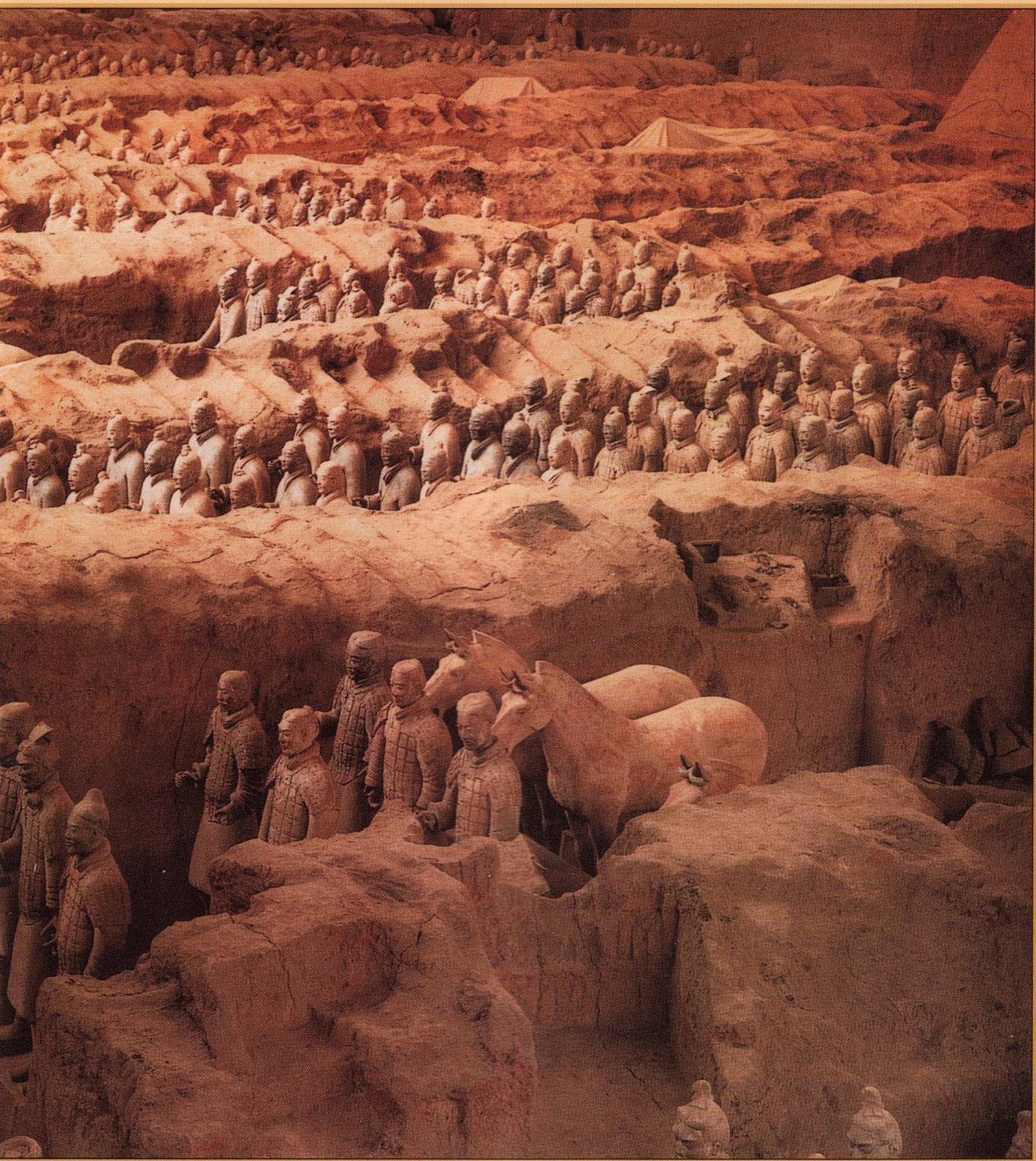
Археологи осторожно поддерживают за подбородок фигуру стоящего невооруженного воина, по-видимому копьеносца или арбалетчика, и обрабатывают ей голову кистью и мастерком.

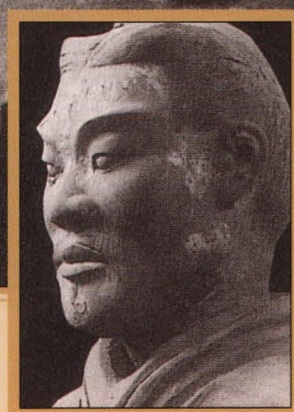
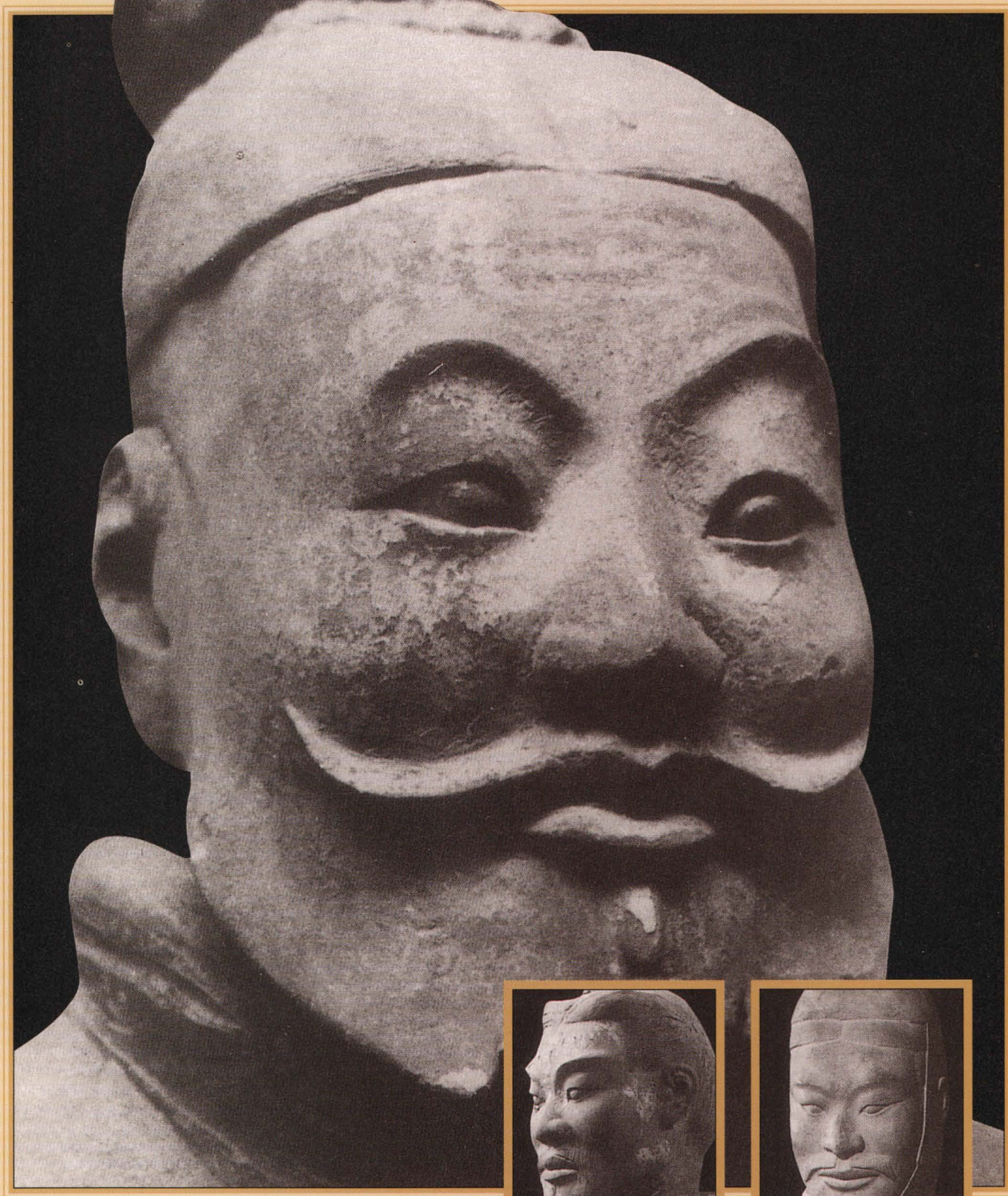

*Четыре лошадиные фигуры в сильных изломах лежат среди беспорядочно разбро-
санных и стоящих глиняных фигур воинов
в погребении № 1. Четверка лошадей бы-
ла первоначально запряжена в деревянную
колесницу.*

Очищенные от засыпавшей их земли около 1100 воинов и 32 лошади стоят в восточной части погребения № 1, составляющей одну треть всего объема. По оценке специалистов, в западной части погребения еще по меньшей мере пять тысяч фигур.

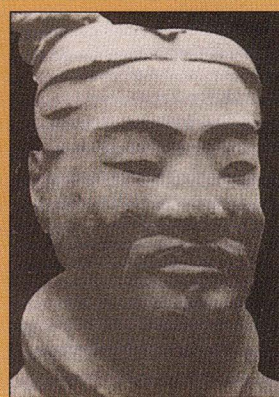
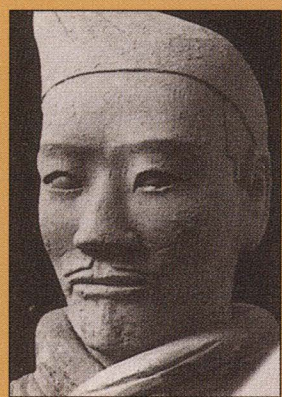

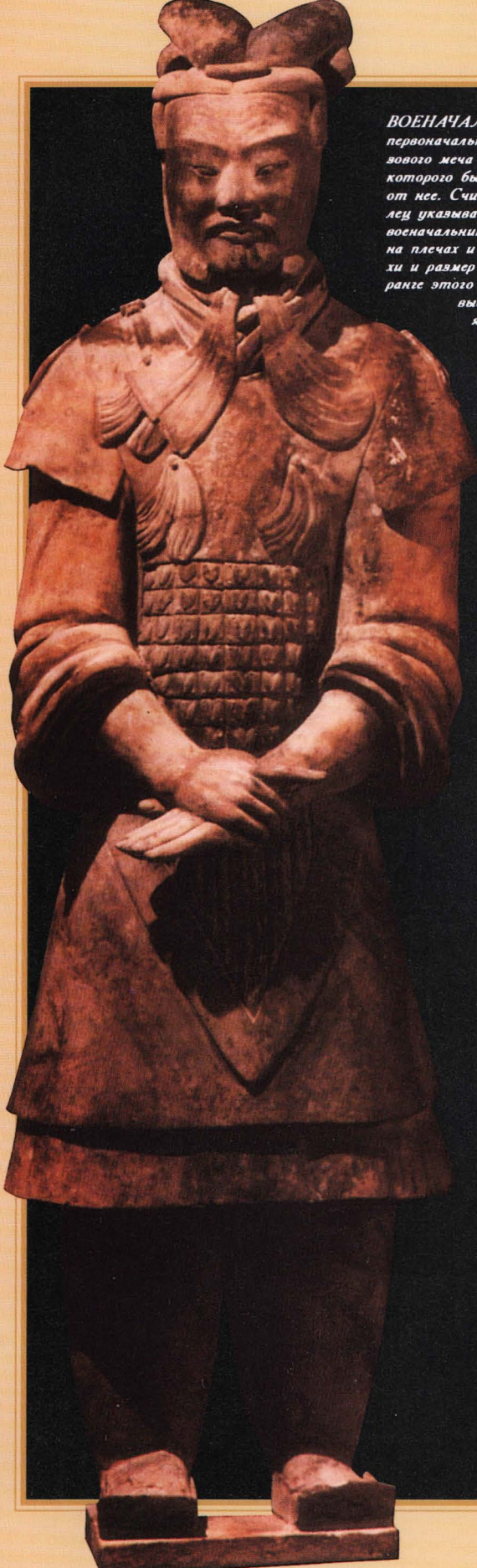
ГАЛЕРЕЯ ЛИЦ ВОИНОВ ТЕРРАКОТОВОЙ АРМИИ

Хотя фигура каждого воина терракотовой армии уникальна, многие ее части изготавливались по шаблону. Каждая голова, например, состоит из передней и задней частей и является полой внутри. Части головы представляют по меньшей мере восемь стандартных форм. И уши воинов, и их носы и губы, брови и другие части лица, включая несколько типов бород и усов, тоже изготавливались предварительно. Гончары делали их вручную и в формах и прикрепляли к лицам жидким раствором из глины и воды. Они также выдавливали формами на еще необожженных головах контуры различных причесок, имитируя структуру волос.

Ученые полагают, что эти скульпторы имели право по своему усмотрению подбирать формы для передней части головы и деталей лица, а также придавать индивидуальность облику некоторых фигур, при помощи ножей и других заостренных инструментов изменяя черты лица. В результате неповторимость и своеобразие лиц, показываемые на этих и следующих страницах, так поражала археологов, впервые видевших фигуры, что некоторые строили догадки: может быть, вместо того, чтобы похоронить заживо, воинов заставляли позировать перед скульпторами.

Лица этих бессмертных воинов показывают широкий диапазон возрастов, мест происхождения и черт характера и воплощают образы тех, кто составлял могучую армию Первого Императора.

A large terracotta statue of a warrior, standing with hands clasped in front. It wears a helmet with a crest and a tunic with a scale-like pattern. The statue is reddish-brown and stands on a small base.

ВОЕНАЧАЛЬНИК. Руки этой фигуры первоначально лежали на рукояти бронзового меча длиной 35 футов, остатки которого были раскопаны поблизости от нее. Считают, что поднятый палец указывает на подчиненный этому военачальнику отряд. Шлем, кисточки на плечах и груди, замысловатые доспехи и размах фигуры говорят о высоком ранге этого военачальника. Эта фигура высотой 6 футов 5 дюймов является одной из самых высоких глиняных фигур, найденных в захоронениях.

A large terracotta statue of a chariot driver, standing with hands in a specific gesture. It wears a helmet and a tunic with a scale-like pattern. The statue is reddish-brown and stands on a small base.

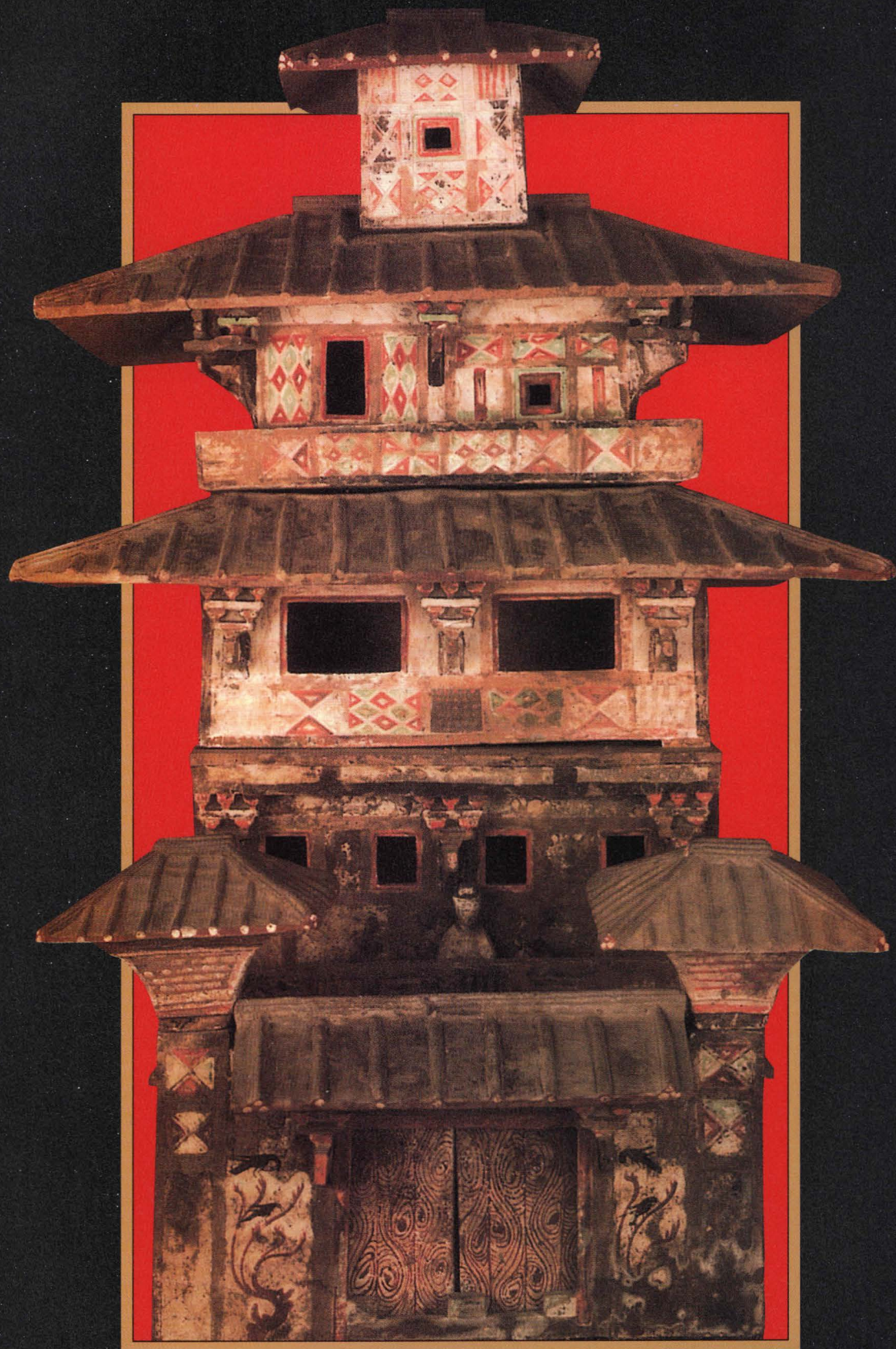
КОЛЕСНИЧЕЙ. Для управления четверкой лошадей, которая несла его боевую колесницу, колесничий сжимал в каждой руке пару вожжей. Одни вожжи проходили между большим и указательным пальцами, другие — между указательным и средним. Как и у военачальника, на голову колесничего надет шлем, закрепленный роскошными бантами.

ПЕШИЙ ВОИН. Фигура этого незащищенного доспехами воина и десятки подобных ей стояли рядами перед отрядом лучников, изготовившихся для стрельбы с колена, в погребении № 2. Положение рук фигуры и поворот корпуса налево создают впечатление, что воин упражняется в боевом искусстве "тай цзи чуань", сражаясь с воображаемым соперником. Однако бронзовые наконечники стрел и фрагменты длинных луков, найденные рядом с ним, оставляют мало сомнений в том, что воин шел в наступление.

ЛУЧНИК. Мягкая ткань, собранная складками вокруг шеи стоящего на колена лучника — одной из 24 фигур, раскопанных в 1977 году в погребении № 2, не позволяет доспехам натирать кожу. Ученые не могут сказать с уверенностью, держал ли он лук в левой руке или оружие было повешено через плечо, а в руках он держал стрелы. Фигура раскрашена при реставрации с использованием тех цветов, которые соответствовали остаткам краски, обнаруженным на ней после раскопок. Все терракотовые фигуры, включая лошадей, были первоначально окрашены в яркие тона.

ДИНАСТИЯ ХАНЬ. ПЛОТЬ НА КОСТЯХ ИСТОРИИ

В мае 1968 года, когда солдаты проводили учение на горе Лин в 100 милях к юго-западу от Пекина, бойцы одного из подразделений, карабкаясь вверх, заметили в известняке какую-то таинственную, неестественного происхождения расщелину. Чтобы исследовать ее получше, учения были приостановлены. Один солдат спустился в расщелину и увидел, что он находится в искусственно вырубленном в скале помещении. Власти были поставлены в известность, и на место для изучения находки прибыли бригады специалистов из археологического отдела провинции Хэбэй и из Пекинского археологического института. Местные жители помогали археологам и солдатам разбирать две кирпичные стены, между которыми в древности залили расплавленное железо. Когда стены разобрали, открылся вход в туннель, ведущий в глубь горы. В дальнем конце этого темного коридора, расчистка которого потребовала много усилий, из-за того что вход был завален камнями, группа исследователей пересекла поперечный проход, в котором находились скелеты четырнадцати лошадей и шесть двухколесных повозок, в которые эти лошади когда-то были запряжены. Впереди неясно вырисовывалась центральная камера внушительных размеров. Площадью 40 на 50 футов, это помещение некогда вмещало деревянное строение, к тому времени уже разрушившееся и построенное, по-видимому, для того, чтобы создать обстановку одной из комнат дворца.

В соседней комнате, расположенной за этим помещением, исследователи сделали самое важное открытие. В комнате находился

Свидетельствующая о растущем богатстве и влиянии в обществе новых дворян династии Хань, эта глиняная башня, высотой 51 дюйм, является типичным образцом моделей, которые присутствуют в могилах многих богатых землевладельцев.

каменный гроб самого Лю Шэна, личности уже известной к тому времени китайским ученым, одного из сыновей императора Цина, четвертого монарха династии Хань, правившей Китаем с 206 г. до н. э. по 220 г. н. э., после падения династии Цинь.

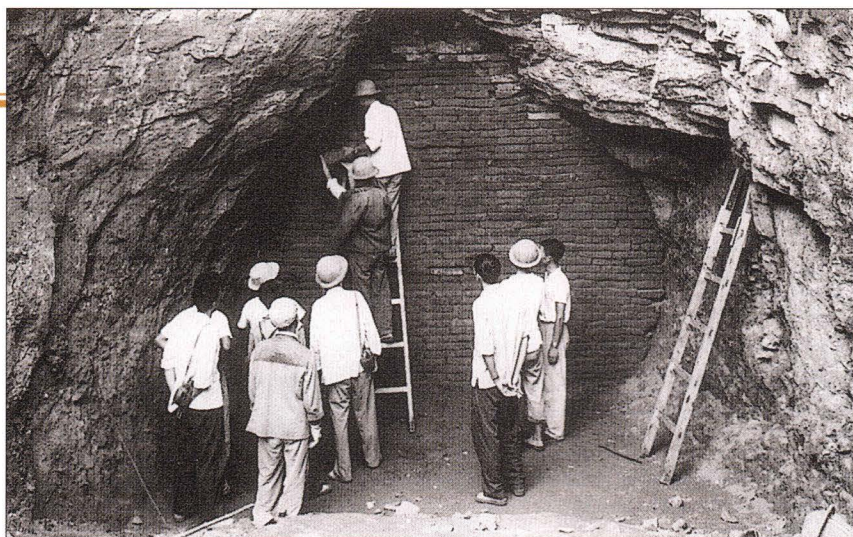
Сын императора — в 154 г. до н. э. он стал царем Чжуншаня — похоронен в облачении, сделанном из более чем двух тысяч нефритовых пластинок, соединенных золотыми нитями. Этот изумительный саван превосходно сохранился за столетия погребения, а вот тело Лю Шэна полностью разложилось. Под слоем пыли и камней в сделанной человеком пещере лежали сокровища — церемониальные ножи и мечи, остатки превосходных лакированных изделий и красивые бронзовые сосуды, инкрустированные золотом с изображением драконов.

Во второй вырезанной в скале, богато украшенной гробнице, расположенной рядом с первой и тоже запечатанной стеной из кирпича и железа, исследователи нашли остатки восьми зубов, принадлежавших супруге Лю Шэна. Это все, что осталось от принцессы Доу Вань. Она тоже была завернута в саван из нефрита и похоронена вместе с великолепными предметами, изготовленными мастерами эпохи Хань. Среди них были винные сосуды, инкрустированные серебром и золотом. Покрытая позолотой бронзовая фигурка феникса, инкрустированная камешками нефрита и держащая в клюве нефритовое кольцо. Выполненная с большим мастерством бронзовая лампа имела форму коленапреклоненной служанки и была самым замечательным из того, что обнаружили в могиле. Цилиндрический фонарь, находившийся в лампе, мог менять силу и направление светового луча.

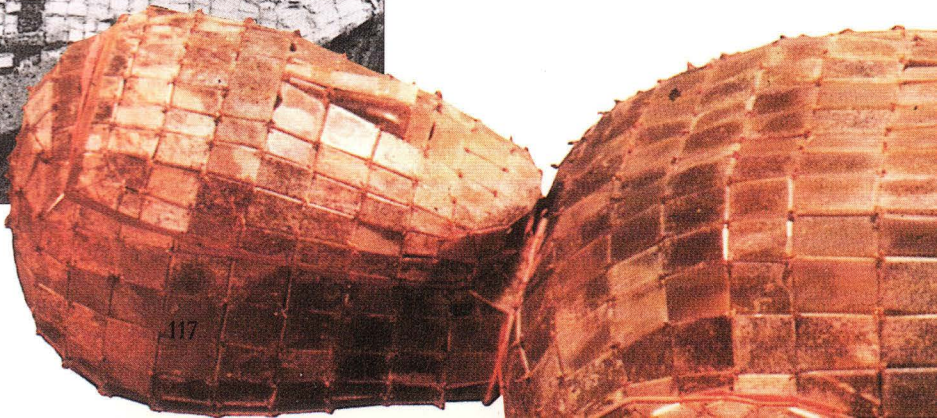
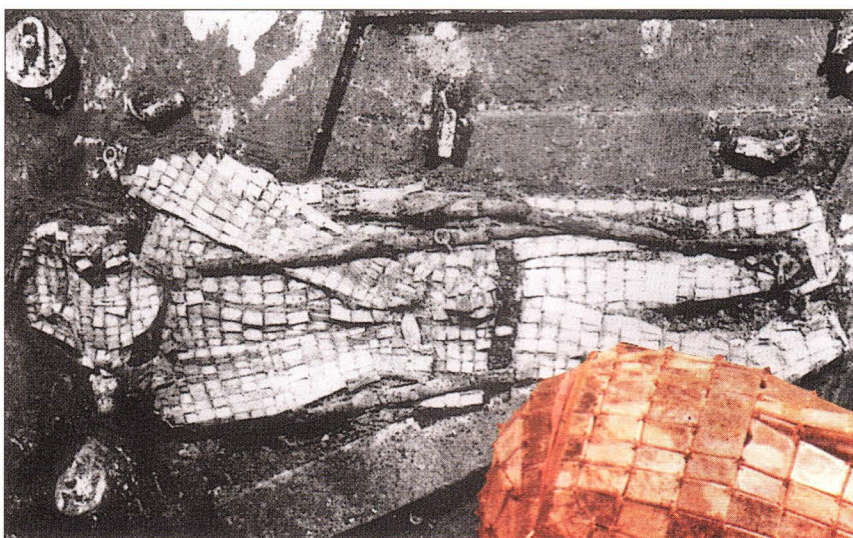
Исследователи считали, что строительство двух погребальных камер и производство 2800 предметов, находившихся в них, потребовало огромных усилий сотен, если не тысяч, мужчин и женщин. Только на изготовление одного из нефритовых саванов, согласно современным расчетам, должно было уйти 10 лет напряженной работы.

По свидетельству великого историка династии Хань Сыма Цяню: “Лю Шэн любил вино и женщин”. Сам Лю Шэн не считал эти наклонности дурными и высмеивал своего брата, царя Чжао, за то, что тот ежедневно проводит слишком много времени за скучным занятием управления государством. “Хотя мой брат и царь, — замечал Лю Шэн, — он тратит все свое время, выполняя работу своих секретарей и чиновников. Настоящий царь должен проводить свою жизнь слушая музыку и наслаждаясь прекрасными видами и звуками”. Брат колко отвечал на эти насмешки. “Царь Чжуншаня, — говорил он, — проводит все свои дни предаваясь развлечениям, вместо того чтобы помогать Сыну Неба поддерживать порядок среди подданных”.

Дискуссия между братьями говорит о большем, чем обычная родственная перепалка, как отметил археолог Роберт Л. Торп, она

На фотографиях, сделанных в 1968 году, видны процесс и результаты работы исследователей. На первом фото археологи разбирают кирпичную стену, за которой находится слой железа, и освобождают проход в гробницу Доу Вань, супруги Лю Шэна, сына императора Хань, погребенную более двух тысяч лет назад. На второй фотографии — археологи ведут работы в гробнице Лю Шэна, дверь на заднем плане — вход в гробницу. Третий снимок, сделанный в камере, вмещавшей гроб Лю Шэна, показывает его нефритовый могильный саван (подробности ниже), сделанный из пластинок, соединенных золотыми нитями и еще сохраняющий свою форму.

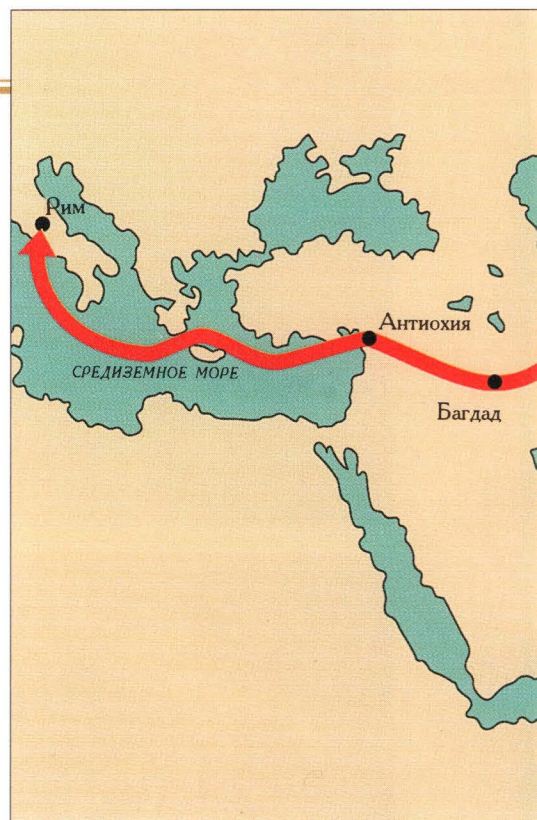
может служить метафорой для описания достижений ханьской династии, к которой принадлежали оба брата. За 400 лет правления Хань ей сопутствовали успехи полярно различные: было время, когда процветали художники и ремесленники, творцы “прекрасных видов и звуков”, которыми наслаждались подобные Лю Шэну; но было и время практических достижений, отмеченное экономическим ростом, научными открытиями, исследованиями в области географии и философии и техническим прогрессом.

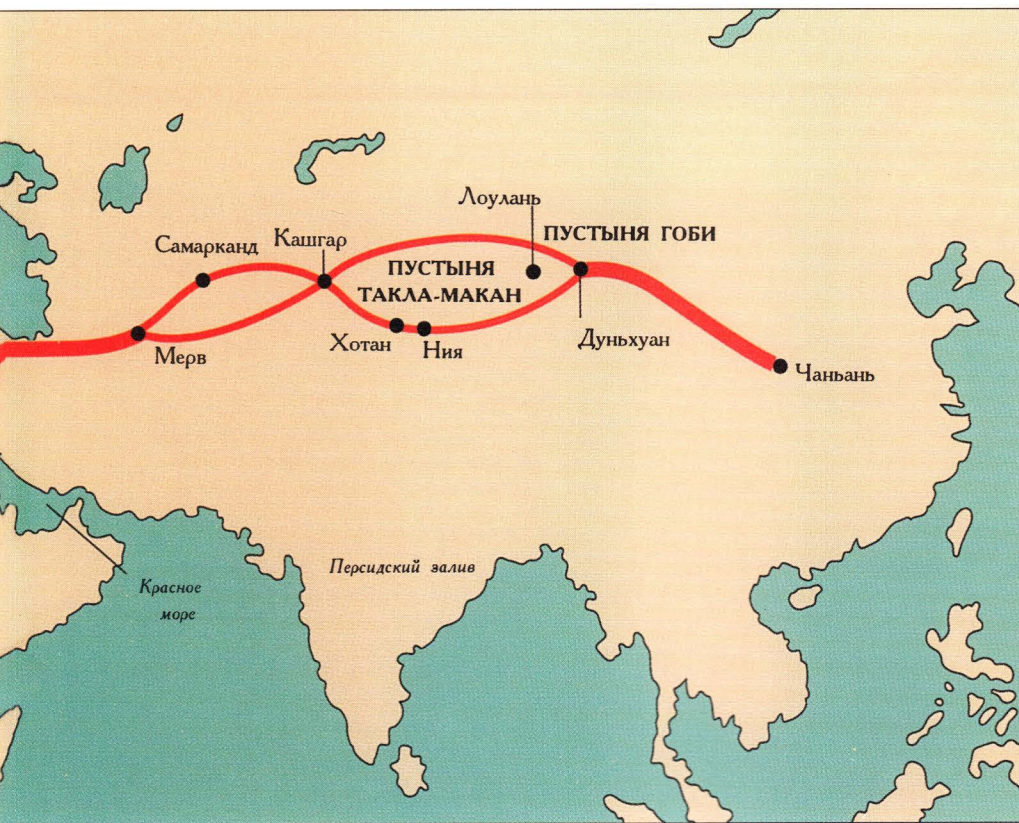
В пору расцвета империя Хань не уступала в силе и славе Римской империи, процветавшей в ту же эпоху на далеком Западе. Ранние поколения выковали китайское государство и создали в нем стабильность. Правители Хань консолидировали успехи своих предшественников внутри страны и раздвинули границы империи, стремясь подчинить всю Восточную Азию.

Эпоха династии Хань была бурной: границам империи угрожали враждебные племена, временами нарушался порядок и внутри страны. В середине правления династии Хань линия ее монархов была на короткое время прервана. Ван Ман, представитель другой аристократической династии, исполнявший роль регента при императоре-младенце, узурпировал трон. Его четырнадцатилетнему правлению (9—23 гг. н. э.) настал конец после того, как династия Хань смогла восстановить свою власть. Но каким бы кратким не было правление Ван Мана, историки считают его рубежом, выделяя период Ранней, или Западной, Хань и Поздней, или Восточной, Хань.

Несмотря на катаклизмы эпохи, китайцы во времена династии Хань, как и их римские современники, создали обычаи, которые наложили свой отпечаток на жизнь последующие поколения в течение последних двух тысяч лет. В эту эпоху были мудрые монархи и неспособные, жестокие тираны и просвещенные цари-философы. В ней нашли свое место чиновники и законодатели, инженеры, прокладывавшие дороги и строившие защитные укрепления на тысячах миль прежде необжитой территории, и активный торговый класс, чьи караваны, груженные товарами, шли по многим маршрутам с востока на запад, по дорогам, получившим название Великий шелковый путь. Эпоха имела также своих поэтов, яркими красками, голосом, идущим от сердца, воспевавших картины жизни. Но, вероятно, наиболее значительными надо считать ее историков — Сыма Цяня, составившего “Исторические записки”, и Бань Гу, написавшего “Историю Ранней Хань”. Их обширные многословные работы сохранены переписчиками и тщательно исследуются китайскими учеными. Теперь благодаря возросшему числу археологических открытий, совершенных за последние десятилетия, правдивость древних текстов может быть проверена сопоставлением с находками.

Во времена династии Хань, как и во времена ранних династий, считали, что “к мертвому нужно относиться так же, как к живому”,

Самая легендарная в истории торговая артерия, Великий шелковый путь, разветвляется на несколько дорог, когда огибает пустыню Такла-Макан и, извиваясь, идет к Средиземному морю. Караваны верблюдов с трудом преодолевают путь на дороге длиной 4 тысячи миль, доставляя китайские шелка на Запад и западные изделия из золота и стекла на Восток. Немногие купцы преодолевают со своими товарами весь маршрут, чаще торговцы распродают их на промежуточных пунктах, расположенных вдоль Великого шелкового пути.

и поэтому обряды погребения переходили из поколения в поколение как наследство. Содержание обряда, отправлявшего покойного в последний путь, зависело от того, какое положение занимал он или она при жизни, соблюдались строгие правила относительно социальной иерархии.

В соответствии с этим бедняк отправлялся в могилу с малым количеством того, что можно было назвать его собственностью, или совершенно ни с чем. В 1955 году во время раскопок в Лояне в провинции Хэнань археологи натолкнулись на крестьянское кладбище времен династии Хань. Найденные несколько грубых горшков и самые невзрачные, дешевые гробы ясно говорили о том, что это были

единственные прощальные дары, которые могли себе позволить родственники покойного. А вот с богатыми и высокородными дело обстояло иначе. Для того чтобы души покойников из богатых и аристократических семей счастливо устроились в потустороннем мире, они должны быть обеспечены богатыми дарами. Как и в предшествующие поколения, безутешные наследники наполняли места вечного покоя своих родителей всевозможными предметами роскоши: бронзовыми и лакированными сосудами, едой и напитками, дорогой мебелью, одеждой, зеркалами и косметикой, официальными печатями, законодательными актами и книгами, написанными на шелке или на бамбуковых пластинках.

С течением времени менялся набор вещей, хоронившихся с покойником. Вместо зарывания дорогих вещей — некоторые семьи просто разорялись на похоронах, обеспечивая загробную жизнь своих родственников, — в эпоху династии Хань начинает возрастать число небольших керамических скульптур, точных копий зданий, ферм и имений с маленькими фигурками людей и животных, населявших их.

Красочные иллюстрации жизни в эпоху Хань дошли до наших дней изображенными на кирпичках, плитках, на дверных косяках и опорных колоннах гробниц. В некоторых склепах настенные росписи украшают интерьер изображениями того, что было при жизни знакомо и близко покойному.

Мастера той эпохи ставили перед собой задачу воспроизвести даже самые обычные элементы повседневной жизни. И поэтому при-

БЛАГОДАРНОСТЬ “НЕБЕСНОМУ КАМНЮ” НЕФРИТУ, ХРАНИТЕЛЮ УМЕРШИХ

Нефрит, твердый как сталь, но полупрозрачный и необычайно гладкий после полирования, ценился в Китае дороже золота и слоновой кости. Изделия из него клали в могилу, как это можно видеть на фотоснимках, сделанных в гробнице царя Чжао Мо (обнаруженной в 1983 году), помещенных на этой и следующей страницах. Китайцы называли этот камень “ю”, и это слово имело другие значения: “драгоценный”, “благородный” и “чистый”. “Ю” — это нефрит из Средней Азии, белый камень с красными и бурными оттенками. (Более известный минерал — жадеит, стал известен в Китае только в XVII в.)

Этот “Небесный камень”, использовавшийся в дворцовых церемониях, символизировал благородство и княжеское достоинство. В погребальных церемониях он считался камнем, достойным внимания богов. Богатые украшали себя нефритом, и Конфу-

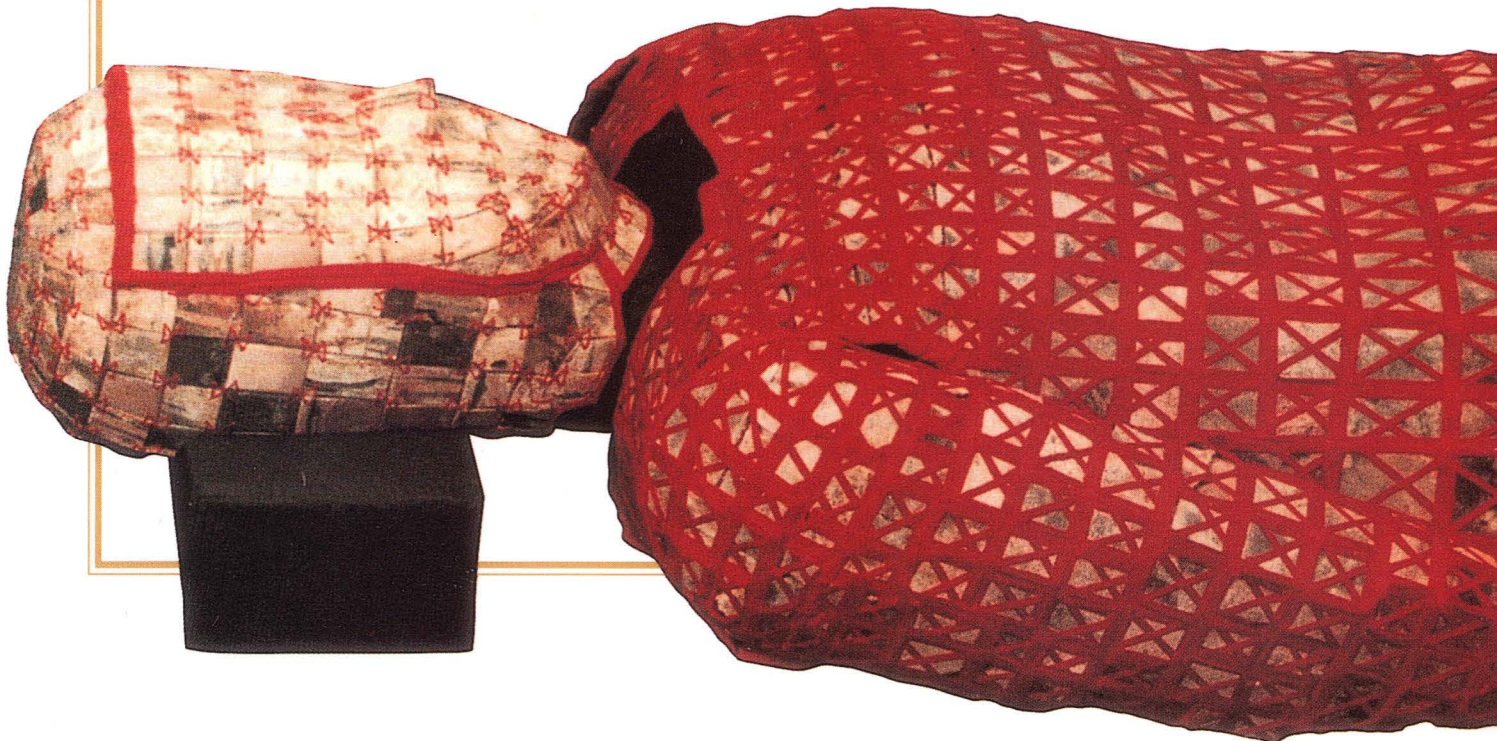
ций видел в нем “все красоты и добродетели господина”, включая ум, гуманность, преданность и правдивость.

“Ю” начали использовать в захоронении уже с пятого тысячелетия до нашей эры. В последующие века нефрит стали считать камнем, предотвращающим разложение тела, и вкладывали его куски в проходы на теле. Фигурки цикад — насекомых, которых считали выходящими из тела покойника после долгого периода созревания под землей, — вырезанные из нефрита, часто вкладывали в рот умерших.

Еще во времена династии Шан появился обычай хоронить покойника с набором изделий из нефрита, но пик совершенства изготовления таких изделий был достигнут во времена Поздней Чжоу и Хань. Чжао Мо, провозгласивший себя царем Наньюэ, был погребен в 122 г. до н. э. в Гуанчжоу одетым в саван из неф-

рита и окруженным более чем двумястами предметами, сделанными из того же минерала. Этот ренегат бросил вызов запрету эпохи Хань на человеческие жертвоприношения и повелел похоронить вместе с собой четырех жен, пятерых поваров и шута. Но, несмотря на свой богатый саван, Чжао Мо разложился, оставив после себя только следы костей в богатом тайнике из неподверженного влиянию времени нефрита.

Этот один из самых ранних среди найденных нескольких десятков погребальных саванов из нефрита принадлежал царю Чжао Мо. Реставрированный саван состоит из 2291 грубо обработанной пластины, они наклеены на ткань и соединены красной шелковой лентой. Нормы, представлявшие к подобным костюмам, требовали, чтобы пластины были соединены проволокой.

Гробница Чжао Мо была найдена в 1983 году. Она была вырублена в скале и простояла нетронутой 2100 лет. За эти годы гроб разложился (остались только бронзовые рукоятки), и на том месте, где он находился, видны пластины нефритового костюма и нефритовые диски, которые некогда лежали на и под телом царя-самованца. Вблизи нефритовых пластин, покрывавших голову Чжао Мо, археологи нашли нефритовый диск тонкой, ажурной работы (вверху) с изображением дракона. На лапе дракона сидит, злобно раскрыв клюв, птица-феникс, ее распушенные завитками гребень и хвост заполняют остальное пространство диска.

Крупный план участка погребальной камеры Чжао Мо дает возможность увидеть превосходные изделия из нефрита. Сосуд для питья, ритон (справа), украшен изображением китайского рогатого дракона, распущенный хвост которого служит дном сосуда.

На фотографии видны ловкость и изобретательность мастеров эпохи Хань: крышка чаши и кольцо на ней вырезаны из одного куска нефрита. Крышка была сломана и тщательно отремонтирована еще в древности. Поверхность чаши покрывает орнамент из поясов переплетающихся спиралей и выступающих точек.

стальному взгляду наших современников предстают принцы во дворцах, воины в дозоре, ремесленники в мастерских, крестьяне в поле, домашние птицы, кормящиеся под наблюдением слуг, и свиньи, валяющиеся в грязи. В результате стараниями художников и в особенности вниманием общества к культу почитания предков кости письменной истории покрыла плоть зрительных образов и свидетельств — открылось окно в бурный мир эпохи династии Хань.

Человек, которому судьба назначила стать первым императором династии Хань, был воин из незнатного рода Лю Бан. В поздних хрониках его описывают грозным воином, остроносым, с “драконовым лбом”, красивой бородой и семьюдесятью двумя черными родинками на левом бедре — это число считалось счастливым. Его военная карьера началась в конце III в. до н. э., когда шли последние дни существования династии Цинь и мятежные армии и бандитские шайки готовились сбросить правителя-тирана. Обладая природным даром лидера, Лю Бан становится воеводой мятежных войск. Он был искусным стратегом и отважным командиром на поле боя, но человеком необразованным. Согласно одному свидетельству, он питал особую ненависть к ученым. Когда во время восстания к нему в штаб явилась делегация конфуцианских мудрецов в полном облачении, чтобы просветить его мудростью их учения, Лю Бан не сдержался, сорвал с головы одного из ученых колпак и помочился в него.

Отсутствие манер вполне компенсировалось у Лю Бана его практическими способностями. Он победил не только войска Цинь, но и своего главного соперника в борьбе за власть, под чьим командованием он начал военную службу. Лю Бан учредил новую столицу в Чанване, вблизи современного Сианя в провинции Шэньси. Там он короновался императором и провозгласил себя Сыном Неба.

Новоиспеченная династия столкнулась с массой проблем. Нужно было заделывать бреши в государственной политике, полученные в наследство от крушения династии Цинь. Новый император раздает огромные земельные участки в виде феодальных владений своим доверенным лицам, а его преемники делают своих сыновей и родственников царями окраинных регионов империи.

В том, чтобы отдельные феодальные поместья были связаны с центром, подчинялись ему, власть полагалась на чиновников, положение которых определяли их способности, проверяемые на экзаменах, а не социальное положение или родственные связи. Способных молодых людей собирали со всех концов империи; их таланты и умения проверяли местные чиновники. Получив назначение, эти гражданские служащие могли продвигаться по служебной

лестнице в соответствии со своими достижениями; они получали пост и знак согласно рангу — золотую, серебряную или бронзовую печать с лентой пурпурного, голубого, желтого или черного цвета, указывавшими на их положение и гонорар. Императорский эдикт от 144 г. до н. э., провозглашенный отцом Лю Шэна, объявлял: “Теперь чиновники — это учителя народа. И необходимо, чтобы их повозки и одежда соответствовали их достоинству”. Эти достойные люди уносили знаки отличия с собой в могилу. Раскопки их гробниц обнаружили списки постов и этапы продвижения по службе, драгоценные конторские печати, собрания книг, написанных на шелке и на бамбуковых пластинах.

Под наблюдением этих специалистов предпринимались срочные меры социального характера, если того требовали нужды обороны или экономики, или в случае наводнений и голода. Жители перенаселенных мест, как богатые, так и бедные, были в конце концов переселены в малонаселенные районы, пригодные для сельского хозяйства. Два миллиона были сняты с обжитых мест и поселены на северных границах для обеспечения большей безопасности рубежей империи.

Такие далеко идущие планы составлялись в столице империи, Чаньане, центре ханьского мира. (В I в. н. э. после переворота, нарушившего непрерывность династической линии, императоры Хань перенесли столицу в Лоян, под сень хребта Циньлин.) В ходе раскопок в Чаньане было установлено, что через ров, окружавший город, к воротам в стенах из утрамбованной земли, поднимавшихся на 40 футов, вели 12 мостов — по три с каждой стороны. Эти укрепления окружали город, расположенный на площади 13 квадратных миль, вмещавших дворцы императорской семьи, склады, правительственные учреждения, государственный арсенал, а также убогие жилища простых людей и большие особняки богачей. Дома нескольких аристократов располагались ближе к императорскому дворцу, а бедняки селились в отдаленной от дворца северной части города. Императоры Хань жили в своих дворцах в относительном уединении, сохраняя свое величие в затворничестве от внешнего мира. Их окружали рабы, доверенные евнухи и придворные дамы: жены, наложницы и матери.

Самыми оживленными частями города и, несомненно, самыми шумными, были рыночные площади. Согласно хроникам современников, Чаньань мог похвастаться девятью, каждая из которых имела свой штат правительственных чиновников, следивших за коммерческой деятельностью. Как утверждал один автор, живший в I в. н. э., среди толчеи, продавцов зелени и фруктов, гадалок, знатоков лечебных трав и других торгующих невозможно было и головы повернуть, не говоря уж о том, чтобы провести повозку, полную товара. Покупателей иногда ждали своего рода развлечения: базарная площадь была

также местом, где в назидание проводились публичные казни, во время которых осужденные преступники лишались головы или рассекались надвое императорским палачом.

Археологи, проводившие раскопки в Чаньане с 50-х до 70-х годов, обнаружили множество форм для изготовления монет, что указывает не только на то, что денежное обращение уже прочно занимало свое место и эпоху Ранней Хань, но также и то, что металлические знаки, служившие эквивалентом при обмене, изготавливались вблизи торговых центров, откуда они начинали свое путешествие из рук в руки.

Для тех счастливых, сундуки которых ломились от этих услужливых кусочков металла, жизнь являлась почти бесконечной чередой удовольствий. Могила богатых, раскопанная современными археологами, дает исчерпывающие свидетельства того, что их жизнь была полна развлечений и удовольствий: глиняные артисты показывают фокусы, скачут, бьют в барабаны, исполняют акробатические номера и танцуют под беззвучный аккомпанемент миниатюрного оркестра, составленного из свирелей, колокольчиков и цитр. Один настенный рисунок показывает до мельчайших подробностей обстановку кухни, где повара готовят множество различных изысканных блюд для предстоящего банкета. В прекрасно созданных моделях ощущается благоухающий воздух приятных парков и садов, с разбросанными кустарниками и распустившимися цветами, с прудами, в которых плавают разноцветные карпы, с поющими птицами и крадущимися сказочными животными.

Раскопки в столицах династии Хань, к которым прибавились модели зданий, найденные в могилах, помогли современным ученым по фрагментам воссоздать облик древнего города. Дворцы, возвышавшиеся над городскими воротами с башнями, были построены из дерева, их стены оштукатурены и покрашены белой или алой краской. Среди развалин дворцов археологи находили осколки полукруглых черепиц, покрывавших крыши. Некоторые, по-видимому, покрывали карнизы крыш, так как карниз в декоративных целях оканчивался волнистой линией. Эти находки вместе с глиняными скульптурами и настенными рисунками в гробницах пролили свет на то, чем занимались их хозяева. Изображения и надписи на некоторых из находок отличались простотой формы и содержания, например, рисунок облака, другие представляли мольбу о вечном счастье, а то и заявление полуполитического характера. “Небо привело иноплеменных к покорности”, — написано на одной такой черепице, найденной недалеко от беспокойной северной границы, на другой — предупреждение всякому агрессору: “Все чужестранцы, сдавайтесь!”

Богатые и знатные жили в просторных домах, окруженных двором и беседками с галереями. Внутри домов была мебель из дерева, богато украшенная резьбой, пол был покрыт шерстяными ковриками или плетеными циновками. Чтобы скрыть свою частную жизнь,

Вместе с двором, будкой привратника и возвышающейся наблюдательной башней эта глиняная модель высотой 28 дюймов, найденная в одной из гробниц в провинции Хубэй, копирует один из сложно устроенных домов феодального поместья, которые преобладали в имениях богачей и где концентрировалась социальная и экономическая жизнь сельских районов эпохи Хань.

хозяева перегораживали комнаты ширмами. Эти дома уже давно исчезли, но уютный мир этих жилищ продолжал окружать их хозяев в стенах гробниц.

В 70-х годах археологи исследовали три гробницы в Мавандуе, местечке, расположенном недалеко от города Чанша в провинции Хунань. Гробницы принадлежали князю Даю, умершему около 186 г. до н. э., его жене, княгине, и их сыну. Гробница князя была в значительной степени повреждена водой, но две другие гробницы остались в сохранности и дали возможность глубоко заглянуть в мир эпохи Хань. Мать и сын пережили князя на 18 лет и умерли оба в течение нескольких месяцев. Вместе с ними земле было предано множество предметов повседневной жизни. В гробнице княгини они сохранились превосходно. И в гробнице ее сына, несмотря на значительный уровень влажности, уцелело много копий важных манускриптов, написанных чернилами на шелке и хранившихся в закрытых корзинках из бамбука. Эти тексты объемом в 120 тысяч иероглифов предоставили современным ученым возможность изучать работы по истории, географии, медицине, астрономии и философии, написанные более двух тысяч лет назад. Среди манускриптов имеется самый ранний текст “Даодэцзина” (“Путь и его сила”), канонического сочинения даосизма — философского течения, развившегося в период Чжаньго, который включает несколько разделов, утерянных со временем. В трактате по астрономии изображены созвездия и обнаруживаются теоретические знания по меньшей мере о пяти планетах: Венере, Юпитере, Меркурии, Марсе и Сатурне. Среди манускриптов есть даже работа, посвященная управлению физиологическими функциями организма, снабженная сорока иллюстрациями упражнений с текстом, объясняющим, что данные движения базируются на движениях животных, и описанием приемов контроля своего дыхания.

Умершая вскоре после своего сына княгиня была похоронена в гробнице рядом с его усыпальницей. В дополнение к тысяче погребальных даров гробница чудесным образом сохранила тело самой покойной (стр. 145—157), содержащее влагу и потому эластичное после 2100 лет захоронения. Чтобы испытывать счастье в потустороннем мире, она была обеспечена, заботами безутешных родных, разнообразной пищей, списком блюд и даже рецептами их приготовления.

Богатые люди империи Хань имели превосходные кушанья благодаря тяжелому труду миллионов, стоявших у подножия социальной лестницы и вырастивавших урожай, которые кормили империю. “Сельское хозяйство — это основа цивилизации, — заявляет один из императоров Ранней Хань в обнародованном декрете об обязательности уплаты зернового налога. — Нет большей обязанности”.

Императору было известно, что богатство его империи зависит от богатых урожаев крестьян. Большинство крестьян жило семьями, состоящими из четырех-пяти человек, и обрабатывало маленькие участки земли, которые иногда принадлежали семье, но чаще являлись владением феодала, имевшего право собирать налог в размере половины урожая. К владению землей относились очень серьезно, некоторые землевладельцы династии Хань требовали, чтобы в их могилу клали копии арендных документов, обеспечивающих их права на вечные времена на владение землей, в которой они будут лежать.

Самыми важными сельскохозяйственными культурами в каждом хозяйстве были зерновые, которые составляли основу и большую часть питания китайцев: в центральных районах Северного Китая — пшеница, просо, ячмень и бобы, на юге — рис. Повсюду в Китае выращивали коноплю, из волокна которой шили одежду. Те, у кого была возможность, выращивали свиней или кур, но мясо мало и нерегулярно употреблялось в пищу крестьянами, даже имевшими средний доход.

Тем, кто занимался сельским хозяйством в условиях шаткого мира в приграничных районах, иногда приходилось становиться воинами. Некоторые имения в этих районах являлись военными колониями, в которых размещались воинские подразделения, специально предназначенные для обработки полей.

В 1972 году у Хэлиньгэра в провинции Внутренняя Монголия были проведены раскопки в гробнице из шести помещений, в которой во II в. н. э. был захоронен богатый командующий полком. Внутри гробница была покрыта рисунками, изображавшими более 50 сцен с крестьянами за работой в имении полковника. Некоторые из живописных настенных рисунков показывают, что полковник считал необходимым воздвигать для защиты своего дома укрепления и сторожевую башню. Однако в Хэлиньгэре царил мир, по крайней мере в тот временной отрезок, который запечатлен художником на стенах гробницы. Полковник изображен в тот момент, когда он развлекает своих гостей жонглерами, музыкантами и танцорами, а застолье обслуживается многочисленной челядью. Вблизи группы построек, где живут обитатели имения, крестьяне обрабатывают мотыгами землю в огороде, отделенном стеной от вторжения свиней и кур, которые роются в земле, добывая пищу вокруг загонов для ягнят и телят.

Имение полковника располагается на плодородной, пригодной для выпаса земле на севере Китая, и он может посвящать свое время

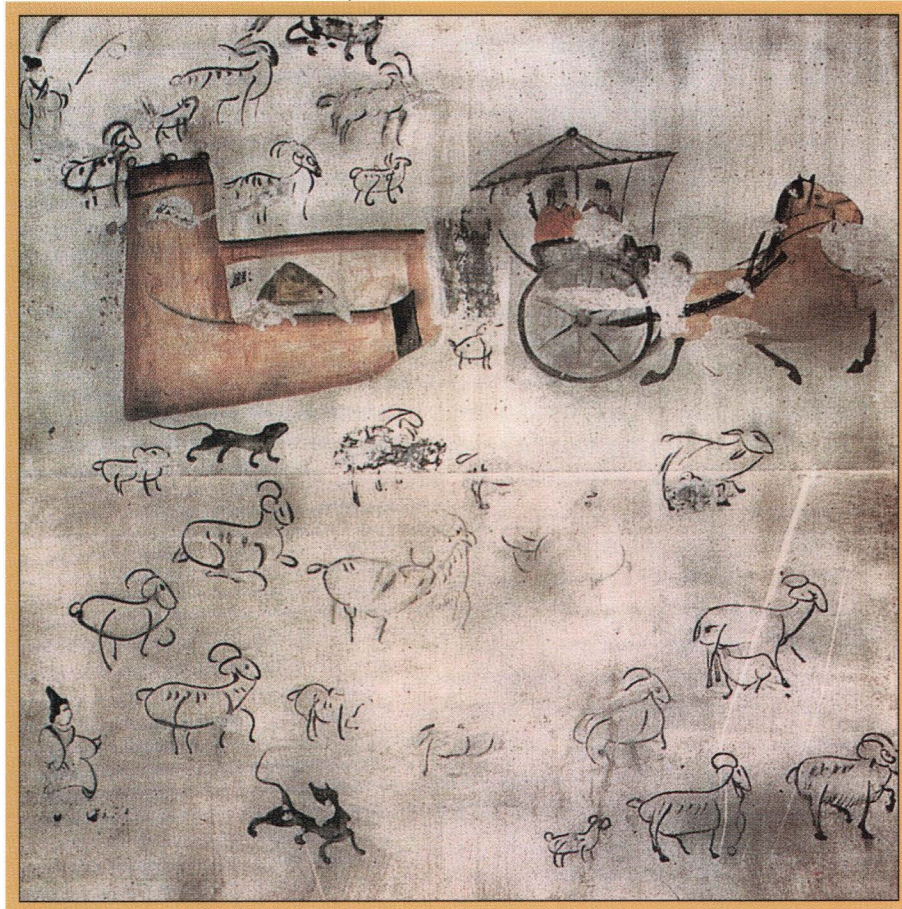
занятию разными видами сельского хозяйства: разводить скот, которому необходимы пастбища, выращивать зерно. На одном из настенных рисунков видны люди, вспахивающие плугами, которые тянут волю, огромное поле. На другом рисунке стоят запряженные волами повозки, приготовленные для доставки собранного урожая в амбары, работники, просеивающие зерно. На следующем рисунке можно видеть, как работники очищают связки конопли в пруду, где вода помогает отделить волокна, которые будут использоваться как пряжа или для свивания веревок. Полковник пробовал свои силы даже в шелководстве. Четыре женщины с веревками и крюками стоят в роще тутовых деревьев. Они занимаются сбором листьев, в которые завернулись шелкопряды. Собранные листья они затем перенесут в стоящие неподалеку плетенные из бамбука корзины.

С такого рода деятельностью был хорошо знаком губернатор одной из провинций, Цуй Ши, который тоже жил во II в. н. э. Потомок некогда богатого рода, многое потерявшего в смутные времена, Цуй Ши потратил остатки наследства, уплатив за похоронные церемонии своего отца, и пытался возместить потерянное, занимаясь презираемой обществом винной торговлей. Для того чтобы восстановить хоть частично честь рода, Цуй Ши согласился принять невыгодный пост губернатора Уюаня в провинции Внутренняя Монголия.

Занимая этот пост, Цуй Ши стремился несколько улучшить нищенское существование крестьян, наладив небольшое текстильное производство. Губернатора поразило то, что простой народ очень слабо был знаком с ткачеством. Люди носили лишь грубую одежду, изготовленную из росшей в их местности травы, чтобы защитить себя от сильных ветров, приходящих из Монголии.

Другой попыткой помочь крестьянам в их трудной жизни была небольшая работа, посвященная сельскому хозяйству, фрагменты которой пережили автора, Цуй Ши, и имеются в распоряжении современных ученых. В тексте этой работы губернатора Уюаня содержится наставление о должном соблюдении религиозных праздников, даются рецепты приготовления

На снимке изображен рисунок из гробницы с шестью помещениями. На потерявшей блеск повозке, влекомой скачущим конем, богатый полковой воевода династии Хань выезжает с кучером обозреть свои обширные владения и большие стада. Изображенный на рисунке дом полковника обнесен стеной, что указывает на вероятность нападения со стороны врагов. Крестьяне, которые работают в имении, составляют и его ополчение.

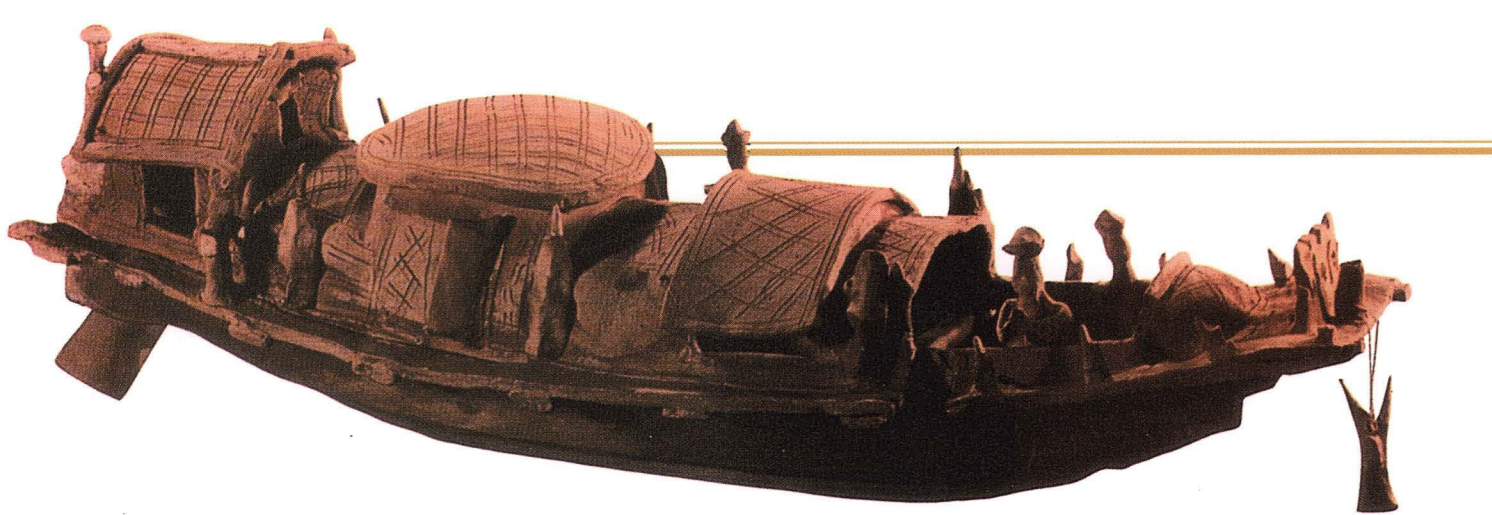
Согнувшись под тяжестью невагод и гнетом непосильной работы, крестьянин высыпает свою долю зерна под наблюдением сборщика налогов, сидящего с бамбуковыми счетными таблицами в руках. Это изображение на кирпиче эпохи Поздняя Хань, найденном в гробнице в провинции Сычуань в 1974 году, подчеркивает разницу между роскошным одеянием чиновника и нищенской одеждой сельского бедняка.

простых лекарств, указания, как обучать молодежь и выращивать скот, как использовать домашнюю утварь и полевые орудия труда. Цуй Ши поместил в своей работе удобную таблицу расписания работ на ферме в течение года, с указанием месяцев, подходящих для вспашки жирных почв и рыхлых, для сенокоса и прополки, сева овощей и сбора лекарственных трав.

Крестьянских жен Цуй Ши научил вести свой собственный календарь. В нем было указано точное время разведения шелковичных червей, для того чтобы нить получилась прочной и красивой, и время для ткачества, стирки старой одежды и шитья новой, изготовления обуви, пивоварения и консервирования свежих продуктов на зиму. И в наставление как мужчинам, так и женщинам Цуй Ши указал месяц, когда космические силы предписывают мужьям и женам для сохранения здоровья и счастья спать в разных комнатах.

Автор более ранних трактатов по сельскому хозяйству эпохи Хань, пользовавшийся при дворе императора его благосклонным вниманием, был известный реформатор II в. до н. э. Чжао Го. Он был сторонником использования новых орудий и более эффективных способов обработки земли. Он выступал за использование вместо старого деревянного плуга с одним лемехом более производительного железного плуга с двумя лемехами, который тянут пара волов или, в зависимости от обстоятельств, двое мужчин. А для того чтобы не тратить впустую дорогое зерно, он убеждал крестьян отказаться от практики разбрасывания семян во время сева на широкие полосы земли, превышающие 6 футов. Вместо этого он предлагал разделить эти полосы тремя мелкими бороздами и, идя вдоль края, бросать ценное зерно в углубления на равном расстоянии. Еще более высокие урожаи можно было получать благодаря другому изобретению — сеялке, снабженной несколькими тонкими железными трубками. Сеялку тянет воловья упряжка, и зерно в землю ложится с одинаковыми интервалами и на глубину, благоприятную для развития растения.

Для большинства крестьян эпохи Хань главным фактором успешного ведения хозяйства является массовое производство орудий труда из железа. Число частных железолитейных мастерских увеличилось во II в. до н. э., а к 100 г. до н. э. правительство создало литейные мастерские во многих провинциях, вероятно, монополизировав производство этого металла и ставя его, как и производство другого жизненно важного продукта — соли, под свой контроль. 48 государственных литейных мастерских начали изготавливать орудия труда для сельского хозяйства, бытовые предметы,

оружие, детали для повозок и другие специализированные товары, выплавляя металл в массивных, построенных из огнеупорного кирпича доменных печах и используя в качестве топлива каменный уголь. Одной из самых крупных мастерских была литейная Гунсянь в Тешэнгоу в провинции Хэнань, где археологами на площади 21 527 квадратных футов было раскопано 18 печей для получения чугуна из руды, нескольких печей для высокотемпературного литья и еще несколько для изготовления стали. В некоторых печах эпохи Хань можно было получать в день тонну металла благодаря применению воздуходушных мехов с обратным клапаном, что обеспечивало непрерывное продувание воздухом. Ручной труд, который использовался первоначально для приведения мехов в действие, был заменен в период Поздней Хань использованием энергии воды в форме горизонтально установленного водяного колеса, приводимого в действие речным потоком.

Орудия труда или их изображения, найденные в сотнях гробниц, указывают на то, что китайцы эпохи Хань использовали такие конструкции, которые снижали затраты труда и которые появились на полях Европы лишь тысячу и более лет спустя. Пользу из применения таких орудий извлекали в особенности крестьяне.

Тачка на колесах, которая была неизвестна на Западе до XI—XII в. н. э., начала использоваться тружениками Хань еще в I в. до н. э. Авторы повествования об одном святом из провинции Сычуань, на северо-западе Китая, жившие в I в. до н. э., рассказывают, что он сделал себе деревянного идола или барана и отправлялся на нем в горы. На фризе одной из гробниц, датированных 100 г. н. э., изображен человек, сидящий на отчетливо видимой тачке, еще одну тачку можно видеть в немного более поздней гробнице: она изображена в тот момент, когда ее толкает человек. В конце эпохи династии Хань тачка становится обычным транспортным средством, которое называют в народе “деревянный вол” или “скользящая лошадь”.

Обмолот зерна был облегчен благодаря механизму, приводимому в действие ножными педалями, а мякину отсеивали от зерен при помощи вееров с кривошипным механизмом. И только через 1800 лет голландские моряки, совершавшие плавание к островам

У этой глиняной модели грузовой речной лодки эпохи Хань виден под кормой руль, предназначенный для управления судном. С носовой части свисает якорь. Эта модель, найденная в гробнице II в. н. э., указывает на то, что руль был известен в Китае задолго до того, как появился в Европе.

Ост-Индии, и французские иезуиты, посещавшие Китай, привезли эту “чудо-веялку” с собой на Запад. Почти такое же время потребовалось для того, чтобы еще одно важное изобретение китайцев пришло на Запад — циркулирующий цепной насос, использовавшийся для поднятия квадратных лопаток, груженных землей или наполненных водой. Цепной насос впервые упоминается одним китайским философом в тексте, датированном 80 г. н. э.; во II в. его использовали для снабжения водой столицы Восточной Хань, Лояна. В Европе первые такие насосы появились 1400 лет спустя и являлись точной копией китайских.

Другое изобретение, косвенным образом связанное с землей, тоже нашло подтверждение благодаря раскопкам гробниц династии Хань. Это — руль, позволяющий управлять судном эффективней, чем это можно делать веслом. Они впервые появились на китайских судах эпохи Хань. Глиняная модель судна, найденная в захоронении I в. н. э., имеет руль, который мог подниматься на канатах или цепях, когда судно проплывало по мелководью. На Западе руль появился только в начале Средних веков.

Большинство историй, рассказывающих об изобретениях древних китайцев, было написано на шелке или бамбуковых пластинках; авторы этих историй еще не понимали того значения, которое приобретет изобретение бумаги, материала, которому суждено стать важнейшим в их профессии. Самая древняя в мире бумага, сохранившаяся до наших дней, была найдена в одной из гробниц в провинции Шэньси в 1957 году. Сырьем для ее изготовления служило конопляное волокно. Археологи датировали находку примерно 140—87 гг. до н. э.

На этом клочке древней бумаги не оказалось надписей. Как материал для письма бумагу стали применять в Китае только столетие спустя. До этого времени бумагу использовали как оберточный материал — ранние образцы были толстым и грубым материалом, способным почти полностью герметизировать содержимое, — или, вероятно, для гигиенических целей. В тексте, относящемся к 93 г. до н. э., сообщается, что дворцовый страж советует принцу закрывать нос куском бумаги, по-видимому, для того, чтобы уберечься от вредных паров или чтобы не получить насморк. Официальные документы расследования убийства, относящиеся к 12 г. до н. э., указывают, что яд, при помощи которого было совершено убийство, был доставлен в маленьком пакете из красной бумаги.

В начале следующего столетия бумага становится средством передачи письменной речи. Когда отряд солдат императора ретировался из сторожевой башни во время восстания ближайшего племени, была оставлена записка, состоящая из двух десятков иероглифов, поблекшая от времени, но поддающаяся расшифровке. В 1942 году во время крупномасштабных военных действий человек, пробравшийся

через расщелины, подобрал послание, пролежавшее в руинах почти две тысячи лет.

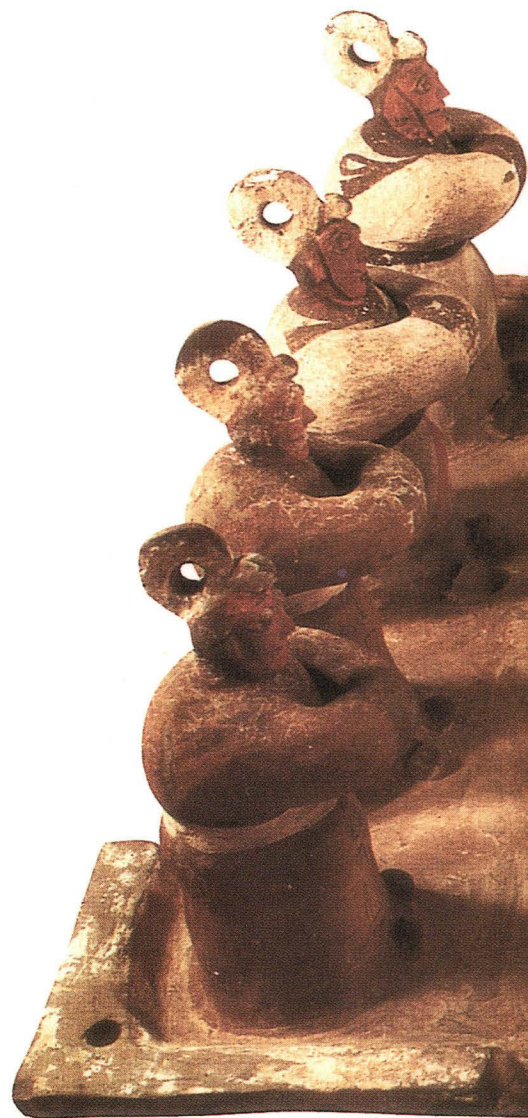
Те, кто извлекал наибольшую выгоду из использования новых материалов, инструментов, приспособлений и технических средств, не всегда были людьми их производящими, но чаще теми, кто их покупал и продавал, — торговцами и купцами, ростовщиками и предпринимателями. Историк Сыма Цянь процитировал мудрое изречение, которое соответствует не только эпохе Хань, но подходит и к другим эпохам и культурам: “Когда у людей нет богатства, они зарабатывают на жизнь своим горбом, когда у них состояние небольшое, они стремятся продвинуться вперед за счет своих мозгов, а когда у людей много денег, они ищут случай выгодно их вложить. Так обычно бывает в жизни”.

Сыма Цянь передает рассказ со счастливым концом об одном скромном чиновнике по имени Жэнь, который заведовал амбаром в смутное время падения династии Цинь и установления порядка при династии Хань. Вражеские армии, постоянно продвигавшиеся по полям местных крестьян, помешали им вовремя произвести сев. Жэнь, предвидя, что надвигаются тяжелые времена, зарыл зерно из амбара в яме и стал ждать. Вскоре из-за нехватки зерна — урожай собирать было не с чего — цена на него поднялась выше ожидаемого, и начала вырисовываться угроза голода. Большая часть имевшегося у людей золота и драгоценных камней перекочевала в сундуки Жэня в обмен на ставшее самой большой драгоценностью зерно. И в отличие от других спекулянтов, наживавшихся на войне, Жэнь и его семья жили скромно, сберегая запасы, потребляя только то, что давали их поля и стада, и скупили все самые лучшие земли в районе, обеспечив благополучие своих потомков на несколько поколений вперед.

Купцы, особенно те, кто следовал примеру Жэня, скупая на полученную прибыль землю, стали в экономике силой, с которой приходилось считаться. Но тех, кто жил своим умом и деловой смекалкой, невысоко ценили даже люди, стоявшие в очереди за товаром. В глазах аристократов, ученых и придворных чиновников, составлявших элиту эпохи Хань, лавочник, торгующий солью на рынке прямо из мешка, мало отличался от удачливого промышленника, имеющего в своем распоряжении тысячу рабов, добывающих в земле железную руду.

С самых ранних лет правления династии принимались законы, державшие нуворишей в узде и на своем месте. Например, в 199 г. до н. э. император издал указ “запретить купцам носить парчу, украшения, травчатый шелк, креповые, шерстяные ткани и дерюгу, ходить с оружием и ездить в повозке или верхом”.

Тем, у кого были деньги, трудно было удержаться от соблазна тратить их, потому что люди тогда любили красивые вещи

Акробаты, танцоры и музыканты развлекают одетых в придворные одежды чиновников, стоящих в ряд по обеим сторонам этой глиняной скульптурной композиции размером 27 дюймов в длину. Композиция, найденная в провинции Шаньдун в захоронении, относящемся к I или II в. до н. э., дает представление о том, как выступления артистов оживляли собрания подданных императора Хань, имевших достаточно денег для того, чтобы позволить себе такое развлечение.

не меньше, чем их потомки, и предъявляли высокие требования к качеству товара. Мастера часто должны были писать свое имя на каждой изготовленной ими вещи, чтобы было известно, с кого спрашивать за качество. Один из лакированных кубков I в. н. э. имеет, например, на своем дне надпись, указывающую мастерскую, в которой он был изготовлен, емкость и имена тех, кто принимал участие в его изготовлении: “Обмерен Цзинем; покрыт лаком Цзи; окончательная отделка — [Цинь]; позолота ручек — [Мао]; раскрашен Ли; гравирован И; чистовая обработка и полировка — Чжэн; контроль — И; командир охраны мастерской — Чжан; директор — Лян; заместитель директора — Фэн; помощник — Лон; писал Бао”.

Большинство предметов, составляющих гордость искусных мастеров эпохи Хань, тем не менее были сделаны людьми, чьи имена

поглотило время. И не только представители самых низших слоев населения не могли избежать забвения, на которое обрекала их система, созданная хозяевами империи. Жизнь обычных людей мало интересовала их богатых современников, пока они могли наслаждаться плодами их труда. К счастью, археологам удалось ликвидировать это белое пятно в истории Китая.

В течение нескольких лет в первой половине XX в. крестьяне Яньши Сяня в провинции Хэнань обрабатывали землю в местечке Сидацзяоцунь и называли этот район "Канавы Скелетов". Здесь из желтой почвы на свет появлялись человеческие кости так же легко, как и ростки посаженных растений, а время от времени появлялись осколки кирпичей с загадочными надписями. Те из них, которые ученые смогли расшифровать, сообщали об оковах, наказаниях и тюрьмах.

В 1964 году коллектив китайских археологов начал поиски источника этого урожая костей. Ими было обнаружено кладбище, относящееся к началу II в. н. э., состоящее из могил осужденных, умерших, отбывая наказание на каторжных работах. Осужденные работали на строительных объектах в столице империи, Лояне, развалины которой лежат в миле от места раскопок. Кладбище занимает территорию 41 800 квадратных ярдов. И хотя было раскопано только 1672 квадратных ярда, количество могил превышало на этом маленьком участке полтысячи. Длинными рядами узких, прямоугольных ям тянулись во всех направлениях.

Рядом с каждым скелетом были обнаружены один или два кирпича, на которых были написаны название рабочей бригады, к которой принадлежал осужденный, тюрьма, в которой его содержали, и наказание, полученное за преступление. Осужденные разделялись на тех, кто должен был работать в оковах, и тех, кто освобождался от этой дополнительной кары. Сообщалось о всякой профессии, с которой знаком осужденный и которая может найти полезное применение на строительстве. В некоторых могилах нашли свидетельства того, что покойники, погребенные в них, пользовались относительно большим вниманием тех, кто участвовал в похоронах: в могилах оказалось несколько мелких монет.

Большинство из скелетов принадлежало лицам мужского пола, но были и скелеты нескольких женщин-заклученных. И мужчины, и женщины, скелеты которых были найдены археологами, в большинстве своем умерли молодыми; их останки свидетельствуют о признаках крайнего переутомления. Некоторые китайские ученые полагают, что надсмотрщики содержали заключенных в невыносимых условиях. Смерть, по-видимому, была частым гостем в лагере заключенных, так как видны следы того, что по

ДРАГОЦЕННЫЙ БЛЕСК СОКА РАСТЕНИЯ

Древнее и утонченное искусство покрытия изделий лаком составляет один из первых вкладов Китая в мир красоты и высокого мастерства. Много чудесных изделий найдено в гробницах, но мало из них находилось в таких благоприятных условиях, как найденные в боковом помещении рядом с камерой, в которой находилось тело княгини Дай (стр. 145—157), до того как его раскопали в 1972 году. К числу превосходно сохранившихся предметов относится и покрытый блестящим лаком, смешанным с черной и красной красками, сосуд с разливным носиком, изображенный на снимке внизу. Вместе с изумительной работы лакированными сундуками княгини помещенные в них блюда, чаши и другие предметы посуды олицетворяют самые высокие достижения, требующие большого мастерства, зародившиеся в Китае еще в эпоху неолита.

Как и в прошлом, сок лакового дерева, растущего в Восточной Азии, добывают надрезая ствол дерева, нагревают и очищают полученный сок и наносят на изделие, которое может быть изготовлено из дерева, кожи, керамики или металла, десятками тончайших слоев. В древности даже ножны мечей, щиты и детали колесниц покрывали лаком, так как он обладает за-

щитными свойствами. Тщательно просушенные и отполированные слои застывшей смолы придают изделию приятный блеск и долговечность: лак не пропускает воду, кислоту, тепло и защищает от таких насекомых, как термиты. Смола сама по себе тусклого серого цвета, но когда пигмент — сначала красная киноварь и черный уголь, а затем, во времена Хань, голубая, зеленая, желтая, серебряная и золотая краски — смешивается с соком, смесь придает изделию только яркие, красочные тона. Эффект может быть усилен, если покрыть поверхность изделия гравировкой и нанести потом слои ярко окрашенной смеси или инкрустировать поверхность кусочками черепахового панциря или костей, как это делали во времена Шан, или серебром и золотом, как в эпоху Восточной Чжоу и Хань.

Несмотря на всю свою кажущуюся простоту, с точки зрения техники исполнения, искусство покрытия лаком, существовавшее в Китае, требует значительного количества времени и труда. Наложение каждого из многочисленных слоев требовало мастерства и сноровки, и каждый из них сох в течение нескольких дней. На поверхность изделия, покрытую резьбой, наносилось иногда около двухсот слоев лака. Изображение сложного орнамента густым лаком требовало применения исключительно качественной кисти. Отделкой каждого предмета занималось несколько мастеров, и на это уходило много времени, поэтому готовое, покрытое лаком, изделие стоило крайне дорого, в эпоху Хань — примерно в десять раз дороже, чем такое же изделие из бронзы. Однако, несмотря на дороговизну, высокая практичность и долговечность, а также и красота делали лаковые вещи предметом огромного спроса. В итоге правительство тоже стало участвовать в производстве этого дорогого, но прибыльного товара, и в I—II вв. н. э. при его участии было открыто по меньшей мере три фабрики.

прошествии нескольких лет могилы перекапывались и в них клали новых покойников. Даже в загробной жизни осужденного не ждал покой.

Еще более крупное кладбище осужденных было раскопано восемь лет спустя вблизи огромного, еще нераскопанного мавзолея императора Цзина, правившего во II в. до н. э. Раскопки, проводившиеся в 1990 году рядом с гробницей императора, озадачили всех: были раскопаны ямы с сотнями терракотовых статуэток, изображающих настоящих воинов в уменьшенном масштабе (стр. 138—139). Забота, с которой было погребено это войско, не была проявлена к душам несчастных, умерших при рытье ям, в которых были ряд за рядом установлены статуэтки, и при строительстве подземных камер, в которых эти статуэтки были поселены. На площади почти 66 880 квадратных ярдов лежали, вызывая суеверный страх, останки примерно десяти тысяч тех, кому не было дано счастья в этой жизни. Многие из них были погребены с железными оковами на шее или ноге. Останки лежали в отдельных могилах и в общих ямах.

Раскопки этого погребения подтвердили строки древних китайских хроник, сообщающих о бригадах рабочих-каторжников, строивших гробницу императора Цзина. Бань Гу в своей “Истории династии Ранняя Хань” сообщает, например, что “рабочие-заклученные, которые строили ее [гробницу], были помилованные смертники”. Но останки членов рабочих бригад, раскопанные вблизи от гробницы императора, принадлежали не только осужденным преступникам. Среди останков были кости мужчин и женщин не преступивших закона. Некоторые из них были гражданские лица, призванные официальным указом отработать 5 лет на строительстве общественных сооружений, другие — разорившиеся крестьяне, записавшиеся на кабальных условиях в бригады рабочих, после того как пережили неурожайные годы и бессердечие землевладельцев.

Тяжелый труд этих и сотен тысяч подобных им несчастных людей, останки которых еще лежат в нераскопанных могилах, обеспечивал процветание династии. Это были те люди, которые строили дворцы, где жили могущественные императоры династии Хань, и роскошные монументальные сооружения, в которых помещали тела императоров после смерти. Потом и кровью расплачивались рабочие, сооружая оборонительные стены из утрамбованной земли, тянувшиеся на сотни миль вдоль западных границ, добывая руду для производства металла, прокладывая дороги, облегчающие связь между всеми уголками обширной страны, и возводя дамбы, защищавшие население от катастрофических наводнений.

Дошедшие до наших дней хроники династии Хань рассказывают об огромных усилиях, прикладывавшихся к осуществлению одной такой программы по устранению наводнений. В 109 г. до н. э. десятки

тысяч мобилизованных рабочих нагружали, перевозили и пересыпали грунт по повелению императора У для того, чтобы заделать огромную брешь в дамбе на Хуанхэ. Чтобы ободрить этих призывников, сам монарх лично посетил место работ и прочитал там свою поэму, написанную к ознаменованию такого великого события. Каким бы ни было литературное достоинство этой работы, ее автор императорского достоинства считается в наше время самым величайшим правителем династии Хань и самым ревностным защитником империи.

Император ханьской династии У правил Китаем с 141 по 87 год до н. э., и во время его правления его армия не знала покоя. Обратив свой взор на юг, династия Хань повела наступление — усмиряя, колонизируя народы и открывая пути для торговли. Купцы и воины, прилагая совместные и настойчивые усилия, начали работу по установлению контроля со стороны династии Хань над прежде не входившими в состав Китая южными районами, такими, например, как Гуанчжоу (Кантон). Постепенно они с успехом раздвинули границы Китайской империи до самого Вьетнама. Товары купцов шли еще дальше через Юго-Восточную Азию. Керамические изделия времен династии Хань появились на Яве, Суматре и Борнео.

На севере и западе кочевые племена — старые враги китайцев, побудившие своими нашествиями воздвигнуть во времена династии Цинь оборонительную “длинную стену” — еще более алчно смотрели на плодородные земли в районе реки Хуанхэ. Самыми сильными среди них были сунну, контролировавшие Монголию. Эти свирепые воины, как считают некоторые современные ученые, были предками гуннов. Чтобы противостоять угрозе с их стороны, император У мобилизовал огромные трудовые ресурсы и повелел соорудить новые стены, ворота и сторожевые башни, а также перестроить старые укрепления. В поход в монгольские степи были отправлены войска численностью более 100 тысяч человек.

Сунну, несомненно, превосходили китайцев мастерством своей конницы, но китайцы поддерживали свою менее способную кавалерию стрелками, вооруженными арбалетами, бесконечным потоком наемников, мобилизованных для пополнения войск, талантливыми генералами и намного превосходящим противную сторону продовольственным обеспечением. Один китайский мыслитель предложил китайцам, владельцам харчевен, открыть рестораны прямо у границы, на таком расстоянии от лагерей врага, чтобы он мог чувствовать запах блюд, и, готовя деликатесы, завоевать его сердце и ум, когда у варваров потекут слюнки: “Когда у сунну появится желание есть наши блюда из риса и жареного мяса и пить наше вино, тогда они окажутся у нас в руках”. История не сообщает, заслужило ли внимания его предложение.

Наградой за труды императора У стало доминирование ханьского Китая на огромном пространстве азиатского континента, вклю-

Ряд за рядом могилы молодых рабочих, некоторые из которых погребены в оковах и большинство умерло от изнурительного труда, заполняют тесное кладбище II в. до н. э. в районе Сидачаюунь. В некоторых могилах найдены по одной-две монеты, в других только кирпичи с "эпитафией" (см. фото вверху справа), в которой указаны имя осужденного, место, откуда он прибыл, и приговор. На кирпиче, изображенном на фото вверху, указано, что покойный был приговорен к четырем годам каторжных работ.

чающем часть Кореи и Маньчжурии, и в коридоре, ведущем в среднеазиатские республики бывшего Советского Союза. Но угроза нападения со стороны сунну на северных и западных рубежах оставалась серьезной в течение всего периода правления династии Хань.

Ведя непрерывную борьбу против сунну, император У решил провести эксперимент в сфере дипломатии. До него доходили сообщения о том, что далеко на западе живут некоторые племена, питающие к сунну такие же чувства, как и Хань. Придерживаясь принципа "враг моего врага — мой друг", император для установления контакта с этими племенами направляет к ним Чжан Цяня. Один придворный историк описывает Чжан Цяня как умного, энергичного чело-

века с твердым характером, известного своим умением ладить с варварами.

Через 13 лет, когда император уже считал своего посланника мертвым, так как не имел от него никаких известий, Чжан Цянь объявился с женой из народности сунну и удивительной историей. Он был схвачен сунну и находился у них под надзором десять лет. Сунну обращались с Чжан Цянем хорошо, и, несмотря на их бдительность, через десять лет такого плена ему удалось бежать на запад, в страну под названием Бактрия, которой правили кочевники, известные под именем юэчжи. Эти юэчжи действительно были враждебны сунну, от руки которых пал отец правившего в то время вождя юэчжи. Но они не считали разумным отправляться на войну ради монарха какой-то далекой страны.

Как бы ни был Чжан Цянь разочарован провалом своего предприятия, его путешествие имело огромное историческое значение. Эмиссар императора обнаружил, что если не китайцы, то китайские товары уже далеко перешагнули за границы Китая. На рынках на

МИНИАТЮРНЫЕ ВОИНЫ ИЗ СВИТЫ ИМПЕРАТОРА ЦЗИНА

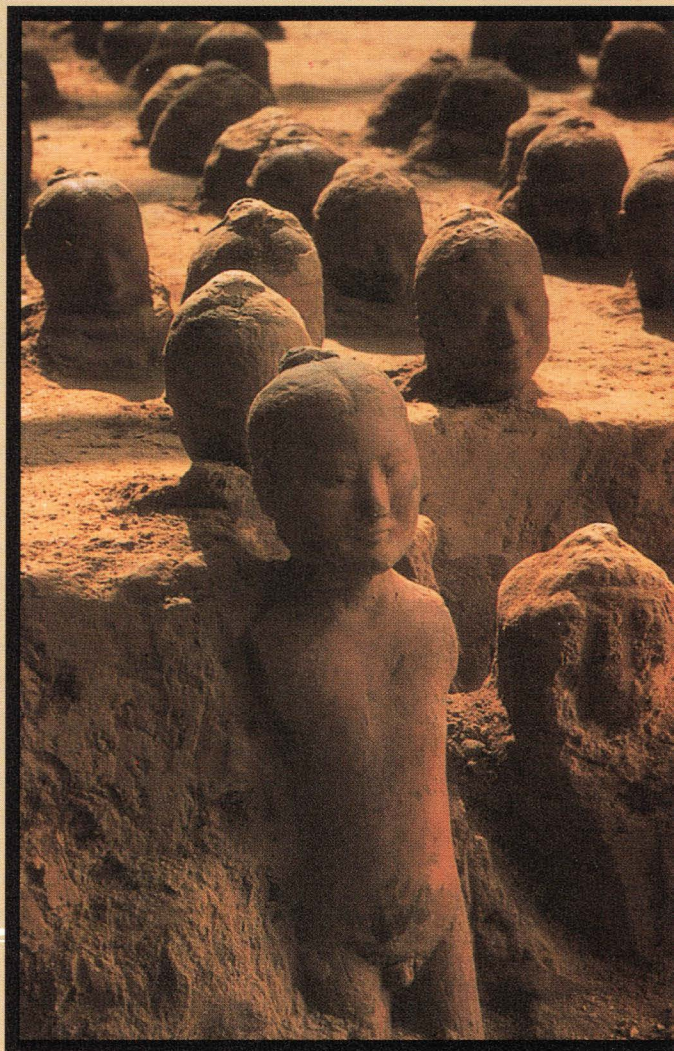
Там, где современное шоссе огибает могильный холм императора Цзина из династии Хань, расположенного не далеко от его бывшей столицы города Чаньяня, археологи весной 1990 года начали раскапывать ряды терракотовых фигур, бережно установленных в закрытых подземных камерах, сооруженных в период пятнадцатилетнего правления этого императора (156—141 гг. до н. э.).

90 фигур мужчин и женщин, раскопанных в камерах, имеют размер в три раза меньший размера глиняных солдат, изготовленных в натуральную величину, огромной армии, созданной для погребения Цинь Шихуанди в 210 г. до н. э. (стр. 105—113). Сопровождение императора Цзина к тому же, в противоположность войску Первого Императора, появляется из-под земли совершенно голым и безруким, как это можно видеть на снимках слева и справа. Куски шелковой и конопляной ткани, найденные в почве, тем не менее указывают на то, что первоначально фигуры были в одежде. Одежда, так же как и руки фигур, была изготовлена из недолговечного материала,

разрушившегося за 2100 лет нахождения в почве.

Свита императора Цзина представляет только 15 различных форм лиц, собранных из четырех компонентов, в отличие от войска императора Циня, глиняные солдаты которого представляют множество различных лиц и форм причесок. И только часть мужских фигур императора Цзина стоит в боевом порядке. Сейчас еще нельзя сказать, изображают ли до сих пор нераскопанные фигуры регулярные войска, но рас-

Стоящие погруженными до подбородка в землю, более двух тысячелетий, терракотовые фигуры, показанные на фото справа, ждут дальнейших раскопок, в то время как одна из них уже открывает свои тайны современным археологам. Вполне очевидно, что эти фигуры не потревожены грабителями и обвалами потолков и сохраняют первоначальный порядок построения.

копанные к настоящему времени представляют арьергард армии. В одной из десяти раскопанных ям отряды солдат маршируют за повозками, но рассыпанное вокруг них зерно позволяет предположить, что их роль была далеко не героической — они охраняли обоз. В другой яме находится кухонная утварь и животные, указывающие на то, что перед нами кухня.

Эта вполне мирная картина жизни предполагает общество менее воинственное, чем во времена Первого Императора династии Цинь. Но существование обширного кладбища рабочих, раскопанного вблизи в 1972 году, свидетельствует о царившем в стране деспотизме, при котором тысячи отдельных граждан должны были принудительно выполнять тяжелую работу ради посмертного возвеличивания ханьского императора Цина.

Реставраторы заняты восстановлением фигур погребальной свиты императора Цина. Они были специально откомандированы для этой работы из местных музеев и кропотливо соединяют разрозненные части фигур. Руководит группой человек, присоединяющий голову фигуры к ее торсу.

Стремления археологов объяснить назначение терракотовых фигур осложняется ущербом, нанесенным ворами и неумолимым временем, которые оставили в нескольких ямах под обвалившимся потолком кучи поломанных фигур. В музее, что будет создан на месте раскопок, восстановленные кропотливым трудом фигуры займут свое место рядом с теми, которым удалось избежать разрушения временем и людьми.

севере Афганистана Чжан Цянь с изумлением смотрел на изделия из бамбука и шелковые ткани, которые, оказывается, были сделаны в юго-западных провинциях его родного Китая. Местные торговцы рассказали ему, что эти товары привезли купцы из жаркой страны с влажным климатом, расположенной на берегах большой реки, где воины идут в сражение, взобравшись на спины слонов. Позже император У узнал, что несколько отважных торговцев из отдаленных юго-западных районов провинций Сычуань плавали морем в Индию от берегов Бирмы.

Предприимчивые китайцы в скором времени прокладывают путь на Запад, который во многом совпадает с дорогой, пройденной посланцем Чжан Цянем. Караваны идут в Персию, проходя рискованным маршрутом через Среднюю Азию. Из Персии местные торговцы, преодолев относительно короткий путь, доставляют китайские товары в Иудею, расположенную на восточном побережье Средиземного моря. Уже в I в. до н. э. китайские шелка продаются в Риме.

Сыма Цянь замечает, что теперь “все варвары на далеком Западе вытягивают шею, чтобы разглядеть Восток, и стараются сфокусировать свой взгляд на Китае”. Если не их люди, то их деньги в скором времени достигнут Китая. К 23 г. н. э. Китай уже обладает большей частью римского золота, поток которого пытается остановить римский император Тиберий. Он повелевает запретить ношение шелковых одежд мужчинам, желая тем самым сохранить запасы золота в империи от исчезновения его в переметных сумках возвращающихся домой купцов.

Как награда усилиям первооткрывателя Чжан Цяню был пожалован высокий пост. Но не все эмиссары, посланные на Запад императором У, так счастливо заканчивали свою миссию. В 107 г. до н. э., проводя еще один дипломатический эксперимент, У отправляет одну из принцесс в качестве невесты вождю кочевников: он надеется таким живым подарком склонить вождя к военному союзу. Молодую принцессу не радовала роль политической пешки. Горестные строки, написанные, как полагают, этой принцессой и присланные из места ее ссылки, еще продолжают источать печаль. “Палатка мой дом, из войлока мои стены, — пишет она. — Сырое мясо моя пища, молоко кобылицы напиток; всегда вспоминаю мою родину, от этого в сердце моем печаль”.

Эта ханьская принцесса мечтала вернуться домой, в роскошный дворец с дорогой мебелью и множеством рабов, готовых исполнить все ее капризы, прежде чем она даже подумает о них. Однако большинство женщин, будь то принцессы или дочери крестьян, считались людьми низшего, второго сорта. Девочек, рождавшихся в семье крестьян, часто умерщвляли разочарованные родители, а дамы из высших слоев общества, по-видимому, предназначались для того, чтобы выйти

замуж за человека соответствующего социального положения и рожать сыновей, продолжателей рода мужа.

И тем не менее в придворной свите императоров II в. н. э. была одна женщина, упрямо отвергавшая пассивность и невежество, на которые обрекала ее традиция, делавшая любую девочку второстепенным членом общества. Эта женщина — Бань Чжао. Она родилась в середине I в. в древней аристократической семье, в которой царила атмосфера интеллектуального подъема. Ее отец был историком, пользовавшимся высоким авторитетом, и Бань Чжао росла в доме, где учение почиталось выше всяких материальных благ. Там она получила высокое образование.

Рано овдовев, Бань Чжао становится придворным учителем и знакомит императрицу и придворных дам с классической литературой, историей, астрономией и математикой. Помимо обучения, Бань Чжао писала хвалебные стихи по случаю важных памятных дат и государственных событий, то есть была придворным поэтом. Она стала также неофициальным придворным историком императора Хэ.

Но работа, которая обеспечила Бань Чжао бессмертие, носит название “Уроки для женщин”. Автор написала ее как справочник и путеводитель по жизни для своих двух дочерей. “Мужчина, — написала она во введении, — способен планировать свою жизнь, и я глубоко сожалею, что девушки в возрасте вступления в брак в наше время необучены и неопытны”.

Главной посылкой книги было желание дать девушкам возможность получать такое же начальное образование, какое получают их братья. Для того чтобы должным образом выполнять обязанности жены и матери, утверждает Бань Чжао, женщине нужно учиться. Она, соглашаясь с дуэлизмом китайской философии, утверждавшим, что мужчина несет в себе активное начало, ян, а женщина — пассивное, инь, спрашивает: “Обучение только мужчин и необучение женщин — не является ли игнорированием сущности взаимоотношений между ними?”

Бань Чжао не оспаривала традиционное представление о том, что твердость мужчины уравнивается мягкостью женщины, что мужчина должен управлять, а женщина подчиняться. Но Бань Чжао настаивает на признании за женщиной достоинств, равных мужским, и является сторонником взаимных уступок в браке. “Правильные взаимоотношения между мужем и женой основываются на гармонии и близости, а супружеская любовь опирается на справедливый союз”.

Эта работа оказала должное влияние на придворных обоих полов. По крайней мере, один из коллег Бань Чжао, служивших в императорском архиве, послал своих жен и дочерей снять копии с работы для личного пользования и рекомендовал жить по изложенным в ней принципам.

В императорской библиотеке Бань Чжао предстояло выполнять обязанности, отвечающие желаниям любого ученого. Ее старший брат, Бань Гу, писал “Историю Ранней Хань”. Это была не только хроника событий, но и компендиум знаний того времени, заключавший в себе сведения из области математики и астрономии. Когда Бань Гу умер, его сестра Бань Чжао продолжила работу.

После смерти императора Хэ в 106 г. Бань Чжао становится политическим советником его вдовы, своей лучшей ученицы, императрицы Дэн. Благодаря своему таланту, вдовствующая императрица вышла победительницей в одном из частых закулисных столкновений в борьбе за верховную власть, в которых придворные женщины обычно были пешками, но иногда принимали активное участие. Император Хэ не назначил при жизни своего наследника, и императрица, будучи бездетной, имела право сделать выбор. Дэн провозгласила наследником младенца, моложе трех месяцев от роду, рожденного одной из наложниц императора Хэ. Через несколько месяцев ребенок умер, и она выбрала наследником двенадцатилетнего мальчика, в обход его старшего брата. И когда через три года наследник стал совершеннолетним, вдовствующая императрица продолжала возглавлять правительство, назначая своих братьев на важные военные посты и отказываясь назначить регента. Исключение она сделала лишь однажды — регентом на короткий срок был назначен ее самый старший брат. Она правила до самой смерти, продолжавшей в 121 г.

Благодаря благосклонному отношению императрицы Дэн и последующих императоров династии Хань, которые не разделяли неприязни своих предков к образованным людям, ученые последних десятилетий правления династии решили осуществить еще одно монументальное научное дело. В 175 г. они стандартизировали тексты работ, связанных с Конфуцием и его учением, и, соединив огромный объем знаний, содержащийся в них, создали произведение, которое могло бы с абсолютной точностью передать древнюю мудрость будущим поколениям. На работу ушло восемь лет и 50 каменных блоков, на которых было выбито 200 тысяч тщательно отобранных и проверенных иероглифов, составляющих текст. Согласно хроникам, тысячи ученых стекались в столицу империи, Лоян, чтобы восхититься созданным.

Великую литературу можно увековечить в камне, но ничто не может спасти от гибели династию Хань. В конце II в. волна недовольства стала усиливаться. Слабость императоров, не достигших совершеннолетия, стала причиной того, что знатные роды, связанные с правящим домом через брак, начали увеличивать свое влияние за спиной властителей. Сильное централизованное государство, бывшее гордостью великого императора У, стало рушиться;

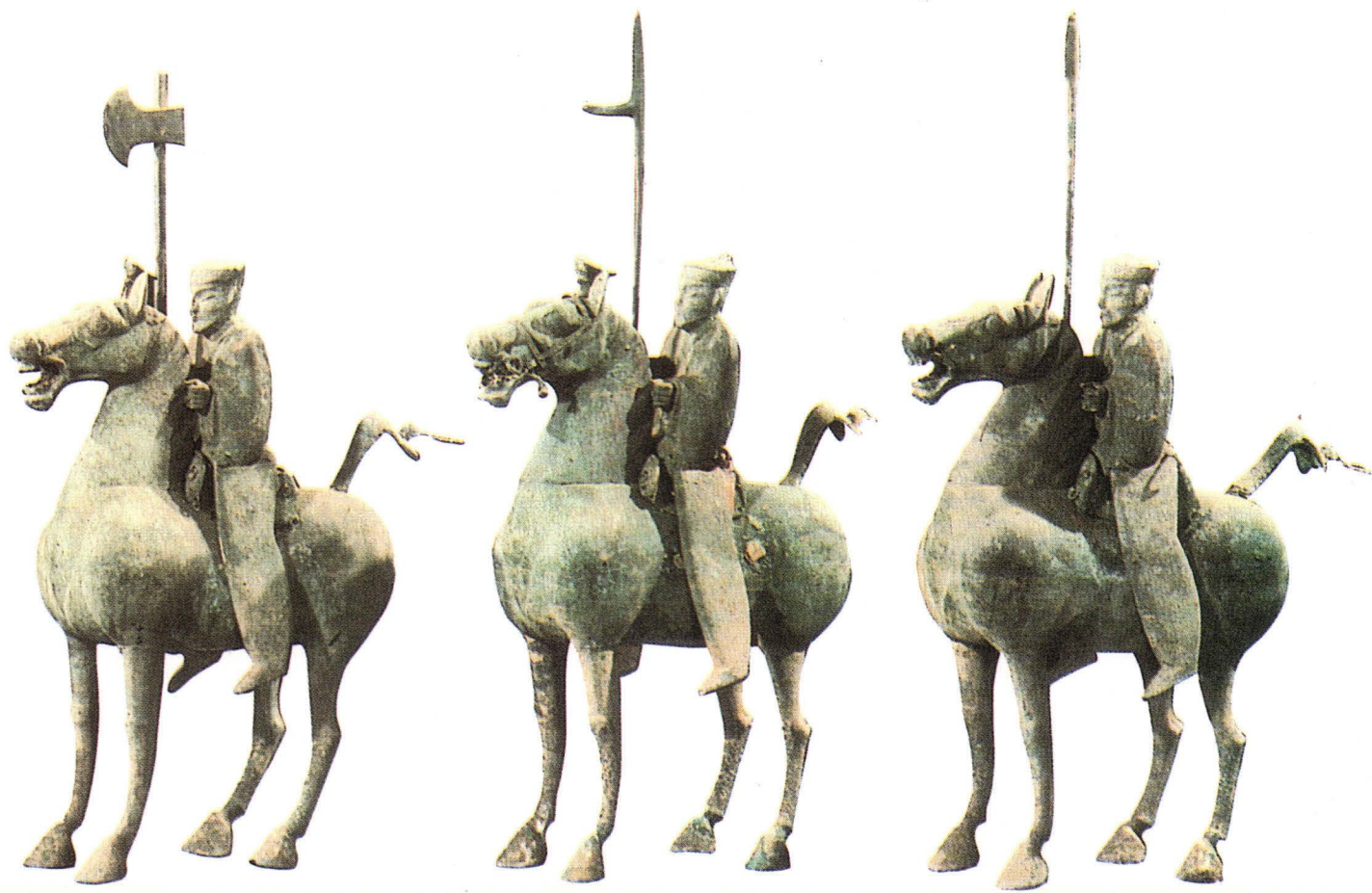
Трое крепко сидящих в седле воинов, вооруженных (слева направо) секирой, алебардой и копьем, стоят готовыми к бою среди своих бронзовых товарищей по оружию в гробнице воеводы Чжана (династия Восточная Хань). Император династии Хань, У, был настолько поражен видом лошадей среднеазиатских наездников, что повелел ввозить и разводить их для военных целей.

представители власти и управленческий аппарат в провинциях пал жертвой коррупции.

Последние императоры династии Хань были целиком во власти своих евнухов, которые считались самыми доверенными слугами трона. С течением времени эти придворные разжирели, разбогатели, накапливали земель и рабов и занимались частным предпринимательством в промышленности, имея собственные предприятия и передавая их по наследству усыновленным продолжателям рода. В 189 г. коалиция аристократов и военных, взбешенная махинациями класса, который они презирали, и опасаясь угрозы своей власти, перебили две тысячи этих выскочек, поставивших двор в сложное положение.

В сельской местности разрушения, нанесенные наводнениями и причиненные голодом, добавили хаоса в создавшуюся ситуацию. В низовьях Хуанхэ неистовствовали банды бродячих крестьян, возглавляемые тремя харизматическими лидерами, братьями Чжан, и собравшими несколько сотен тысяч вооруженных сторонников квази-религиозного движения, известного под именем "Желтые повязки". Восстание началось в 184 г. Восставшие захватили несколько городов на границе провинций Шаньдун и Хэнань и распространили свое влияние на другие районы.

Правительство императора фактически пало; власть осуществлялась только генералами, совершившими резню евнухов в 189 г.

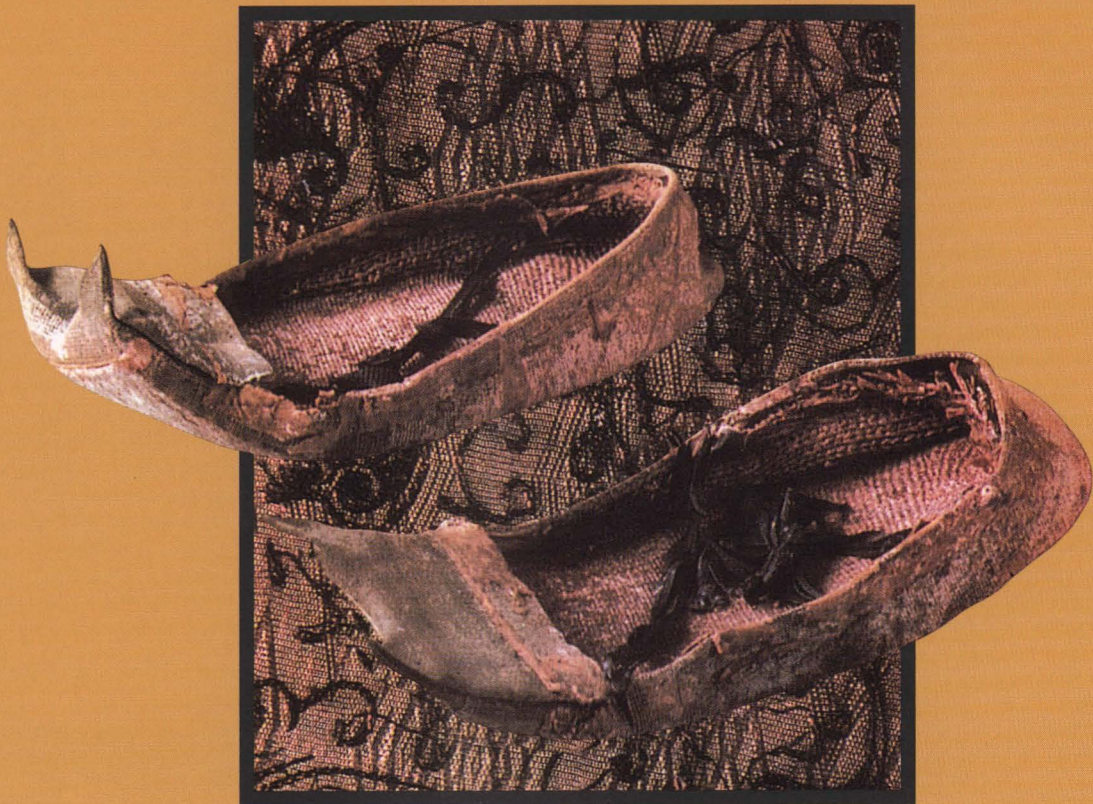
и ведущими войну с восставшими бандами. Отличавшийся особой жестокостью воевода Дун Чжо совершил поход на Лоян и посадил Сянь, которому предстояло стать последним императором династии Хань, на трон. Но спустя несколько месяцев, в том же 190 г., неуправляемая армия Дун Чжо, состоящая частично из воинов варварских племен, с яростью ворвалась в столицу, разграбила город и подожгла его.

Солдаты армии Дун Чжо сожгли императорскую библиотеку со всеми находившимися в ней бесценными работами. Ученые горько скорбели над утратой такого огромного интеллектуального сокровища, поэты — среди них Ван Цань — оплакивали конец славной эры. В серии стихов-стенаний, озаглавленной “Семь скорбей”, Ван Цань изображает постигшее всех несчастье: “Великий город запада погружается в хаос. Вот и опустошители пришли — тигры и волки. Я покидаю наш дом. Ни одной живой души, только кости белеют на равнине”.

В 220 г. император Сянь, продержавшийся на троне 30 лет, вынужден был отречься. Его отречение положило конец великой эпохе династии Хань. За ее трагическим финалом последовали четыреста лет раздробленности страны. Однако наследие эпохи Хань не было утеряно. В течение последующих эпох, во времена которых сильная власть сменялась периодами распада, ученые сохраняли и увеличивали интеллектуальное наследие эпохи Хань, художники не переставали искать совершенство форм. Династии будут приходить и уходить, но сама империя будет продолжать жить, и Сыны Неба — пусть и не прямые потомки грубого солдата Лю Бана — будут править великим Китаем в течение почти двух тысяч лет.

ЖЕНЩИНА ИЗ ПРОШЛОГО

Эта была одна из самых счастливых женщин. Она родилась на заре династии Хань. Ее звали Синь, она была княгиней Дай и жила в эпоху мира и процветания. Ее муж, князь Ли Цан, был премьер-министром Чанши, обширного царства, включавшего большую часть современной провинции Хунань. Князь принадлежал к недавно возвысившейся аристократии династии Западная Хань; он накопил огромное богатство, и его жена вела легкую беззаботную жизнь.

Княгиня Синь страдала от хронического расстройства дыхательных путей. Но ароматный воздух, который она вдыхала, был напоен музыкой цитр, слуги, умевшие приготовить роскошные блюда, которые она любила, — под рукой, а ее гладкая кожа ощущала только мягкие шелковые одежды. Когда она умерла, в возрасте примерно пятидесяти лет, ее семье не пришлось прилагать больших усилий для того, чтобы обеспечить ей такую же беззаботную загробную жизнь. Ее гробница была в изобилии наполнена едой, одеждой, косметическими средствами, лакированными изделиями и огромным количеством шелковых тканей (образцы этих тканей показаны вверху и как фон на последующих страницах). И для того чтобы прислуживать своей госпоже после смерти, как это делали ее

слуги при жизни, из дерева были вырезаны фигуры 162 музыкантов и слуг и похоронены рядом с княгиней.

Более 2100 лет княгиня и ее погребальные дары пролежали в земле похожего на седло холма, расположенного на окраине города Чанша, называвшегося во времена княгини Линьсяном. Этот холм носил название Мавандуй — Холм Принца Ма, — так как по ошибке считался надгробием могилы монарха, правившего в X в. н. э. Ошибка была исправлена в 1972 г., когда на месте холма было решено построить больницу. До того как разровнять холм, были приглашены археологи, и, проводя раскопки, они обнаружили, что холм был местом захоронения семьи Дай: Ли Цана, княгини Синь и их взрослого сына.

Эта находка была одной из самых будоражащих за время современной китайской археологии, превосходящая другие богатством материала, дающего возможность глубже понять культуру династии Хань и элиту той эпохи, стремившуюся к безграничной роскоши. И в высохших останках тела княгини Синь, чудом превосходно сохранившихся начиная с модной прически и кончая ступнями ног, одетыми в шелковые тапочки (фото вверху), двадцатый век видит неотразимого посланца ушедших времен.

СПУСК В ГЕРМЕТИЧНО ЗАКРЫТУЮ ГРОБНИЦУ

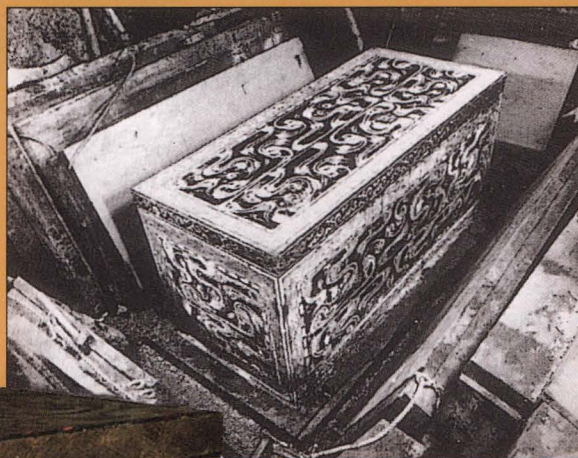
Княгиня Синь умерла вдовой и матерью, похоронившей сына, примерно в 168 г. до н. э., через 18 лет после смерти мужа. Ее сын был похоронен в том же 168 г. Тело княгини было уложено в гроб, обтянутый вышитым шелком и покрытый аппликациями из перьев. Яркое, украшенное кистями шелковое знамя длиной шесть с половиной футов, укрепленное наверху бамбукового шеста, несли перед “катафалком”, на котором тело покойной перевозили к месту захоронения, находившемуся в двух милях на восток через равнину от Линьсяна. Там, рядом с холмом, покрывавшим могилы ее мужа и сына, под землю, на глубину 52 футов, веда вертикальная шахта. Родственники покойной стояли, по-видимому, на ступенях, вырытых с четырех сторон у входа в сужающуюся книзу воронкообразную шахту, на дне которой в оболочке из глины находился массивный кипарисовый склеп.

Накрытый погребальным знаменем, расшитый шелком гроб был помещен внутрь второго гроба, который был вложен еще и в третий. Этот комплект гробов был помещен внутри отделения в центре склепа. Четыре допол-

нительных отделения вмещали погребальные предметы, подробная опись которых была сделана на 312 бамбуковых пластинках. Вокруг склепа было уложено пять тонн древесного угля, хорошо впитывающего влагу, а сверху склеп был запечатан слоем глины в три фута толщиной. До самой поверхности шахта была заполнена утрамбованной землей.

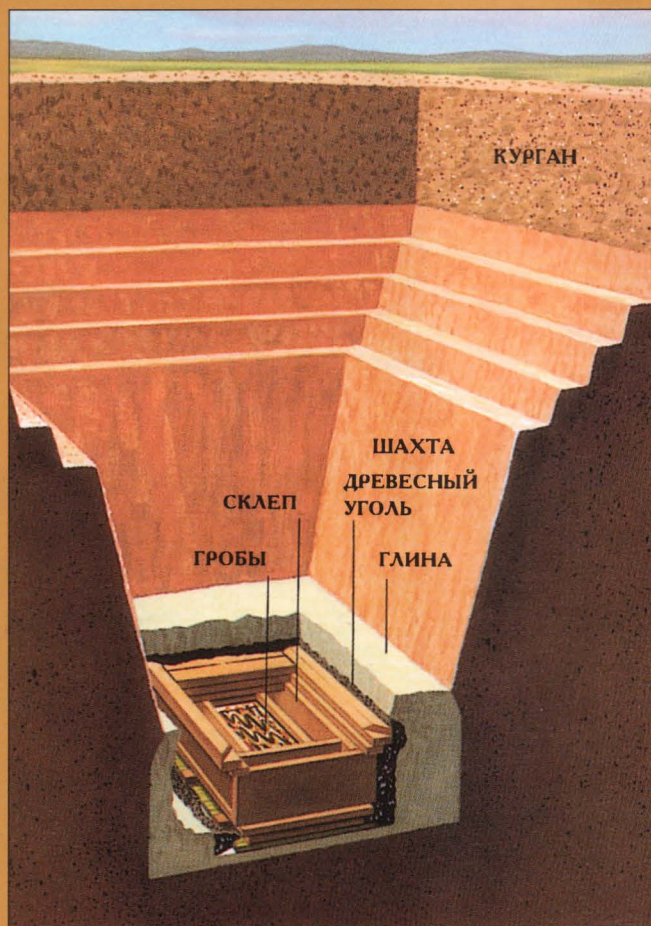
Причиной того, что останки княгини и содержимое ее могилы хорошо сохранились, был главным образом толстый слой глины, слой угля и постоянная температура в склепе. Склеп был запечатан герметично. Бактерии, способствующие разложению, погибли из-за отсутствия кислорода. Разрушительные грунтовые воды не смогли просочиться через изоляционные слои, не смогла выйти наружу и влага, источниками которой были свежие продукты и труп княгини, содержащиеся внутри. В результате в склепе образовалась прохладная, с высокой влажностью, почти стерильная среда, в которой нежные шелка, хрупкие лакированные изделия и закутанное в саван тело самой княгини остались не тронутыми временем: они не сгнили и не превратились в пыль.

Кипарисовые доски, которые разделяли склеп на отдельные камеры, отставлены в сторону (фото справа), и виден третий гроб, в котором заключены два внутренних. Этот гроб имеет длину 8,5 футов и расписан узорами из завитков и мифологических фигур, предохраняющих от злых духов. Покрытый красным лаком средний гроб, длиной 7,5 футов (фото внизу), украшен изображениями животных-покровителей: оленей, тигров, драконов и фениксов, — которые должны были сопровождать душу в ее странствии. Внутри среднего гроба находился обшитый шелком гроб, содержащий останки княгини.

Занесенное в опись погребальных предметов как "фэйи" развевающееся одеяние, раскрашенное шелковое знамя Т-образной формы, положенное лицевой стороной вниз на крышку внутреннего гроба, — первая находка подобного рода в захоронениях, оцененная некоторыми специалистами как самое большое сокровище данной гробницы. Среди нанесенных на него многокрасочных рисунков есть один, изображающий несколько согбенную, пожилую женщину в центральной части знамени (подробнее на стр. 148), по-видимому княгиню. Интерпретации богатой иконографии знамени различны, но в общем они сходятся на том, что рисунки представляют видение древними вселенной, с преисподней внизу и небесами наверху, открывающими свои врата, чтобы принять покойника в мир теней.

Искусственно возведенный холм с плоской вершиной высотой 13 футов покрывает шахту, ведущую к месту захоронения, окруженному 3—4-футовым слоем белой глины. Находящийся внутри кипарисовый склеп покрыт 15—19-дюймовым слоем, древесного угля. Склеп имеет 9 футов в высоту, 22 фута в длину и 16 футов в ширину. Внутри склепа камера с гробами и четыре отделения для предметов погребения.

РЕЗУЛЬТАТЫ АУТОПСИИ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Тело княгини Дай, погребенное двадцать один век назад, имеет мало признаков разложения. Кожа мягкая и гладкая, суставы подвижны, волосы прочно держатся на голове. Внутренние органы в таком отличном состоянии, что аутопсия позволила сделать подробное медицинское обследование.

Рост княгини был 5 футов, в свои пятьдесят лет она имела излишек веса, группу крови А и в молодости рожала детей. Заболевание туберкулезом оставило рубцы на ее легких, еще она страдала от калькулезного холецистита, кишечных паразитов и от боли в правой руке, где был старый, плохо сросшийся перелом. Заболевание межпозвоночного хряща в районе поясницы привело к деформации позвоночника и, несомненно, причиняло боль при ходьбе. Самым серьезным ее заболеванием был прогрессирующий атеросклероз — сужение артерий, заболевание, которое современные врачи связывают с употреблением животного жира и сидячим образом жизни, свойственным жителям промышленно развитых стран XX века.

По всей видимости, княгиня не отличалась от современного администратора, страдающего избытком веса и несоразмерностью форм, любящего хорошо поесть и слишком мало двигающегося. Ее левая коронарная арте-

рия — главный сосуд, обеспечивающий сердце кислородом, — была почти полностью блокирована. Пакетики с лечебными травами, найденные в гробнице, указывают на то, что ее врачи прописали ей корицу, кору магнолии и перечные зерна для лечения болезни сердца. Но эти традиционные средства лечения болезни сердца, еще употребляемые китайскими “травниками”, были, несомненно, бесполезны. “Нет сомнения, — заявляет американский кардиолог Тсунг О. Ченг, который изучал сообщения о вскрытии тела княгини в 1973 г., — что княгиня умерла от сердечного приступа”.

Фрагмент на похоронном знамени княгини Синь. Трое сопровождающих княгиню почтительно наблюдают за тем, как колеснопреклоненные слуги подают пожилой княгине еду. Сгорбленность спины княгини врачи объясняют как связанное с возрастом искривление позвоночника. В гробнице была найдена трость, на которую княгиня опиралась во время ходьбы.

Княгиня лежала в гробу, обернутая в 20 слоев шелковых тканей и одетая в платья, обвязанные снаружи девятью шелковыми лентами (фото справа). На этом аккуратном свертке лежали два одеяла, одно из желтого газа, другое из темно-красного шелка, оба стеганные и с вышитыми на них символами долголетия.

В Хунаньском медицинском колледже, куда эксперты со всего Китая приезжали изучать останки, которым уже 2100 лет, проводится рентгеноскопия тела княгини. Сто тридцать восемь семян мускусной дыни, найденные в пищеводе, желудке и кишечнике княгини Синь, указывают на то, что смерть ее наступила внезапно, вскоре после того, как она съела большой кусок дыни.

ОДЕЖДЫ ИЗ “ПЛЫВУЩЕГО ТУМАНА”

По указу экономного императора Ваня во времена княгини Синь было запрещено погребать вместе с покойником золото, бронзу и серебро. Поэтому в ее гробнице нет драгоценных металлов. Но роскошные ткани, не говоря уже о лакированных изделиях, более чем достаточное доказательство того, что род Дай был богат и знатен.

Ко II в. до н. э. китайцы разводили шелкопряда и использовали его коконы для изготовления тканей и одежды уже более тысячи лет. Китай владел монополией на производство шелка, и шелк был средством обмена, уплаты налогов, дани и жалования военнослужащим. Богатые наслаждались шелком, были одеты в шелковые одежды с головы до пят, спали между шелковыми простынями, украшали свои дома шелковыми коврами и гобеленами и заворачивали все, начиная от лекарств и кончая музыкальными инструментами, в эту ткань.

Ненасытный аппетит аристократии к шелку удовлетворялся легионами рабочих, от сельских ткачей-одиночек до фабрик, которыми владело правительство. Производство огромного количества шелковых изделий требовало

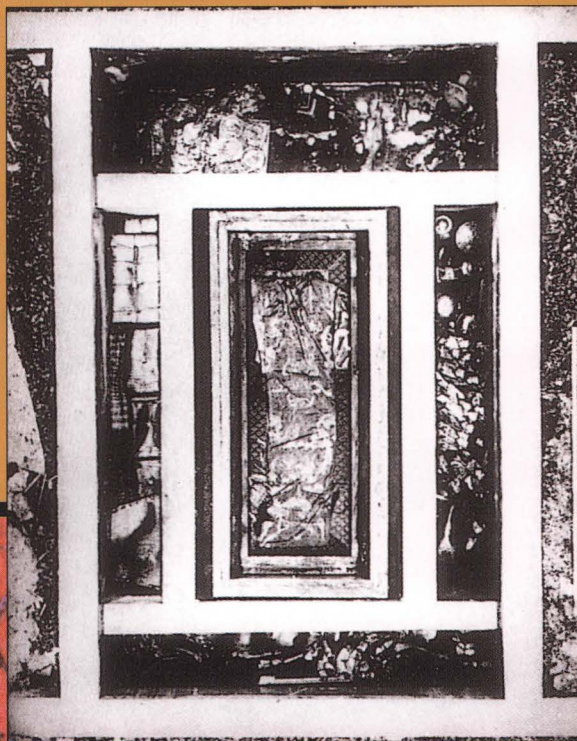
неимоверных трудовых затрат. Отрез только на одно платье из шелковой материи с тамбурной строчкой, с рисунком, символизирующим долголетие, как на ткани, служащей фоном для этих двух страниц, требовал месяцев труда опытного вышивальщика.

Более ста хорошо сохранившихся изделий из шелка, найденных в гробнице княгини, — клад древних китайских тканей, перед которым меркнут все прежние находки, — демонстрируют широкий диапазон изделий из шелка, выполненных в технике династии Хань. Поражает виртуозное мастерство ткачества, окраски, шитья и отделки тканей. В могиле княгини ткани всевозможных видов, начиная от газовых тканей, “плывущего тумана”, невесомых, как крыло стрекозы, и кончая тяжелой разноцветной парчой, среди них креп и дамск, тафта и твид.

В гробнице княгини полный гардероб: нижнее белье, ночные рубашки, жакеты, платья, юбки, перчатки, тапочки и носки. В дополнение имелось 46 цельных кусков шелковых тканей, которых хватило бы на несколько поколений портных и белошвеек, чтобы шить новые одежды для своей госпожи в мире теней.

Погребальные предметы княгини лежат в том положении, в котором они были найдены, после того как открыли склеп и сняли крышки со всех гробов, кроме третьего (покрытого шелковым погребальным знаменем). Западное отделение (слева от гробов) включает множество коробок из бамбука, в шести из них шелковые одежды и ткани. Коробки обвязаны веревкой, которая скреплена печатью из глины с надписью: “Управляющий князя Дай” (фото сверху).

Помятые, но вполне пригодные для носки подбитое ватой платье, вап-хивающаяся юбка и пара рукавиц, расшитых завитками, были среди предметов шелковой одежды, упакованных для гробницы княгини Синь. Вместе с другими предметами гардероба княгини это были первые неповрежденные временем одежды эпохи Хань, найденные в наши дни. До находок в Мавандуе одежда эпохи Хань была известна только по рисункам.

ЕДА ДЛЯ РОСКОШНЫХ ПИРОВ

Княгиня Дай наслаждалась высоким мастерством своих поваров. 30 коробок из бамбука и несколько десятков глиняных емкостей содержали все ингредиенты, необходимые для великолепных пиров: рис, пшеницу и чечевицу; корешки лотоса, землянику, груши, финики и сливы; свинину, оленину, говядину, баранину, зайчатину и мясо собаки; гусятину, утятину, курятину, мясо фазанов, горлиц, воробьев, журавлей и сов; карпов, лещей, окуней и золотых рыбок, по-видимому, вылавливаемых в собственных рыбных прудах княгини. В гробнице были пакетики со специями и ароматическими веществами для улучшения вкусовых качеств блюд и кувшины, в которых, вероятно, было вино, чтобы все это запивать. Но это еще не все: среди описи содержимого гробницы на 312 бамбуковых пластинах были многословные объяснения основных кулинарных приемов, указания для лучшего подбора компонентов блюд; описание использования таких приправ как соевый соус, а также меда и соли; классические рецепты и способы приготовления и сохранения пищи, очень похожие на те, которые используются в наши дни. Пищу готовили на открытом огне, на пару, жарили в масле, отваривали в кипящей жидкости. Мясо и рыбу заготавливали впрок: солили, мариновали и сушили на

солнце. На бамбуковых пластинах упомянуты даже способы разделки туши и различные деликатесные куски, такие как бок оленя или собаки, губы и язык коровы. Хотя на одной из бамбуковых пластин и имеется указание на наличие в специальном сосуде конины, излюбленной пищи в Китае во времена Хань, в могиле княгини Синь его не нашли.

Обнаружение такого широкого ассортимента съестных припасов и рецептов дало возможность современным ученым подробно ознакомиться с едой и напитками правящей элиты во времена династии Хань, чей богатый и разнообразный стол представлял поразительный контраст скудному обеду простых людей, утолявших голод едой из пшеницы, проса, ячменя и сои.

Пиршественная роскошь столов высших классов вызывала осуждение даже в то время. В консервативных кругах порицалось такое расточительство, как внесезонная охота и блюда из маленьких рыб и едва оперившихся птенцов, призванное угодить прихотям аристократов, желавших новых деликатесов. Обильные пиры богатых сравнивали со скромной трапезой прежних времен, когда вино и мясо подавали только на празднества, и даже аристократы соблюдали строгие правила убоя животных.

Лакированный поднос с разнообразными блюдами стоит в драпированном шелком северном отделении склепа. Лакированные тарелки (на фото на следующей странице они стоят пустыми) содержат куриные ножки, свиные ребрышки и кусочки рыбы, высохшие за прошедший 21 век со времени приготовления, но еще различимые. Аккуратно уложенные палочки для еды как будто ждут прикосновения чьей-то невидимой руки.

Сорок яиц пролежали столетия в бамбуковой корзинке длиной 19 дюймов (справа). В других коробках находились фрукты: сливы и изображенные на фото под корзинкой вясохшие груши. Из сорока восьми бамбуковых коробок, находившихся в гробнице, 30 содержали продукты; в остальных были ткани, лекарственные травы и домашние принадлежности.

Сервис для зазробных трапез княгини представляет собой изящные столовые блюда и приборы, которыми пользовались в домах богатей династии Хань. Они сделаны из дерева и покрыты лаком, черным снаружи, красным внутри, и украшены декоративным орнаментом. Чашка овальной формы с двумя полукруглыми ручками имеет внутри надпись, гласящую: "Да будет по вкусу вам это вино!" Черпак длиной 25 дюймов был сделан так, чтобы можно было вычерпать все до последней капли из кувшина с вином.

ЛАКИРОВАННЫХ ИЗДЕЛИЙ НА ЦЕЛОЕ СОСТОЯНИЕ

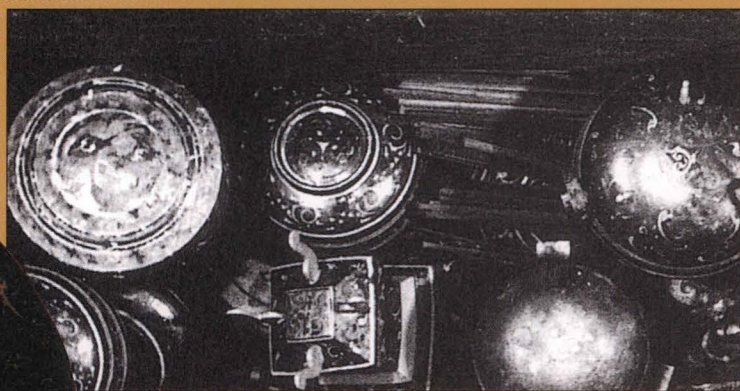
Как и дорогие шелка и обильная изысканная пища, 182 лакированных предмета, найденные в гробнице княгини Дай, свидетельствуют о пристрастии к роскоши среди заботившейся о своем положении знати династии Западная Хань. Лакированные предметы считались самыми дорогими из всех производимых товаров, они на много превосходили в цене аналогичные изделия из бронзы. Согласно одному тексту современника династии Хань, на изготовление только одной лакированной чашки высокого качества может потребоваться труд ста ремесленников: чтобы вырезать тонкую основу из дерева,

покрыть множеством слоев блестящего лака и нанести сложный декоративный рисунок.

Лакированная утварь, погребенная вместе с княгиней, представляет собой обширную и разнообразную коллекцию дорогих изделий, превосходящую по ценности и количеству предметов все найденные прежде. Кроме тарелок, чаш и подносов, использовавшихся княгиней за обедом, эта коллекция включает вазы, миски, тазы, подлокотники, несессеры, небольшие ширмочки, использовавшиеся в декоративных целях и как средство защиты от сквозняков.

Благодаря уникальной среде, образовавшейся в гробнице, коллекция лакированных предметов сохранилась лучше всех найденных ранее. В то время как большинство старых лакированных предметов со временем высыхают — деформируются и распадаются на мелкие части, — предметы в гробнице княгини, веками находившиеся в воздушной среде, которую археологи называли “перенасыщенной”, фактически были во влажном состоянии и сохранили тот же вид, какой имели при запечатывании склепа.

Этот четырехгранный сосуд для вина высотой 20 дюймов был найден среди покрытых лаком изделий, установленных в одном из боковых отделений склепа (см. фото внизу). На многих из этих предметов надпись: “Собственность князя Дай”.

Некоторые косметические средства и туалетные принадлежности великосветских дам династии Хань находятся в разделенном на секции футляре диаметром 14 дюймов. В верхнем отделе лежали: шарфик, пояс, зеркала в футляре и три пары шелковых рукавичек. Девять маленьких коробок в нижнем отделе содержат пудру, румяна, заколки для волос с орнаментом, гребни, кисти и длинный шиньон.

Деревянные туалетные принадлежности, необходимые для ухода за внешностью, включают (слева направо): косметическую кисточку из щетины, декоративную шпильку, пинцет и гребенку с мелкими зубьями.

Лакированный треножник, называющийся в Китае дин, использовался для хранения пищи или как емкость для подачи на стол готовых блюд, вероятнее всего, подобия тушеного мяса, которое называлось гэн и было основой меню китайцев в эпоху Хань. Форма треножника копирует форму традиционного бронзового сосуда, использовавшегося для приготовления пищи на сильном огне.

ТЕ, КТО ДЕЛАЛ ЖИЗНЬ БЕСКОНЕЧНОЙ ЧЕРЕДОЙ УДОВОЛЬСТВИЙ

Вместе с роскошными предметами обихода в гробницу княгини были помещены 162 деревянные фигуры, представляющие большую свиту слуг, делавших приятным времяпрепровождение своей госпожи. Большинство из них — небольшие раскрашенные статуэтки высотой 18—20 дюймов, вероятно, изображающие работников, занятых поддержанием порядка в доме, сбором урожая и заботой о домашних животных, выполняющих обязанности на кухне и бесконечное множество других работ.

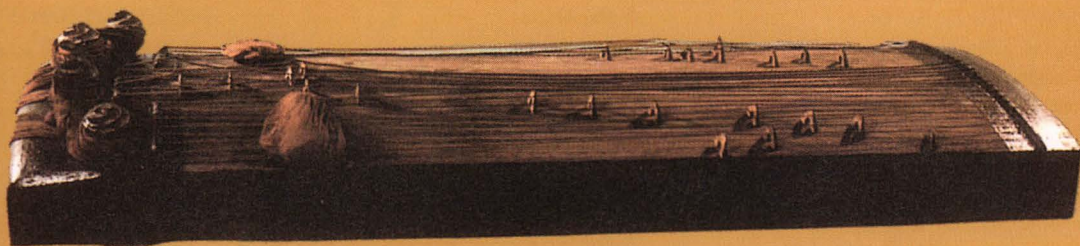
18 более крупных фигур, некоторые из которых выше 30 дюймов высотой, одеты в платья из тканей и, по-видимому, представляют слуг высокого ранга. Две фигуры мужчин в прекрасных одеждах скорее всего изображают чиновников княгини, ведавших ее домашним хозяйством. Десять женских фигур в шелковых одеждах могут быть личными доверенными служанками госпожи. А восемь других больших статуэток — это музыканты и танцоры, указывающие на любовь к музыке княгини Синь и на то, как высоко ценили музыку аристократы династии Хань.

Вполне очевидно, что богатые люди Чанши надеялись обрести покой в загробном мире, взяв с собой такую свиту. Однако в этом регионе, богатом своими литературными традициями, в некоторых работах прослеживается совсем иной, тревожный мотив. Загробный мир, изображенный в древней поэме “Песни из Чу”, показан не царством, населенным множеством исполнительных слуг, расторопных чиновников и артистов, призванных развлекать, а мрачным местом, где правит кровожадное божество “со страшными рогами на лбу”, которое преследует и истязает души умерших.

В старой поэме с горестью говорится о покойном, который, призывая душу вернуться в тело, пробуждает счастливые картины мира живых: “О душа, вернись в неторопливый и спокойный мир! Наслаждайся в стране Чу, тихой и безмятежной. Дай волю своей фантазии, исполни свои желания, оставь свои заботы. О душа, вернись в мир удовольствий, которым нет числа!” Это была та счастливая жизнь, которую знала княгиня Синь, — страна удовольствий и наслаждений, в которую ей никогда уже не вернуться. Богатая гробница и вся ее роскошь были лишь бледным и жалким подобием этой страны.

Одетая в шелк статуэтка мужчины — слуги высокого ранга, высотой 31 дюйм (справа), лежала в гробнице среди фигур меньшего размера, одежда которых изображена краской (внизу). Оставив древний обычай приносить в жертву слуг после смерти их хозяина или хозяйки, китайцы во времена княгини Синь клали подобные фигурки взамен живых слуг в могилу с покойником.

Ансамбль музыкантов из гробницы княгини — вырезанные из дерева фигурки высотой в фут (см. внизу) — играют на миниатюрных копиях музыкальных инструментов, с которыми их живые коллеги развлекали двор князя Дай. Трое из них играют на цитрах, двое — на губных гармониках. Настоящие музыкальные инструменты, такие как цитра (вверху) и губная гармоника (справа), тоже были среди предметов в могиле княгини. Цитра — это инструмент, снабженный 25 струнами, регулируемые колками и лежащими на подвижных кобылках. Губная гармоника состоит из 22 бамбуковых трубок, прикрепленных к деревянному мундштуку.

НЕПРЕРЫВНАЯ ЦЕПЬ ТРАДИЦИЙ И ИЗОБРЕТЕНИЙ

Огромная территория Китая — от пустынь на западе и лесов с речными долинами на севере до джунглей на юге — была благоприятной для жизни *гомо сапиенса* и предшествующих ему видов в течение почти двух миллионов лет. Его плодородные равнины были местом обитания ланьтяньского человека, гоминида, который, судя по ископаемым останкам, существовал полтора миллиона лет назад, а после него *гомо эректус*, пекинского человека — синантропа, чьи останки имеют возраст полмиллиона лет.

Благодаря другим находкам предполагается, что *гомо сапиенс* появился на территории Китая 200 тысяч лет назад. В эпоху палеолита охотники, вооруженные каменными орудиями, преследовали саблезубых тигров, слонов и других зверей.

В неолитическое время, начавшееся примерно 7 тысяч лет назад, стало зарождаться земледелие, началось одомашнивание животных, и люди научились создавать глиняную посуду — прототип появившихся позднее отлитых из бронзы сосудов, — многочисленные останки которой указывают на места стоянок неолитических сообществ. Постепенно из отдельных племен — среди них выделяется Шан — возникают государства, контролируемые династией правителей. После двух тысяч лет соперничества между собой эти государства объединяются под эгидой царства Цинь в империю; это объединение принесло стабильность и способствовало огромному техническому прогрессу и обновлению общества.

ШАН

ок. 1700—ок. 1050 гг. до н. э.

СТАТУЭТКА ИЗ НЕФРИТА

В конце III тысячелетия до н. э. некоторые неолитические племена научились выплавлять бронзу. Последующие культуры усовершенствовали процесс получения бронзы и положили начало бронзовому веку. Племенные союзы начали превращаться в государства под властью царей, и одно такое государство бронзового века — Шан — распространило свою власть на некоторые другие. В 30-х годах нашего века китайские археологи начали раскопки столицы поздней эпохи Шан, располагавшейся вблизи Аньяна в провинции Хэнань, где были обнаружены царские гробницы. К тому времени, когда столица Шан была перенесена в это место, китайцы уже научились отливать бронзовые сосуды необыкновенной красоты.

На некоторые бронзовые сосуды наносились письмена, которые стали основой китайской письменности. Надписи были обнаружены и на панцирях черепах и воловьих костях, использовавшихся царями Шан для гадания. Эти наследные монархи, являясь как религиозными, так и политическими лидерами страны, проводили священные ритуалы. Во время важных церемоний и погребения царей имели место человеческие жертвоприношения. В Шан поклонялись верховному божеству Шан-Ди.

В эпоху Шан китайцы овладели мастерством изготовления шелка и создавали путем обжига при высокой температуре керамические изделия. Они вырезали из нефрита изящные фигурки наподобие изображенной сверху, показывающей коленопреклоненного человека. Ее нашли в гробнице Фу Хао, супруги царя У Дина, которая, как полагают, сама руководила военными походами, защищая интересы своего супруга.

ЗАПАДНАЯ ЧЖОУ

ок. 1050—771 гг. до н. э.

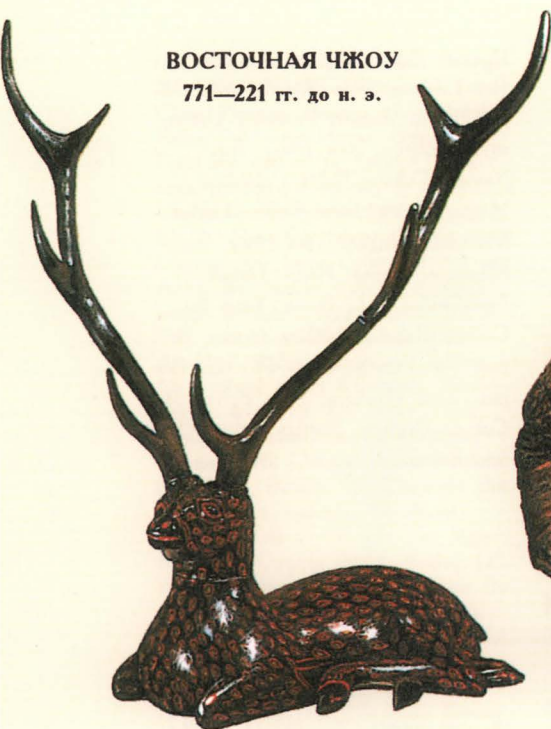

БРОНЗОВЫЙ СОСУД

На западе границ территории, контролируемой династией Шан, существовало государственное образование племени Чжоу, цари которого совершали со своим войском частые набеги на земли Шан. В одном из таких походов, начатом примерно в 1050 г. до н. э., умер царь Чжоу, Вэнь Ван. Его сын, У Ван, ставший царем Чжоу, вскоре после этих событий завоевал и разрушил Аньян, вынудив последнего царя Шан, Ди Синя, совершить самоубийство. В течение следующих 279 лет преемники У Вана, цари династии Западная Чжоу, будут править Китаем из своей столицы, располагавшейся вблизи Сианя в провинции Шэньси, давшей название их династии.

После завоевания Китая У Ван разделил земли Шан и Чжоу на территории, которые отдал в управление своим подчиненным, заложив тем самым фундамент феодальной системы, которая будет затем развиваться. Вассалы должны были обрабатывать землю, которой их наделили, поставлять войско для борьбы с набегами варваров, платить царю дань и постоянно посещать двор государя. Церемониальная музыка, поэты, художники и пышные зрелища добавляли величия царскому двору. На территориях, подчиненных власти Чжоу, выросли новые укрепленные стенами города.

Ремесленники совершенствовались в изготовлении изделий из нефрита и продолжали выплавлять из бронзы ритуальные сосуды, подобные изображенной сверху. На многих сосудах появились надписи, возведающие о важных для царя и его рода событиях.

ВОСТОЧНАЯ ЧЖОУ

771—221 гг. до н. э.

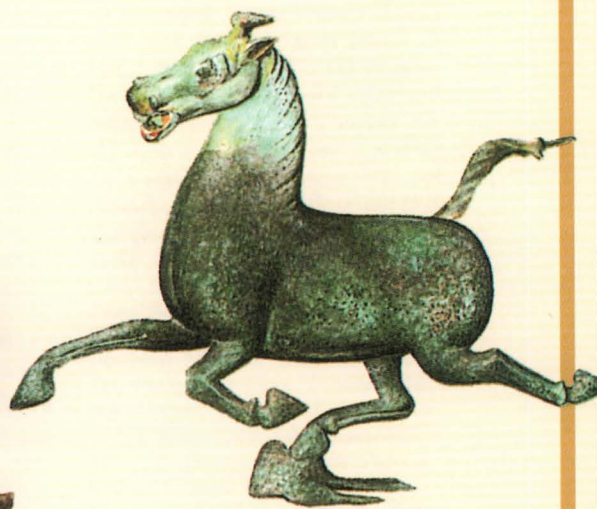
ЛАКИРОВАННАЯ СТАТУЭТКА ОЛЕНЯ

ЦИНЬ

221—206 гг. до н. э.

СТОЯЩИЙ НА КОЛЕНЕ
ТЕРРАКОТОВЫЙ ЛУЧНИК

ХАНЬ

206 г. до н. э.—220 г. н. э.

БРОНЗОВАЯ ЛОШАДЬ

В 771 г. до н. э. орды варваров разгромили войска Чжоу и разрушили столицу. Спасаясь от их угрозы, новый правитель, Пин Ван, бежал на восток, в Лоян в провинции Хэнань, где основал свою столицу. С этого времени принято называть эпоху династией Восточная Чжоу. Вассальные территории, учрежденные первыми царями Чжоу, стали превращаться в независимые государства, в то время как монархи династии Чжоу становились все более только лишь церемониальными правителями.

Эпоху Восточная Чжоу традиционно делят на два периода: Чуньцю (Весна и Осень) продолжался до 481 г. до н. э., за ним последовал период Чжаньго (Враждующих Царств). Оба периода отмечены борьбой за гегемонию крупных государств и феодальных правителей. Войны происходили все чаще и чаще, но даже во время этой борьбы за верховную власть между государствами население в городах росло, философия, литература и ремесла процветали, а техника достигала все новых высот. Увеличивалось производство украшений, таких как лакированная статуэтка оленя, изображенная вверху, и стало возможным производство изящных изделий из металла, благодаря освоению способа плавления изделий по готовым формам из воска.

В начале эпохи Восточная Чжоу существовало около 170 государств. К концу эпохи большинство было поглощено семью крупными государствами, подготовившимися довести борьбу за верховную власть до конца.

Из семи оставшихся к концу III в. до н. э. государств расположенное на западе государство Цинь оказалось сильнейшим. Его правитель царь Чжэнь и советник царя Ли Сы смогли объединить Китай. В 221 г. до н. э. Чжэнь провозгласил себя Цинь Шихуанди, что значит Первый августейший император. Объединение завоеванных им государств ознаменовало начало новой эпохи в истории Китая. Империя, находившаяся под его властью, простиралась от Восточно-Китайского моря до предгорий Гималаев, на севере его границы проходили по территории современной Внутренней Монголии, а на юге достигали современных границ Вьетнама. Столицей государства был Сяньян, располагавшийся на берегах Вэйха.

Первый Император не допустил дробления государства на феодальные уделы, а установил по всей империи жесткую централизованную власть. Для упорядочения торговли он повелел изготавливать стандартные монеты, а также привести в порядок систему веса и других мер. Он издал декрет о единой форме письменного языка. При нем по всей стране была проложена система дорог, а на севере возведена защитная стена. Для него был выстроен огромный дворец и гробница, полная сокровищ. Терракотовые фигуры в рост человека, аналогичные изображенной вверху, найденные в его гробнице, дают большое представление о силе и стратегии его мощной военной организации. Его смерть в 210 г. до н. э. повлекла за собой гражданские войны, закончившиеся в 206 г. до н. э. установлением власти династии Хань.

Династия Хань была основана одним из руководителей мятежников, Лю Баном. Центральный чиновничий аппарат был усилен, в него набирали людей в соответствии с их способностями.

Во II в. до н. э. при императоре У был проложен маршрут для торговли с западными странами. Этот маршрут контролировали государственные чиновники и он получил известность как Шелковый путь. Китайский шелк пользовался большим спросом по всей Азии, на Ближнем востоке и в Европе; в обмен Китай получал золото, лошадей, верблюдов, парфюмерию и другие необходимые товары.

Чугун и сталь, производимые в большом количестве на государственных предприятиях, заменили бронзовые орудия труда, но большинство украшений продолжали изготавливать из бронзы. Одно из них, грациозно скачущую лошадь, можно видеть на снимке вверху. Ярко раскрашенные, покрытые лаком изделия из дерева и керамика достигли высокого художественного уровня. Примерно в 105 г. н. э. была изобретена бумага.

Правление династии Хань было прервано в 9 г. н. э., когда в ходе борьбы за власть различных группировок императором стал Ван Ман, племянник вдовствующей императрицы. В 23 г. Ван Ман был свергнут и династия Хань реставрирована. Столица была перенесена из Чаньяня на восток, в Лоян провинции Хэнань, а период истории получил название Восточная, или Поздняя, Хань. Ко времени падения в 220 г. власти династии Хань Китай стал сильной и процветающей страной, самым большим государством в Азии.

Редакторы и авторы выражают свою признательность всем специалистам, которые оказали неоценимую помощь при подготовке этого тома:

Massimo Baistrocchi, Rome; Chang Liantai, China Pictorial, Beijing; W. T. Chase, Freer Gallery of Art, Washington, D.C.; R. A. Crighton, Fitzwilliam Museum, Cambridge; Ursula Didoni, Linden-Museum, Stuttgart; Danielle Elisseeff, Rédactrice de la Revue Bibliographique de Sinologie, E.H.E.S.S., Paris; Lavetta A. Emory, Arthur M. Sackler Gallery, Washington, D.C.; Anne Farrer, British Mu-

seum, London; Feng Haojiang, The Institute of Archaeology, Chinese Academy of Social Sciences, Beijing; Keita Fujimoto, Asahi Shimbun, Tokyo; Valérie Gagliano, Les Dossiers d'Archéologie, Dijon; April Goebel, National Geographic Society, Washington, D.C.; Guo Weifu, Cultural Relics Publishing House, Beijing; Günter Heil, Berlin; Colleen Hennessey, Arthur M. Sackler Gallery, Washington, D.C.; Patricia Kattenhorn, British Library, London; Thomas Lawton, Freer Gallery of Art, Washington, D.C.; Liu Suchen, China Pictorial, Beijing; O. Louis Mazzatenta, National Geographic, Washington, D.C.; Jessica

Rawson, British Museum, London; Ren Lingjuan, New World Press, Beijing; Karen Richter, Princeton University, Princeton, New Jersey; Sun Yarong, Cultural Relics Publishing House, Beijing; Peter Thiele, Linden-Museum, Stuttgart; Tian Hong, Time Magazine, Beijing; Nadia Tumati, Foto-Grafica s.r.l., Rome; Yang Jin, Cultural Relics Publishing House, Beijing; Yao Furong, China Pictorial, Beijing; Zhao Haisheng, State Bureau of Cultural Property, Foreign Affairs Office, Beijing.

И Л Л Ю С Т Р А Ц И И

Ниже, с искренней благодарностью авторов, приводится список источников, из которых были взяты иллюстрации для этого тома. Весь перечень организован в три столбца, различные источники в столбцах отмечены косой чертой.

Cover: Seth Joel, New York. Background The Nelson-Atkins Museum of Art, Kansas City, Mo. (Nelson Fund) 33-521. End paper: Art by Paul Breeden. 6: Seth Joel, New York. 8, 9: Art by Time-Life Books. 10-13: Cultural Relics Publishing House, Beijing. 14: Carl Whiting Bishop Papers, Freer Gallery of Art and Arthur M. Sackler Gallery Archives, Smithsonian Institution, Washington, D.C.: neg no. 391-24. 15: Carl Whiting Bishop Papers, Freer Gallery of Art and Arthur M. Sackler Gallery Archives, Smithsonian Institution, Washington, D.C.: neg no. 571.1-64—Photograph Book I, no. 56—Photograph Book I, no. 5. 17: Freer Gallery of Art, Smithsonian Institution courtesy W. T. Chase (2)—The Art Museum, Princeton University, Gift of Mr. and Mrs. Earl Morse, photo by Bruce M. White Photography, New York. 18, 19: Neg. no. 2A

8661, courtesy Department of Library Services, American Museum of Natural History, New York. 20: Lowell Georgia/Photo Researches, New York. 22, 23: Academia Sinica, Taipei, Taiwan. 24, 25: Seth Joel/Woodfin Camp & Associates—Academia Sinica, Taipei, Taiwan. 27: Shanghai Museum, Shanghai. 28: Asian Art and Archaeology. 29: Asian Art and Archaeology (3)—Xinhua Photos, Beijing (2)—Asian Art and Archaeology. 30, 31: The Metropolitan Museum of Art, Munsey Fund, 1931 (24.72.1-14), photograph by Schecter Lee; courtesy of The Nelson-Atkins Museum of Art, Kansas City, Mo., Collection of Laurence Sickman. 32, 33: Cultural Relics Publishing House, Beijing. 35: Courtesy of the Freer Gallery of Art, Smithsonian Institution, Washington, D.C., 56.26: Ceremonial vessel of the type p'an. Chinese metalwork, 12th-11th century BC bronze: 12.1 x 32.5 cm. 36, 37: Background Shanghai Museum, Shanghai. Robert Harding Picture Library, London; courtesy of the Arthur M. Sackler Gallery Archives, Smithsonian Institution, Washington, D.C., S1987.51: Ritual food-serving vessel (Wuchen Gui). Chinese metalwork, 12th-11th century

BC cast bronze: 16.3 cm. H. x 29.2 cm. W. x 21.6 cm. D., photo by John Tsantes—Seth Joel, New York. 38, 39: Background copyright British Museum, London. Albright-Knox Art Gallery, Buffalo, N.Y., Arthur B. Michael Fund, 1953; Seth Joel/Woodfin Camp & Associates—Colorphoto Hans Hinz, Basel. 40, 41: Background Shanghai Museum, Shanghai. The Metropolitan Museum of Art, Bequest of Addie W. Kahn, 1949 (49.135.15, 49.135.11) photograph by Lynton Gardiner (2); Lavaud/Artepht, Paris. 42: Cultural Relics Publishing House, Beijing. 45: China Pictorial, Beijing—Asian Art and Archaeology. 47: Background China Pictorial, Beijing. Hubei Provincial Museum, Wuhan; Cultural Relics Publishing House, Beijing. 48: Background China Pictorial, Beijing. Asian Art and Archaeology (2)—China Pictorial, Beijing. 51: Map by Time-Life Books. 52: Cultural Relics Publishing House, Beijing. 56: Corner art by Paul Breeden. Cultural Relics Publishing House, Beijing—Cultural Relics Publishing House, Beijing; Cultural Relics Publishing House, Beijing. 57: Corner art by Paul Breeden. Hebei Provincial Museum, Shijiazhuang; Cul-

tural Relics Publishing House, Beijing. 59: China Pictorial, Beijing. 60, 61: China Pictorial, Beijing. 62: Cultural Relics Publishing House, Beijing. 63: From the Arthur M. Sackler Collections, photograph courtesy of the Arthur M. Sackler Foundation. 64: Calligraphy by Dr. Shen Fu, Senior Curator of Chinese Art, Freer Gallery of Art and Arthur M. Sackler Gallery, Smithsonian Institution, Washington, D.C.—The Institute of Archaeology, Chinese Academy of Social Sciences, Beijing. 65: Cultural Relics Publishing House, Beijing. 67: Prof. Dr. Peter Thiele, Director, Linden-Museum, Stuttgart, Germany. 70: Cultural Relics Publishing House, Beijing. 72: Copyright British Museum, London. 73: Asahi Shimbun, Tokyo. 74, 75: The State Bureau of Cultural Relics, Beijing (2); Asahi Shimbun, Tokyo; The State Bureau of Cultural Relics, Beijing. 76, 77: The State Bureau of Cultural Relics, Beijing. 78: Asahi Shimbun, Tokyo—The State Bureau of Cultural Relics, Beijing. 79: The State Bureau of Cultural Relics, Beijing. 80, 81: The State Bureau of Cultural Relics, Beijing; copyright British Museum, London; The State Bureau of Cultural Relics, Beijing (3). 82: Daniel Schwartz, Zurich. 84: From *Jenseits der Grossen Mauer*, Bertelsmann Lexikon Verlag, Munich, 1990/courtesy Shaanxi Archaeological Overseas Exhibition Corporation, Xi'an. 86, 87: Daniel Schwartz, Zurich. 88, 89: From *Jenseits der Grossen Mauer*, Bertelsmann Lexikon

Verlag, Munich, 1990/courtesy Shaanxi Archaeological Overseas Exhibition Corporation, Xi'an. 91: From *Jenseits der Grossen Mauer*, Bertelsmann Lexikon Verlag, Munich, 1990/courtesy Shaanxi Archaeological Overseas Exhibition Corporation, Xi'an—Daniel Schwartz, Zurich. 92, 93: The National Museum of Chinese History, Beijing. 94: China Pictorial, Beijing. 95: Art by Time-Life Books. 96: Seth Joel, New York. 97: Shaanxi Archaeological Overseas Exhibition Corporation, Xi'an. 98, 99: From *The First Emperor of China*, by Arthur Cotterell, Macmillan London Ltd., 1981/ courtesy Shaanxi Archaeological Overseas Exhibition Corporation, Xi'an—Daniel Schwartz, Zurich. 100: Foto Claus Hansmann, Munich. 101: Bibliothèque Nationale, Paris. 102, 103: New World Press, Beijing. 105: Howard Nelson, London. 106, 107: China Pictorial, Beijing. 108, 109: Don Hamilton, Hamilton Photography & Film Co., Spokane, Wash. 110: New World Press, Beijing (2); Gianni Dagli Orti, Paris. 111: New World Press, Beijing. 112, 113: Seth Joel, New York; Seth Joel/Woodfin Camp & Associates; Seth Joel, New York; Gianni Dagli Orti, Paris (hand colored by Fred Holz). 114: The Nelson-Atkins Museum of Art, Kansas City, Mo. (Nelson Fund) 33-521. 117: The Institute of Archaeology, Chinese Academy of Social Sciences, Beijing (3)—China Pictorial, Beijing. 118-119: Map by Time-Life Books. 120-122: The Museum of

the Western Han Tomb of the Nanyue King, Guangzhou. 126: Cultural Relics Publishing House, Beijing. 128: China Pictorial, Beijing. 129: Courtesy of the Chinese Culture Center of San Francisco. 130: Cultural Relics Publishing House, Beijing. 132, 133: Asian Art and Archaeology. 134: Don Hamilton, Hamilton Photography & Film Co., Spokane, Wash. 137: The Institute of Archaeology, Chinese Academy of Social Sciences, Beijing. 138, 139: O. Louis Mazzatenta, National Geographic Society. 143-145: China Pictorial, Beijing. 146, 147: Background China Pictorial, Beijing. Asian Art and Archaeology; China Pictorial, Beijing; art by Fred Holz; Asian Art and Archaeology. 148, 149: China Pictorial, Beijing; seeds, Hunan Provincial Museum, Changsha. 150, 151: Background China Pictorial, Beijing. Cultural Relics Publishing House, Beijing; China Pictorial, Beijing (4). 154, 155: Background China Pictorial, Beijing. Asian Art and Archaeology; Cultural Relics Publishing House, Beijing; Asian Art and Archaeology—China Pictorial, Beijing. 156, 157: Background China Pictorial, Beijing. Cultural Relics Publishing House, Beijing; China Pictorial, Beijing; China Pictorial, Beijing; Cultural Relics Publishing House, Beijing—China Pictorial, Beijing. 158, 159: Art by Paul Breeden.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

КНИГИ

Andersson, J. Gunnar. *Children of the Yellow Earth: Studies in Prehistoric China*. Translated by E. Clausen. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1973.
Avrin, Leila. *Scribes, Script and Books*. Chicago: American Library Association, 1991.

Bagley, Robert W. *Shang Ritual Bronzes in the Arthur M. Sackler Collections*. Washington, D.C.: Arthur M. Sackler Foundation, Arthur M. Sackler Museum, Harvard University, 1987.
Ba Shu Bronze Ware. Compiled by the Provincial Museum of Sichuan. Sichuan, China: Chengdu Publish-

ing House and Macau Sinobrothers, n.d.
Blunden, Caroline, and Mark Elvin. *The Cultural Atlas of the World: China*. Alexandria, Va.: Stonehenge Press, 1991.
Bodde, Derk. *China's First Unifier*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 1967.

- Bodde, Derk (trans.). *Statesman, Patriot, and General in Ancient China: Three Shin Chi Biographies of the Ch'in Dynasty*. New Haven: American Oriental Society, 1940.
- Buchanan, Keith, Charles P. Fitzgerald, and Colin A. Ronan. *China*. New York: Crown Publishers, 1981.
- Capon, Edmund. *Qin Shihuang: Terracotta Warriors and Horses*. Melbourne: Art Gallery of New South Wales and International Cultural Corporation of Australia Limited, 1982.
- Capon, Edmund, and William MacQuitty. *Princes of Jade*. New York: E. P. Dutton, 1973.
- Chang, K. C.:
The Archaeology of Ancient China (4th ed.). New Haven: Yale University Press, 1983.
Art, Myth, and Ritual: The Path to Political Authority in Ancient China. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983.
Shang Civilization. New Haven: Yale University Press, 1980.
- Chang, K. C. (ed.). *Food in Chinese Culture: Anthropological and Historical Perspectives*. New Haven: Yale University Press, 1977.
- Ch'ên, Shou-yi. *Chinese Literature: A Historical Introduction*. New York: Ronald Press, 1961.
- Chêng Tê-K'un. *Archaeology in China, Volume 3: Chou China*. Cambridge: W. Heffer & Sons, 1963.
- Christie, Anthony. *Chinese Mythology* (Library of the World's Myths and Legends series). New York: Peter Bedrick Books, 1987.
- A Chronological Table of Chinese and World Cultures. Taipei, Taiwan: National Palace Museum, 1986.
- Claiborne, Robert, and the Editors of Time-Life Books. *The Birth of Writing* (Emergence of Man series). New York: Time-Life Books, 1974.
- Clayre, Alasdair. *The Heart of the Dragon*. Boston: Houghton Mifflin, 1984.
- Cohen, Ioan Lebold, and Jerome Alan Cohen. *China Today and Her Ancient Treasures* (2d ed.). New York: Harry N. Abrams, 1980.
- Cotterell, Arthur. *The First Emperor of China*. London: Macmillan, 1981.
- Cotterell, Yong Yap, and Arthur Cotterell. *The Early Civilization of China*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1975.
- Creel, Herrlee G. *The Origins of Statecraft in China, Volume 1: The Western Chou Empire*. Chicago: University of Chicago Press, 1970.
- Crump, J. I. (trans.). *Chan-Kuo Tse*. Oxford: Clarendon Press, 1970.
- The Cultural Atlas of the World: China*. London: Andromeda Oxford, 1991.
- d'Argencé, René-Yvon Lefebvre. *Bronze Vessels of Ancient China in the Avery Brundage Collection*. San Francisco: Asian Art Museum, 1977.
- Deydier, Christian. *Chinese Bronzes*. Translated by Janet Seligman. New York: Rizzoli, 1980.
- Elisseeff, Danielle, and Vadime Elisseeff. *New Discoveries in China: Encountering History through Archeology*. Translated by Larry Lockwood. Secaucus, N.J.: Chartwell Books, 1983.
- Fessler, Loren, and the Editors of Life. *China* (Life World Library). New York: Time, Stonehenge Book, 1963.
- Fidler, Sharon J., and J. I. Crump. *Index to the Chan-Kuo Tse*. Ann Arbor: Center for Chinese Studies at the University of Michigan, 1974.
- The First Men* (The Emergence of Man series). New York: Time-Life Books, 1973.
- Fleming, Stuart J. *Authenticity in Art: The Scientific Detection of Forgery*. New York: Crane, Russak, 1975.
- Fong Wen (ed.). *The Great Bronze Age of China*. New York: Metropolitan Museum of Art and Alfred A. Knopf, 1980.
- Fontein, Jan, and Tung Wu. *Unearthing China's Past*. Boston: Museum of Fine Arts, 1973.
- Gascoigne, Bamber. *The Dynasties and Treasures of China*. New York: Viking Press, 1973.
- Gaur, Albertine. *A History of Writing*. London: British Library, 1984.
- Orms of China's Cultural Relics*. Compiled by Editorial Committee of "Gems of China's Cultural Relics". Beijing: Cultural Relics, 1992.
- Gernet, Jacques. *A History of Chinese Civilization*. Translated by J. R. Foster. New York: Cambridge University Press, 1982.
- Gettens, Rutherford John. *The Freer Chinese Bronzes*. (Vol. 2). Washington, D.C.: Freer Gallery of Art, Smithsonian Institution, 1969.
- Goepper, Roger. *Das Alte China*. Munich: C. Bertelsmann, 1988.
- Han Zhongmin and Hubert Delahaye. *A Journey through Ancient China*. London: Muller, Blond and White, 1985.
- Hay, John. *Ancient China*. Edited by Magnus Magnusson. New York: Henry Z. Walck, 1973.
- Hook, Brian (ed.). *The Cambridge Encyclopedia of China*. New York: Cambridge University Press, 1991.
- Hopkirk, Peter. *Foreign Devils on the Silk Road*. London: John Murray, 1982.
- Hsu, Cho-yun. *Ancient China in Transition*. Stanford: Stanford University Press, 1965.
- Hsu, Cho-yun, and Katheryn M. Linduff: *Journey into China*. Washington, D.C.: National Geographic Society, 1987.
- Western Chou Civilization*. New Haven: Yale University Press, 1988.
- Huang, Ray. *China: A Macro History*. Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, East Gate Book, 1988.
- Hulsewé, A. F. P. *Remnants of Ch'in Law*. Leiden, Netherlands: E. J. Brill, 1985.
- Hunan Provincial Museum and Institute of Archaeology, Academia Sinica. *The Han Tomb No. 1 at Mawangtui, Changsha*. Hunan Province, China: Heibonsha, 1976.
- Jia Lanpo and Huang Weiwen. *The Story of Peking Man: From Archaeology to Mystery*. Translated by Yin Zhiqi. New York: Oxford University Press, 1990.
- Keightley, David N. *Sources of Shang History: The Oracle-Bone Inscriptions of Bronze Age China*. Berkeley: University of California Press, 1978.
- Keightley, David N. (ed.). *The Origins of Chinese Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1983.
- Knauth, Percy, and the Editors of Time-Life Books. *The Metalsmiths* (The Emergence of Man series). New York: Time-Life Books, 1974.

- Lacquer: *An International History and Illustrated Survey*. New York: Harry N. Abrams, 1984.
- Latourette, Kenneth Scott. *A Short History of the Far East*. New York: Macmillan, 1946.
- Lau, Aileen (ed.). *Spirit of Han*. Singapore: Southeast Asian Ceramic Society and Sun Tree, 1991.
- Lawton, Thomas (ed.). *New Perspectives on Chu Culture during the Eastern Zhou Period*. Washington, D.C.: Smithsonian Institution, Arthur M. Sackler Gallery, 1991.
- Ledderose, Lothar, and Adele Schlombs (eds.). *Jenseits der Grossen Mauer: Der Erste Kaiser von China und Seine Terrakotta-Armee*. Munich: Bertelsmann, 1990.
- Levenson, Joseph R., and Franz Schurmann. *China: An Interpretive History*. Berkeley: University of California Press, 1969.
- Li, Dun J. *The Ageless Chinese: A History*. New York: Charles Scribner's Sons, 1965.
- Li Chi. *Anyang*. Seattle: University of Washington Press, 1977.
- Li Xueqin. *Eastern Zhou and Qin Civilizations*. Translated by K. C. Chang. New Haven: Yale University Press, 1985.
- Loewe, Michael: *Everyday Life in Early Imperial China during the Han Period, 202 BC-AD 220*. New York: Dorset Press, 1968. *The Pride That Was China* (Sidgwick & Jackson Great Civilizations series). New York: St. Martin's Press, 1990.
- The Magnificent Maya* (Lost Civilizations series). Alexandria, Va.: Time-Life Books, 1993.
- Merson, John. *The Genius That Was China*. Woodstock, N.Y.: Overlook Press, 1990.
- Peoples and Places of the Past*. Washington, D.C.: National Geographic Society, 1983.
- Pirazzoli-t'Serstevens, Michèle. *The Han Dynasty*. Translated by Janet Seligman. New York: Rizzoli, 1982.
- Qian Hao, Chen Heyig, and Ru Suichu. *Out of China's Earth: Archaeological Discoveries in the People's Republic of China*. Edited by Patricia Egan. New York: Harry N. Abrams, 1981.
- The Quest for Eternity: Chinese Ceramic Sculptures from the People's Republic of China*. San Francisco: Los Angeles Country Museum of Art and Chronicle Books, 1987.
- Rawson, Jessica. *Ancient China*. London: British Museum, 1980.
- Rawson, Jessica (ed.). *The British Museum Book of Chinese Art*. London: British Museum, 1992.
- Recent Archaeological Discoveries in the People's Republic of China*. Paris: UNESCO, 1984.
- Schafer, Edward H., and the Editors of Time-Life Books. *Ancient China* (Great Ages of Man series). New York: Time-Life Books, 1967.
- 7000 Years of Chinese Civilization*. Milan: Silvana Editoriale, 1983.
- Shoten, Kadokawa (ed.). *A Pictorial Encyclopedia of the Oriental Arts, Volume 1: China*. New York: Crown, 1969.
- Sivin, Nathan (ed.). *The Contemporary Atlas of China*. Boston: Houghton Mifflin, 1988.
- Smith, Bradley, and Wan-go Weng. *China: A History in Art*. New York: Doubleday, 1979 (rev. ed.). *A Soaring Spirit* (Time-Frame series). Alexandria, Va.: Time-Life Books, 1987.
- Stein, Aurel. *Innermost Asia*. London: Clarendon Press, 1928.
- Stockwell, Foster, and Tang Bowen (eds.). *Recent Discoveries in Chinese Archaeology*. Translated by Zuo Boyang. Beijing: Foreign Languages Press, 1984.
- Stories from China's Past: Han Dynasty Pictorial Tomb Reliefs and Archaeological Objects from Sichuan Province, People's Republic of China*. San Francisco: Chinese Culture Foundation of San Francisco, 1987.
- Swann, Nancy Lee. *Pan Chao: Foremost Woman Scholar of China*. New York: Century, 1932.
- Temple, Robert. *The Genius of China: 3000 Years of Science, Discovery, and Invention*. New York: Simon and Schuster, 1986.
- Thorpe, Robert L. *Son of Heaven Imperial Arts of China*. Seattle: Son of Heaven Press, 1988.
- Thorpe, Robert L., and Virginia Bower. *Spirit and Ritual: The Morse Collection of Ancient Chinese Art*. New York: Metropolitan Museum of Art, 1982.
- Twitchett, Denis, and Michael Loewe (eds.). *The Cambridge History of China, Volume 1: The Ch'in and Han Empires, 221 B.C.-A.D. 220*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- The Unearthed Cultural Relics from Lei Gu Dun, Sui Zhou, Hu Bei Province*. Beijing: Museum of Chinese Historical Relics, 1984.
- Vitiello, Gregory (ed.). *Archaeology in China*. South Melbourne: Macmillan, 1977.
- Vollmer, John E., E. J. Keall, and E. Nagai-Berthrong. *Silk Roads, China Ships*. Toronto: Royal Ontario Museum, 1983.
- Waldron, Arthur. *The Great Wall of China: From History to Myth*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Wang Zhongshu. *Han Civilization*. Translated by K. C. Chang. New Haven: Yale University Press, 1982.
- Watson, Burton (trans.). *Records of the Grand Historian of China*. Translated from the *Shih chi* of Ssu-ma Ch'ien (Vols. 1 and 2). New York: Columbia University Press, 1961.
- Watson, William. *Archaeology in China*. London: Max Parrish, 1960.
- Watt, James C. Y. *The Arts of Ancient China*. New York: Metropolitan Museum of Art, 1990.
- Wonders from the Earth: The First Emperor's Underground Army*. San Francisco: China Books and Periodicals, 1989 (rev. ed.).
- The World Atlas of Archaeology*. New York: Portland House, 1985.

ПЕРИОДИКА

- Asian Art*. (Washington, D.C.), 1990, Vol. 3, no. 2.
- Bagley, Robert W. "A Shang City in Sichuan Province". *Orientalist* (Hong Kong), November 1990.
- Chang, K. C. "Archaeology and Chinese Historiography". *World Archaeology* (London), 1981, Vol. 13, no. 2.
- "Chinese Outcry against Scientific Spoilation". *Literary Digest* (New York), Nov. 2, 1929.
- Creel, Herrlee Glessner. "Dragon Bones". *Asia* (New York), March 1935.
- Elisseeff, Danielle. "History of Zhongshan". *Histoire et Archeologie* (Paris), February 1985.

- Hall, Alice J. "A Lady from China's Past". *National Geographic*, May 1974.
- Hall, Dickson. "Relics from Xinjiang". *Orientalions* (Hong Kong), July 1981.
- Liang Chi-chao. "Archaeology in China". *Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution*, 1927.
- Mazzatenta, O. Louis. "A Chinese Emperor's Army for Eternity". *National Geographic*, August 1992.
- Piazzoli-t'Serstevens, Michèle. "Les Débuts de l'Âge du Bronze". *Archéologia* (Paris), June 1973.
- Qi, Chen Ying. "The Mountain Worship". *Histoire et Archeologie* (Paris), February 1985.
- Rudolph, R. C. "Preliminary Notes on Sung Archaeology". *Journal of Asian Studies*, February 1963.
- Topping, Audrey. "China's Incredible Find". *National Geographic*, April 1978.
- Ward, Fred. "Jade—Stone of Heaven". *National Geographic*, September 1987.
- Zong Zheng Shao. "Gold and Silver in Laid Bronzes". *Histoire et Archeologie* (Paris), February 1985.
- ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ**
- Chang, K. C. (ed.). "Studies of Shang Archaeology". Selected papers from the International Conference on Shang Civilization, New Haven: Yale University Press, 1982.
- "Chinese Calligraphy". Leaflet. Washington, D.C.: Freer Gallery of Art, Smithsonian Institution.
- "Chu Tomb No. 1 at Mashan in Jiangling". Abstract. Cultural Relics Publishing House, Beijing, n.d.
- "Dian: A Lost Kingdom in China". Catalog. Zurich: Museum Rietberg, 1986.
- The Freer Chinese Bronzes* (Vol. 1). Catalog. Washington, D.C.: Freer Gallery of Art, Oriental Studies, No. 7, 1967.
- Lawton, Thomas. *Chinese Art of the Warring States Period: Change and Continuity, 480-222 B.C.* Catalog. Washington, D.C.: Freer Gallery of Art, Smithsonian Institution, 1982.
- "The Loulan Kingdom and the Eternal Beauty". Catalog. Research Center for the Culture and Archaeology of Sinkiang, 1992.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Номера страниц, выделенные курсивом, обозначают иллюстрации, относящиеся к данному объекту.

А

Академия Синика 21, 22, 27
Алкоголь, разное применение 38
"Аналекты" 67
Андерссон И. Гуннар: полевые исследования 16—18
Аньян 22, 28, 33, 34, 158; гадательные кости, найденные в Аньяне 19, 20, 21—22, 26, 27; раскопки 7—8, 24—27, 31, трудности при раскопках 22—24
Ао 33
Археологическая бригада в Аньяне 8
Астрономия 126, 142; первая астрономическая карта 47, 48
Афганистан 140

Б

Бя (феодалное государство) 84
Байди 56
Бактрия 137
"Бамбуковые анналы" 11, 21
Бань Гу 118, 135, 142
Бань Чжао 141—142

Белые Ди 56
Бирма 140
Бишоп Карл Уайтинг: раскопки 14—15
Бо 33
Бобы 127
Боксерское восстание 13—16, 19
Борнео: торговля эпохи Хань 136
Братья Чжан: руководство крестьянским восстанием 143—144
Бриден, Пол: его работы — форзацы, 158—159
Британский музей 13
Бронзовые сосуды 8, 11, 12, 17, 22, 26, 27, 30—31, 34, 35—41, 48, 52, 59, 158; выплавление в сборных формах 26—27; выплавление по моделям из воска 48, 62; ритуальное использование 11, 35, 36; современная технология обнаружения подделок 16, 17
Бумага: изобретение 131

В

Ван Говэй: гадательные кости 21
Ван Ижун 18—19
Ван Ман 118, 159
Ван Цань 144
Ванчэн 49, 61
Ваньчуань 15

Вачжасе: неолитическая стоянка 14
Великая Китайская стена 55, 86, 93, 136
Великий канал 60
"Весна и осень" 46
Вечная Красота Лоуляня 76—77
Внутренняя Монголия 127, 128
Войны и их атрибуты: арбалеты 52, 58, 93—94, 98, 136; военные поселения 127; воины Первого Императора 93—95, 96, 97, 98, 105, 110—113; кавалерия 52, 53, 71, 136, 143; колесницы 51—53, 94, 102, 103; набор в армию 65, 69, 71; наконечники стрел 98—99; пешие воины 53, 71; совершенствование вооружения 55—58; эпохи Восточная Чжоу 46, 51—52, 87; эпохи Хань 136; эпохи Шан 31—33
Вторая мировая война: исчезновение останков синантропа 18—19
Вьетнам: контроль со стороны династии Хань 136
Вэй (феодалное государство) 52, 54, 55, 68, 85, 88, 89, 93
Вань (император) 150
Вань Ван 158

Г

Гадательные кости 19, 20, 21—22, 26, 31, 34
Галерея искусств Фрир 14, 15, 17, 22
Гора Лин 115
Горы Циньлин 124
Гробницы: династии Хань 15, 124, 125—126, 131, 145—157; династии Цинь 84—85, 93, 94—95, 102, 104, 105—113; периода Чжаньго 52, 55, 56, 59, разграбление 10—11, 16, 18, 22, 24; Чжоу 14; Шан 8, 9, 22—23, 24—26
Гуанчжоу 120, 136
Гунны 136
Гунсянь 130

Д

Дай, княгиня: см. Синь, княгиня
Дай, князь: см. Ли Цан
Дань: раскопки 55
“Даодэцзин” (“Путь и его сила”) 67, 126
Дерки Норман 44
Ди 56, 57; его войны 52
Династия Сун, исторические реликвии Шан и Чжоу, собранные во времена династии Сун 211—212
Династия Ся 10, 33, 89
Династия Тан: столицы 16
Династия Хань 10, 11; быт 119—123, 124—126, 127, 134; глиняные модели речных судов 130; гобелены 80; гробницы, раскопки, артефакты 145—157; дипломатия 137, 140; достижения 116—118; запрет человеческих жертвоприношений 120, 156; историки 49, 118; каторжный труд 134—135; класс купцов и торговцев 118, 131—132; конец династии 142—144; крестьянское кладбище 119; лакированные изделия 134—135, 146, 152—155, 159; массовое производство орудий труда из железа 129—130; обработка нефрита 120; одежда 145; письмо на деревянных пластинах 81; пища 127, 152—153, 155; правительственные программы социального и технического характера 124; предметы погребения 114, 118—119, 121—122, 126, 128—130, 132—133, 134, 138—139, 141, 145—157; придворные евнухи 143; проекты регулирования разливов Хуанхэ 135—136; развитие правительственного бюрократического аппарата 123—124, 159; расширение границ империи 118, 126—127; ремесла 132—133; роль женщины в обществе 140—142; рост богатства и вла-

сти нуворишей 115; стандартизация текстов Конфуция 142; столицы 16, 123, 124; строительство оборонительных стен 136; структура общества 132; торговля 72, 80, 118, 136, 137—140, 159; установление власти династии 104, 123, 151; цари 115—116, 124, 135; чепраки 87
Династия Цинь 10, 46, 116, 123, 132; бронзовая фигурка в качестве удостоверяющего знака 99; конец династии 103—104; развитие административной 92, 99; стандартизация мер 90—91, 92; стандартизация письменности 65, 90; строительство дорог 92—93; строительство оборонительных стен 86, 136
Династия Чжоу 7; воздержанность в питье спиртных напитков 38; деление на Восточную и Западную династии 46, 158; изделия из нефрита 120; конец династии 71; мечи 53; обработка металла 34, 35, 58—59; письменность 64; поэзия 36; раскоп гробниц династии 14; свержение династии Шан 11, 30, 33—34; социальные преобразования 51, 86—87; столицы 16, 34, 46; традиционное начало китайской истории 10, 21; феодальная система управления 49—50, 54, 158, 159; цари 49, 50, 69, 99; см. также Эпоха Восточная Чжоу, Эпоха Западная Чжоу
Династия Шан: алкоголь 38; археологические культуры, вероятные предшественники Шан 33; быт 31; конец династии 33—34; лакированные изделия 66, 135; недостаток исторических свидетельств 9—10, 11—12; нефрит 120; обработка металла 26—27, 31, 35, 58; основание династии 33; письменность 31, 64, 158; погребения 8—9, 22—23, 24—26; ритуальные винные сосуды 39—41; Саньсиндуй 28; свидетельства человеческих жертвоприношений 8, 22, 24—25, 26; столицы 7, 21, 33; топор палача 25; цари 7, 11, 21, 99; царские гадательные кости 19, 20
Ди Синь 158
Доу Вань: раскопки гробницы 116, 117
Дуань Фан 31
Дун Цзюбинь 30; гадательные кости 21—22
Дун Чжоу 144
Дуньхуан: место раскопок, где были обнаружены манускрипты 13
Дэн (императрица) 142

Ж

Жадент 120
Желтая река (Хуанхэ) 16, 53, 55, 153; проекты эпохи Хань по контролю за разливами 135—136
“Желтые пояски” 143—144
Желтый император 88—89
Жун 93
Жэнь 132

З

Законы: записки об управлении и юриспруденции во времена династии Цинь 91—92; кодификация 86; публичные казни 125; труд осужденных 87, 92—93, 96, 103—104, 134—135

И

И (князь) 50; гробница 47; предметы погребения 42, 44, 45, 46, 47, 48
Иезуиты 66, 130
Императорская академия Ханьлинь 18
Индия: торговля с Китаем 140
Институт археологии (Пекин) 115
Институт археологии провинции Шэньси 139
Инь 141; столица Шан 7
Искусство: бронзовые скульптуры 28, 29, 42, 60—61; деревянные фигуры 156—157; керамические скульптуры 119, 125, 132—133; настенные рисунки 89, 119, 125, 127, 128; нефрит 6, 12, 13, 32, 120—122, 158; подделка древних артефактов 16, 17; рисунок на шелке 70; терракотовые скульптуры 82, 83—85, 105—113, 138, 139, 159; технология массового производства 96, 97, 111; украшения из бронзы 35, 36
“Исторические записки” 11, 49, 54, 60, 84, 88, 89, 93, 98, 100, 101, 103, 118
“История Ранней Хань” 118, 135, 142
Иудея 140

К

Календари 31, 129
Канал Хань Гоу 60
Кантон: см. Гуанчжоу
Китай: “Боксерское восстание” и интервенция европейских держав 13—16; влияние политической нестабильности на работу археологов 14, 27, 30; доисторические поселения 158; “Золотой век” 9—10; карта 9; конец эры империализма 16; мандат неба 34; попытки контроля потока артефактов из Китая

18; развитие культуры 62, 71; разнообразие диалектов разговорного языка 63; рост активности работы археологов, инициированный возникновением КНР 30—31; сосредоточение власти 68, 71, 86—89, 159; технологические и технические новшества 129—131; угроза нападения кочевников и варваров 12, 55, 69, 71, 87, 93. См. также Династия Тан, Династия Хань, Династия Цинь, Династия Чжоу, Династия Шан

“Книга документов” 11
 “Книга истории” 46
 “Книга песен” 46—49
 Княгиня Дай: см. Синь, княгиня
 Князь Дай: см. Ли Цан
 Колесная тачка 130
 Колумбийский университет 14
 Конфуций 9, 63, 67, 120, карьера 66—67, стандартизация текстов учеными династии Хань 142
 Корея: влияние на Корею династии Хань 136
 Крил Херрли Глесснер 22—24
 Культура Лоншань 18
 Культура Лянчжу 13
 Культура Эрлитоу 33
 Кун Фу-цзы 66. См. Конфуций
 Кун Цзы 66. См. Конфуций
 Курган Принца Ма 145

Л

Лакированные изделия 46, 66, 133, 134, 135, 146, 152—155, 159
 Ланьтяньский человек 158
 Лао Ай 88
 Лао Цзы 67
 Ле Кок Альберт фон 13
 Ли Бин 60
 Линшоу 56
 Линьсян 145, 146
 Линьтао 86
 Ли Цан (князь Дай) 126, 145
 Ли Цан 30, раскопки в Аньяне 22, 24; раскопки в Сяотуне 27
 Линьцзы 61
 Ли Сы 86—88, 89, 99, 101, 103, 159
 Литература: поэзия эпохи Хань 144; поэзия эпохи Чжоу 46—49, 69; уничтожение работ в эпоху династии Цинь 99, 101
 Лоулань 78; могильные курганы 76—77; обнаружение и раскопки 13, 72, 73
 Ло Чжэньюй 21; изучение гадательных костей 20
 Лоян 16, 34, 49, 61, 62, 69, 119, 131, 134, 142; разграбление города

144; столица Восточной Чжоу 46, 159; столица Хань 124, 159
 Лу (феодальное государство) 46, 60, 66
 Лэйгудунь: раскопки могилы 44, 45, 47
 Лю Бан: основание династии Хань 104, 123, 144, 159
 Люй Бувэй 87—88
 Люлигэ: раскопки гробниц государства Вэй 52, 55
 Лю Симэй 56
 Лю Теюнь 18—19
 Лю Шэн 124; обнаружение и раскопки гробницы 115, 116, 117, погребальный саван из нефрита 116, 117
 Лян Сыюн 24
 Лян Цичао 21
 Ляодунский полуостров 86

М

Ма (принц) 145
 Мавандуй: раскопки гробницы династии Хань 126, 145, 151
 Маньчжурия: под контролем Хань 136—137
 Математика 142; математические примеры в текстах 65
 Машань: раскопки гробницы царства Чу 62, 66
 Метрополитен-музей (Нью-Йорк) 30
 Могильный холм у реки Кончедарья и Священный Круг 74—75
 Монголия 136
 Монголы, завоевание Китая 12
 Монеты: монеты династии Хань 12; монеты династии Цинь 90, 92, 93; монеты феодальных государств 92—93; раковины в качестве денег 8, 52, 92
 Музей национальной истории (Нью-Йорк) 19
 Музей Пенсильванского университета 14
 Музыка: во времена династии Хань 133, 156, 157; в эпоху Чжоу 44; губные гармоники 157; колокола 43—44, 45; цитра 157
 Мэн Тянь 93, 101, 103

Н

Надписи 9, 19, 134; на гадательных костях 20, 21, 26, 34, 64; на ритуальных бронзовых сосудах 12, 19, 34, 35, 64, 67; эпитафии 137
 Наньюэ 120
 Неолитическая эпоха 10, 158; артефакты 10—11, 12—13, 15, 72; захоронения Лянчжу 12; культура Луншань 18; культура Яншао 16; раскопки в Шэньси 14, 15; раскра-

шенные урны 10—11; схематические знаки на керамике 63
 Нефрит 6, 8, 12—13, 28, 31, 39, 62—66, 158; отношение китайцев к нефриту 120; погребальная маска из нефрита 32; ритуальная роль в захоронениях эпохи неолита 12—13; саваны 116, 117, 120—122; украшения 6, 12, 121
 Ния, раскопки 78, 80—81

О

Озеро Лобнор 78
 Округ Цзянлин 66
 Отполированный речным потоком камень 56

П

Пекин 16, 18, 19, 60
 Пекинский человек (синантроп) 16, 18—19, 158
 Пеллоль Поль 13
 Первый Император: см. Цинь Шихуанди
 Период Весна и Осень (Чуньцю) 46, 49; войны 50, 51—53, 55—58, 69, 86, 159; строительство оборонительных стен 55
 Период Враждующих Царств (Чжаньго) 46, 52, 53—55, 126; данные о людских потерях 54, 88; окончательная победа Цинь 51, 69—71, 84; производство и использование железа 58—59; производство шелка 63; прогресс в технологии производства тканей 62; раскопки гробниц, относящихся к этому периоду 56, 59; рост городов 61; сосредоточение власти 64, 159; торговля 61—62, 69; управление разливами рек и ирригационные проекты 59—60
 Персия, торговля с Китаем 140
 “Песни Чу” 156
 Пещеры Тысячи Будд 13
 Пин Ван 159
 Письменность: использование бумаги и шелка 131; кисти, чернила, бамбуковые пластины 64, 92; развитие и стандартизация 31, 63—65, 90, 158, 159
 Племена Цян 9
 Поло Марко 78
 Провинция Ганьсу 12, 18
 Провинция Ляонин 55
 Провинция Сычуань 28, 60, 129, 130, 140
 Провинция Хубэй 44, 47, 69, 91, 126
 Провинция Хунань 66, 69, 125, 126
 Провинция Хэбэй 55, 56, 59, 68

Провинция Хэнань 14, 15, 16, 19, 33, 34, 43, 49, 68, 69, 119, 130, 134, 144, 158, 159
 Провинция Шаньдун 18, 50, 61, 65, 133, 144
 Провинция Шаньси 62, 68
 Провинция Шэньси 12, 14, 16, 34, 60, 69, 83, 123, 131, 158
 Просо 31, 38, 127
 Прямая дорога 92—93
 Пустыня Гоби 12
 Пустыня Лобнор 12, 74, 78
 Пустыня Такла-Макан 12, 13; карта 113—119; места археологических раскопок 72—81; находки мумифицированных останков 72, 75, 76—77
 Пшеница 127
 Пэй Вэнь Чун, находка Пекинского человека (синантропа) 16

Р

Река Вэйхэ 18, 89
 Река Кончедарья, раскопки мест захоронений 74—75, 78
 Река Ло 60
 Река Мило 69
 Река Минь 60
 Река Хань 69
 Река Хуай 60
 Река Хуань 7, 21
 Река Чин 60
 Религия: буддизм 13; вера в загробную жизнь 74, 75, 156; верховное божество Шан 26, 158; гадание 19, 20, 98, 99, 158; даосизм 126; поклонение предкам 10, 11, 26, 35, 36; талисманы 75; традиционные верования 100—101; человеческие жертвоприношения 8, 22, 24, 25—26, 44, 47, 120; шаманство 35, 41
 Рим, торговля из Китая шелком 140
 Рис 127
 Руины Иня 7, 20

С

Саньмэнься 35; находка железного меча 32—33; находка погребальной маски 32
 Саньсиндуй: найденные артефакты эпохи Шан 28—29; раскопки 29
 Сельское хозяйство: династия Хань 127—129, 130; династия Цинь 92, 99; период Западная Чжоу 34; период Чжаньго 54, 59; ранняя стадия 74, 158; эпоха Шан 31
 “Семь скорбей” 144
 Си (чиновник династии Цинь), раскопки гробницы 91—92
 Сиань 12, 16, 34, 46, 83, 123, 158
 Сидациаоцунь, раскопки кладбища ка-торжников 134—135, 137

Синлун, раскопки 59
 Синь (княгиня Дай): вскрытие трупа 148—149; похороны 146; раскопки гробницы и артефакты из захоронения 126, 127, 145—157
 Сизтл (шт. Вашингтон), выставка китайских артефактов, хранящихся в Сизтле 43—44
 “Скорбь отверженного” 69
 Смитсоновский институт 22
 Согдиана, битва 94
 Соль, государственный контроль за производством 129
 Соя 34
 Стейн Орел 18, 78; находка мумифицированных останков 72; раскопки в Дуньхуане 13; раскопки в Ние 81
 Сто философских школ 66
 “Стратегемы Чжаньго” 71
 Суда: речные 130; с рулевым управлением 130, 131
 Суматра, торговля с Хань 136
 Сун (феодалное государство) 60
 Сунну, военные походы Хань против сунну 136, 137
 Сунь Ижан, надписи на гадательных костях 19
 Сунь Цзы 54
 Сыма Цань 11, 21, 49, 116, 118, 132, 140
 Сюань (царь) 67
 Сюньцзы 67
 Сюнь Цин 87
 Сяду, раскопки 59
 Сянь (император) 144
 Сяньян 86, 103; императорские дворцы 88, 89, 90, 101, 104; разграбление города 104
 Сян Юй 104
 Сяо (великий князь) 68, 86
 Сяотунь 20, 23; раскопки архива (надписей на черепаших панцирях) 26—27

Т

Тайваньский университет 30
 Тай Цзы Чуань 113
 Техника археологии: радиоуглеродное датирование 33, 63; сохранение артефактов 139
 Тешэнгоу, литейная мастерская 130
 Тиберий 140
 Ткани: одежды из шерсти, прядение 79; см. также Шелк
 Торп Роберт Л. 116
 “Трактат Чжаньго” 46
 Тутанхамон 43
 Ту Фан 9, 20

У

У (император) 140, 142, 143, 159; экспансия влияния Хань 136—137
 У (княжество) 59
 У Ван (император) 158
 Угуань 25
 У Дин 9, 27, 158; надписи на гадательных костях 20
 “Уроки для женщин” 141
 Уюань 128

Ф

Фестиваль Лодок Драконов 69
 Философия: даосизм 67; дуализм “инь—ян” 67; конфуцианство 64, 66—67, 98; легизм 67, 68, 86, 92
 Фусу (принц) 101, 103
 Фу Хао 20; раскопки гробницы 8—9; 31, 150
 Фу Шэн 46

Х

Ханчжоу 60
 Хань (феодалное государство) 60, 68, 88
 Хедин Свен 12—13, 78; открытие Ломанья 72
 Хемп 127, 128
 Хоума 62
 Хуанди (Желтый император) 88, 89
 Хуань (великий князь) 50
 Художественный музей Принстонского университета 17
 Хунаньский медицинский колледж 149
 Хухай (принц) 101, 103. См. также Эр Шихуанди
 Хуэйсянь 55
 Хуэйцаун (император династии Сун) 12
 Хэ (император) 141, 142
 Хэлиньгэр (Внутренняя Монголия) раскопки 127—128

Ц

Цзин (император) 115; гробница и терракотовые фигуры воинов 135, 138—139
 Цзинь (феодалное государство) 52, 62, 68
 Цзиданьку 66
 Цзыин (царь) 104
 Цзэн (феодалное государство) 44, 47, 50, 92
 Цзэн Хоу И: см. И (князь)
 Цзяонянь 55
 Ци (феодалное государство) 50, 54, 55, 61, 67, 68, 88, 93, 98
 Цинь (феодалное государство) 53, 54, 60, 68, 85—88, 98, 100; под-

чинение других государств в период Чжаньго 51, 69—71, 88, 158, 159
Цинь Шихуанди (Первый Император) 84; антагонизм ученых 98—99, 101; артефакты, раскопанные в комплексе захоронений 87; завоевания 10, 85, 88; затворничество 99—100; комплекс захоронений 84—85, 93, 94, 95, 102, 104, 105—113; объединение Китая 88—89, 159; попытки покушений 100; проведение социальных реформ 90—91; раскопки терракотовой армии 83—85, 93, 94—97, 98, 104, 105—113, 138, 139; смерть 101; строительство Великой китайской стены 86, 93; уничтожение литературных и философских текстов 99, 101
Цо (царь): предметы из захоронения 59; раскопки гробницы 56, 57
Цуй Ши 128—129
Цюй Юань 69

Ч

Чанпинский поход 54, 98
Чанша 66, 126, 135
Чаньань: раскопки 124, 125, 138—139; столица Хань 123, 124; “Шелковый путь” 12
Ченг Тсунг О. 148
Ченду, ирригационный проект 60
Черчен, предметы захоронения из гробницы 78, 79
Чжан, предметы из гробницы 143
Чжан Цзянь, путешествия 137—140
Чжао (феодалное государство) 53, 54, 57, 68, 88, 93, 98, 116
Чжао Гао 101, 103, 104
Чжао Го 129
Чжао Мо: предметы погребения из нефрита 120—122; раскопки гробницы 121, 122
Чжоукоудянь, находка окаменевших останков человека 16, 18—19
Чжуансян (царь) 87

Чжуншань (феодалное государство) 56, 57, 60, 116
Чжэн (царь) 87, 88, 93, 159. См. Цинь Шихуанди
Чжэн Го 60
Чжэнчжоу, раскопки 33
Чжэн Чжэньсян 8
Чи (феодалное государство) 53
Чу (феодалное государство) 44, 50, 51, 55, 62, 66, 69, 86, 88, 89, 92, 103

Ш

Шанди (божество) 26, 158
Шанхай 16
Шан Ян 68, 86
Шелк: достижения в технике прядения и ткачества 66, 150, 158; манускрипты на шелке 63, 66, 131; одежда из гробницы империи Хань 145, 150, 151; одежда из гробницы царства Чу 62, 66; производство 128, 129; торговля 119, 140, 159
Шелковый путь 72, 78; карта 118—119, 159; первые раскопки европейцев на маршруте Шелкового пути 13—22
Ши: философы 67; роль в управлении и в армии 51, 53—54
“Шицзи” 84. См. “Исторические записки”
Шу (феодалное государство) 60, 84

Э

Эпоха Восточная Хань 118, 130, 142, 159; гробницы 15; кирпичи с печатями, найденные в гробницах 129
Эпоха Восточная Чжоу 10, 34, 64; изготовление предметов из золота, серебра и нефрита 62—66; изменения в искусстве, технической и интеллектуальной сферах 46, 58—59, 62, 66—68; исторические записки о данной эпохе 46—49; конец эпохи 71; лакированные изделия 66, 135, 159; письменность 64; разделе-

ние на периоды “Весна и Осень” и “Враждующие Царства” 46, 159; рост населения 60; территориальные границы, карта 51; урбанизация 60—61. См. Период “Весна и Осень” и Период “Враждующие Царства”

Эпоха Западная Хань 118, 145, 154; письменность 65
Эпоха Западная Чжоу 10, 34, 46, 49, 158; бронзовые сосуды 30—31; конец династии Чжоу 47; изделия из нефрита 32; лакированные изделия 66; обработка металлов 35; развитие административной системы 34
Эпоха Поздняя Хань: см. Эпоха Восточная Хань
Эпоха Поздняя Шан, обработка металлов 35
Эпоха Ранняя Хань: см. Эпоха Западная Хань
Эр Шихуанди 103, 104

Ю

Юй 120. См. Нефрит
Юньган 14
Юньмэн 91
Юньцзинь 15
Юэцзи 137

Я

Ява, торговля с Хань 136
Ян 141
Янцзы 34, 60, 69, 71
Яншао (культура): открытие 16—18; раскрашенные урны 10—11
Яншаоцунь, неолитические стоянки 16—18
Янь (феодалное государство) 53, 55, 59, 69, 88, 93, 100
Яньши 33
Яньши Сянь 134
Япония 101
Японско-Китайская война 18, 27
Ячмень 127

Электронный вариант книги:

Скан, обработка, формат: manjak1961

ПОГРЕБЕННЫЕ ЦАРСТВА КИТАЯ

ИСЧЕЗНУВШИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

КЭРРИ

ISBN 5-300-01737-X

9 785300 017378